алексей цветков

все это
или
это все

I

Αίλουρος

алексей цветков

все это
или
это все

собрание стихотворений
в двух томах

том I

ailuros publishing
new york
2015

Редактор Елена Сунцова.
В оформлении обложки использован рисунок работы Ирины Глебовой.
Подписано в печать 14 июля 2015 года.

All of It, or That's All
Collection of Poems in Two Volumes, by Alexei Tsvetkov. Volume I
Ailuros Publishing, New York, USA
www.elenasuntsova.com

ISBN 978-1-938781-38-4

* * *

странник у стрелки ручья опершись на посох
ива над ним ветвится в весенних осах
летучие лица тучу сдувают в угол
на горизонте латают лазурный купол
вьюн виноградный часовня и поле льна
средневековье времени полдень дня

дробная россыпь черных грачей в ландшафте
или людей впереди один на лошадке
это к нему с виноградного склона слева
скачет ручная серна и машет дева
лен полыхнет синевой озаряя твердь
посох коса и страннику имя смерть

над капюшоном ива струится пышно
люди поют в унисон но сюда не слышно
гибкая дева-ива и серна в лозах
лики длинного ветра в безруких позах
музыка ос золотая пряжа лучей
странник стоит на траве и глядит в ручей

лица без тел и тело без глаз и кожи
в полом плаще но существует тоже
в чреве часовни монах воздевает руки
с детства боится и молится богу-буке
нет ему бога и вся эта жизнь ничья
деве уже не пересечь ручья

все золотые осы весны и в тучах лица
этот свет беспробудному камню быстро снится
только синим огнем полыхнет по липкой глине
и обрушится в ночь а буки нет в помине
только химия гложет время за слоем слой
дева машет с холма и серна летит стрелой

* * *

грузно в воздухе тишина
стерты контуры в порошок
и судьба твоя решена
потому что срок подошел

если выстроить годы в ряд
различим очевидный вред
где гранит поперечных гряд
прерывает перечень лет

где луны серебристый ствол
упирается в лесс и мел
и в труху рассыпался стол
за которым картофель ел

напряжением прежних воль
не разъять над теменем тень
волчий вой и павлиний вопль
одинаковы в этот день

есть у тела пятерка слуг
все отпущены под расчет
и когда исчезает слух
разговор из-под глыб течет

говорит пирит полевому шпату
скоротечны умственные труды
но судить об этом нам не по штату
потому что отроду мы тверды
это мы земли золотая пена
не взопреет слизь и не будет тлена
там где червь не точит и ржа не ест
где искрится кварц и свербит асбест

говорит бериллу яр аметист
мы последний лес где не дрогнет лист
до конца времен простоит чертог
где закован сном наш чугунный бог
по всему пространству его миры
где горды мы что с ним заодно мертвы
только тот порядку вещей полезен
кто померк внутри и нем навсегда
остальное сыворотка и плесень

не простить стыда
шелестит слюда
хорошо горит
говорит пирит

* * *

над пропастью как пророк
в большом штормовом плаще
добро еще не продрог
и не околел вообще
в пустыне полсотни лет
однако эффекта нет

назад в позабытый дом
припрыжка не по летам
должно быть ошибка в том
что шум поднимал не там
не тех тормошил и тряс
не с теми пускался в пляс

песков терпеливый гость
беглец ледовитых круч
в стене заскорузлый гвоздь
в руке бесполезный ключ
и как в предыдущий раз
партер вороватых глаз

я слово для них обрел
где в пойме черна земля
на правом плече орел
на левом плече змея
предсмертного солнца жар
и в горле бильярдный шар

* * *

кеннеди кеннеди кинг и прочие жертвы
и с моста в пролом талахачи а смерти нет
билли джо макалистер о ком бобби джентри
пела пока не канула в интернет
в год когда я ждал на бульваре гири
в теремке термитном скорых даров судьбы
антиподы-прадеды с лязгом зубы в супы
упустили и рты утереть забыли
аж до орденских плашек висла слюна
в год когда я дернул к иным пределам
к синему заливу и пылким девам
запевай струна

от рассвета по трайборо вброд до бронкса
до заката на дилерской тачке в тендерлойн
грыжа держит азимут авось доберемся
в путь по солнечной в обратный по теневой
поздних зорь резеда в парнике партийном
муровали в гранит эти челюсти и тела
зимовать потому что смерти нет в противном
случае надо признать что жизнь была
к руслу миссури нимфы на фавнов падки
над cbgb лето прольет елей
мост над синим проломом по радио панки
the kkk took my baby away

погляди меня в гугле господи всех вселенных
если я записан в какой-нибудь их народ
очарованный житель в рощах твоих целебных
дегустатор нимф и редких рифм нимрод
сквозь гикори и гинкго слепящий свет одинаков
сквозь хитон рентгеном костей любой сантиметр
я вернулся открыть вам тайну двух океанов
горизонт безлюден как был и смерти нет
кто затеплил свет перед светом навек в ответе
не уйти в полутьму астролябий и ветхих книг
под окном паркинг-лот на асфальте играют дети
кеннеди кеннеди кинг

* * *

было третье сентября
насморк нам чумой лечили
слуги ирода-царя
жала жадные дрочили
опустили всю страну
поступили как сказали
потный раб принес к столу
блюдо с детскими глазами

звонче музыка играй
ободряй забаву зверю
если есть кому-то рай
я теперь в него не верю
со святыми не пойду
соглашаюсь жить в аду

в царстве ирода-царя
кровь подсохла на рассвете
над страной горит заря
на траве играют дети
все невинны каждый наш
я предам и ты предашь

04.09.04

* * *

треплет невзгода кулисный картон
зыблется мокрого света граница
в пепельных клетках бюро и контор
время двоится

небо зажгло штормовые огни
голос погас или горло в коросте
где это с нами и кто мы одни
здесь на помосте

время повернуто в оба конца
тонко в нии нагадала наука
мчится во имя кому-то отца
сына и внука

тени охапки и ворохи тьмы
реют бореи сквозь тросы тугие
как это с нами и кто эти мы
кто-то другие

только заря загорится черна
гостья с обратного берега ночи
глянет нам кормчий с чужого челна
вкрадчиво в очи

* * *

рано выйди на дорогу
солнце медное над ней
там пасет себе корову
человек вчерашних дней

шелест вяза у развилки
справа кочки прямо пни
в камне выбит текст дразнилки
гроб куда ни поверни

торопясь под песню птичью
за лекарствами в район
можно стать кому-то дичью
и добычей для ворон

если выйдешь к автомату
на жену как волк сердит
там шопенову сонату
группа медная дудит

даже ближний путь в контору
на разбор текущих дел
мученичества корону
обещает каждый день

у любого домочадца
после потного труда
есть серьезный риск скончаться
и исчезнуть навсегда

* * *

теплый вечер дождями умыт
ветер кроны янтарные вытер
кто-то в парке сегодня убит
я прошел стороной и не видел

не клинок так любовь и вино
обеспечат плиту и ограду
потому что природой дано
совершить нам любую неправду

весь в ромашках редеющих трав
мало света и счастья немного
этот мир перед нами не прав
мы здесь пасынки слабого бога

заведу расшивную тетрадь
черный бархат на алой подкладке
чтобы всех кто рожден умирать
занести в алфавитном порядке

для каких-нибудь лучших веков
где судьба осторожней и строже
бродский проффер сопровский цветков
и ромашки
и бабочки тоже

* * *

памяти дениса новикова

погоди я тащусь от пейзажа
то шакал в камыше то койот
к синеморю река проезжала
там о родине что-то поет
под кустом мегатонны в заначке
видно сбросил сержант кабалу
а потом луговые собачки
правят утро в сосновом бору
три сурка со старинной конфеты
в нежных нимбах дрожат силуэты

там вдали огоньки полустанка
сам-шериф и ковбоев пяток
и невольно пришпорит мустанга
утомленный планеркой парторг
он согласен явиться народу
чтобы стейки первач и ситро
из-за образа вынут колоду
texas hold'em стрельба у сельпо
пусть поштопает ватные польта
шестикратное зарево кольта

далеко это ранчо однако
все торнадо команчи леса
и не факт что в заштатном монако
иноходцу нароют овса
ни сырку ни лучку тебе дядя
посильнее здесь гасли умы
только истово крестится глядя
на большой полумесяц луны
и бубнит буераками едя
три сурка три сырка три медведя

* * *

стекла в стрелках дым в трубу
лес одетый в мыло
конькобежцы на пруду
вот и все что было

стрекот ходиков скорей
стриж в лазури лихо
после ловли пескарей
сбор ботвы и лыка

своз соломы на возах
сельские приметы
исчезают на глазах
ветхие предметы

так привидится потом
отчая сторонка
на окне лежит батон
на столе солонка

ночь проспим и время с ней
ни молвы ни толка
станем тише и грустней
жить уже недолго

* * *

жизнь больному не убыток
пей лекарства и не кашляй
у медведок и улиток
тоже есть своя у каждой

существуют волк и выдра
есть ежи морские даже
тоже люди очевидно
общей пьесы персонажи

все дантисты и еноты
все бациллы и датчане
совершенно невиновны
в том что созданы вначале

у людей болеют дети
в сентябре синицам зябко
кто останется на свете
если все умрут внезапно

кто же нас из камня выжег
кто из тьмы прогнал неистов
царь монархии мартышек
дож республики дантистов

свет звенит над нами ярок
корм резвится в теплой луже
жизнь похоже не подарок
но не жить гораздо хуже

* * *

в ржавом остове вокзала
тень струила невода
зубы редкие вонзала
прямо в горло немота

здесь забыв собой гордиться
хрипло дышит человек
словно тусклая водица
ночь сочится из-под век

каждый зев привержен зелью
жизнь диктует где поддать
никогда на эту землю
не сходила благодать

ночь река с проворной грустью
постепенно сносит к устью
шелудивых и увечных
население баржи
в протяженье каботажа
экипаж постигла лажа
неприятели природы
эти шлюхи и бомжи

почему на пристань леты
с детства выданы билеты
почему еще в полете
чайки загодя мертвы
сколько глаз к стеклу ни липни
там пургу сменяют ливни
а потом прикроют веки
санитары и менты

сказка лживая связала
жалких жителей вокзала
рай курортный с пыльной фрески
жизни требует взамен
всюду пальмы посмотрите
сбоку буквы на иврите
для пригожих и умытых
древней радуги завет

я войду и буду краток
миновало время пряток
миру времени в обрез
бейте в бубны
я воскрес

* * *

здесь перечеркнуто и смысл вложить нельзя
как жернов тяжела последняя земля

здесь времени кайма и в сумерках видны
индиговых небес монтажные винты

в невидимый прокол проложен нежный нерв
в лесу ажурных ферм над ужасами недр

созвездий верхний вихрь песок столетий вниз
do not climb the guard-rail и do not loiter please

кругом возможно сон но чей-нибудь чужой
попытка выбора меж плотью и душой

отвага быть добрей
но не тебе и мне
звезда моих морей
крепежный болт в стене

когда воскреснет речь
то в ком-нибудь другом
пока пойти и лечь
такая ночь кругом

* * *

пытаться петь и верить вечно
считать что существует нечто
пищит и вертится в руках
жаль что не выглядит никак

в холодном погребе сознанья
где сердце вредный истопник
предметов глупые названья
пустые формы из-под них
волокна времени бездушны
камней рекорден урожай
ты этих сущностей без нужды
не умножай }2 р

поди вернись в верховья мира
в забытой азбуки года
где только мила ела мыло
а мы не ели никогда
мертва премудрости царица
мать умозрительной хуйни
пора в мобильнике порыться
взять и жениться по любви

* * *

клекот из горла ли лепет из чашки петри
осциллограмма легкой капелью пульс
раньше росла трава и птицы пели
нравилось лучше все состоится пусть

гром метеоров в грозу города отважны
всплыть чтобы мокрые звезды рыбьим ртом
все что возможно случится сейчас однажды
пусть никогда никогда никогда потом

в темень струит стволы и в ливень лица
бережный сад к оврагу журчит дрожа
трудно сбывается все что не смело сбыться
страшно и сразу как в сумерки блеск ножа

третий удар тишины и дробью снова
кто там стоишь у ослепшей стены одна
воля твоя велика но вслух ни слова
землю разверзни но не затворяй окна

свернута кровь в рулоны сыграны роли
слипшихся не перечислить лет в душе
сад в соловьиной саркоме лицо до боли
и никогда никогда никогда уже

* * *

на пляже тени влажные ложатся
кружат стрижи и не хотят снижаться
сто шестьдесят девятый день в году
скрипят ворота и орфей в аду

река на букву с и бессловесны
птицеподобья в тучах муляжи
животных на притворном водопое
над всеми кипарисовые свечи
пылают черным правильным огнем
и бабочки как проруби в сетчатке
стократ черней чем допускает глаз
не шелохнуть ушей бесшумной лирой
вот жители умершие из нас
и страшен всем ротвейлер троерылый

он здесь повторно раньше он имел
спецпропуск на какую-то одну
из этих нас но слабо в мелкий шрифт
вчитался и ротвейлер на контроле
вмиг завернул которую привел
тот даже с горя спел по-итальянски
стеная вслед упущенной добыче
в окошко тыча справку и печать
мол дескать que faró senza euridice
что дескать делать и с чего начать

нас нет никак мы созданы из вздохов
из допущений и негодований
из слез и всхлипов тех кто нами был
на елисейских выселках отныне
где так черны стрижи и кипарисы
и метит камни оловом река
там наверху зачем кадите богу
не возвратится с музыкой жених
из этой бездны где ротвейлер ногу
вздымает над надеждами живых

* * *

перед кем они прежние виноваты
что не те за кого себя выдавали
наслоили времени в дуб толщины
с нашего торца в канун прощальной стражи
все живые и их железные даже
вещи под подозреньем но прощены

в целях нам укора в прямом людоедстве
хрупкий трупик матери терезы в детстве
лику блаженных за комковатость лап
сопричислен крестовым воинством спида
толоконный престол швейцарская свита
мы не вашей своры все спасены кто слаб

ни беды ни гнева давно в организме
мраколюбы уличат в маркионизме
все спасено в готичных лучах луны
подпеть дрозду испить дождевую каплю
и уходя припасть к тростнику и камню
без вериг и веры с сердцем полным любви

* * *

in memoriam

горло гноит досада от летней простуды
вреден ветер и время без пяти опасно
столько зрения было и слуха напрасно
столько солнца сожгли на жесты и поступки

руки сквозь встречный воздух как воск через силу
медленный бег обещает позднюю помощь
поздно пытаться всем кого любил и помнишь
рассыпать billets-doux по sms и мылу

кольца сатурна немели от наших песен
сладок лидийский лад и для любви полянка
вот она пара ушей от чего понятно
вот игла кощея и поликратов перстень

день состоится секреты ему известны
тень обернись только музыка не велела
песня без слов баба без рук но не венера
верно богиня беды или зверь из бездны

чтобы в горле гарь уже не казалась адом
вдребезги свет электрический ток в розетку
пассажир с вещмешком в лондонскую подземку
бюллетень би-би-си парное мясо на дом

выйдем к вечеру живые узрим воочью
неба нет и в эту дыру сквозь дым струится
свет который теперь никогда не затмится
день который для них не завершится ночью

* * *

проснуться прежним навеки на этих фото
вмиг ориентир на буфет и виски залпом
буржуазно живут но видно вышел кто-то
в красивой стране в июле своем внезапном
словно от старости света день фиолетов
еще догорает тостер и чайник жжется
вниз по стене золотые девки берн-джонса
а бушевал что в жопу прерафаэлитов

к старости вкус снисходительней если телки
щедрость зла и добра откуда что берется
не то что чужая душа своя потемки
или это все-таки я а тот вернется
вот на комоде широкоморд и бледнее
рядом возможно но боже только не это
так загреметь в чужое без пощады лето
жутко как жизнь одинакова но длиннее

куцые тени это точно дальше к югу
снова изящное искусство та же тема
телка в соку и ей скелет клешню под юбку
никлаус мануэль рисунок смерть и дева
только не это боже сердце в кровь о гравий
времени в тусклом стекле лиловее вечер
черный такой в клочьях тлена навек обвенчан
со всеми но не с тобой не с тех фотографий

ваза с розами вдребезги об пол и ладно
жители гасят свет и тоже гаснут сами
ключ прогремел в замке и не заснуть обратно
уговори что это случится не с нами
что рожденным в лучах авроры в пене снежной
не входи минуту слушай о чем толкую
дают ледяное сердце и жизнь такую
чтобы вровень со смертью страшно но с надеждой

* * *

теперь короткий рывок и уйду на отдых
в обшарпанном 6-motel'е с черного въезда
визг тормозов и время замирает в потных
послеполуднях жиже жить не сыщешь места
какой-то шибойген или пеликен-рэпидз
всплески цветных галлюцинаций на заборах
окно в бетон на стене трафаретом надпись
то-то и то-то паркинг в пыльных сикаморах
платишь индусу в субботу сколько осталось
или в календаре переставляешь числа
ящик на шарнире звездный след это старость
годы которым в уме не прибавить смысла
солнце летит болидом за дальний пакгауз
точка где исчезну и уже не покаюсь

щелкнешь пультом и в кильватер ток-шоу теннис
а поскольку лето в календаре постольку
звон цикад я вчера через дорогу в denny's
слышал про озеро в пяти часах к востоку
взглянуть бы раз но движок у доджа ни к черту
ремень вентилятора источили черви
пергидролевая за стойкой взбила челку
не для меня конечно да и мне зачем бы
кофе разит желчью носок изъездил вену
запор на заре потом понос на закате
озеро-шмозеро вообще не шибко верю
ничего не бывает витгенштейн в трактате
написал как отрезал каждому известно
правило мир это все что имеет место

озеро мичиган заветный берег жизни
так далеко на сушу отшвырнуло бурей
не был в йеллоустоне где медведи-гризли
в сущности то же что и европейский бурый
где-то америка башни вновь по макету
гадай в шибойгене переживут ли зиму
нынче было знаменье как баньши макбету
на коре кириллицей костя сердце зину
дрогнуло перед взрывом что земля большая
сердце истекло любовью к родному краю
но уже все равно потому что вкушая
вкусих мало меду и се аз умираю

в городке которого не припомнит карта
на крыльце мотеля в подтяжках из k-mart'a

* * *

счастлив кто в кругу отеческих птиц и пиний
мальчик согрей воды принеси полотенец
как воспел в энциклопедии старший плиний
или младший но вряд ли тот еще младенец
гостей обнесли вином нарезают дыню
как воспел не все ли равно гораций ладно
умереть за отчизну достойно и славно
кровь вьется в воде подобно алому дыму
снаружи зевает стража челядь в печали
лукан в дверях вяло пожимает плечами

гости глотнули вина заедают дыней
ляпнешь лишнего и тотчас дадут огласку
один склонился к ванне наверно квириний
то есть статий конечно наложил повязку
так и будем прощаться в молчанье согласном
сам просил рабыню в спальную половину
виллы перевести помпею паулину
угасать отдельно пусть не будет соблазном
староват для смерти кровь побегу не рада
но друзья пообещали развести яда

жизнь легла как стрела да кончина лукава
вот и племянник лукреций хренов и энний
поздно полагаться на олуха лукана
пусть и лауреат литературных премий
предкам присягал но чаша в руке дрожала
лапа совместной беды и над ним когтиста
тоже ведь дождется вестника от артиста
скрипача среди живописного пожара
нынче молчалив упирает глаза в стену
что ли для новой поэмы лелеет тему

прав я был смолоду не допуская страха
верно верил что мудрый не имеет гнева
был бы как эти гости или эта стража
подвержен каждой боли и не видел неба
хоть и деталь но приятно уйти красиво
трибун мог как раба мечом или на дыбу
благодетели медлят но несут спасибо
в кубке отрава подобна белому дыму
тусклая тьма судьбы ее жидкие зори
dulce et decorum est pro patria mori

* * *

диспетчер погоды грозу громоздит из угла
пейзажного дня где луга в котловине пологи
в полуденном поздняя небе нелепа луна
но вспученно дачный ручей обивает пороги

он вымок до нитки в чем прошлую ночь провожал
на выдохе бег и повадка погоды опасна
вдомек ли кому осторожный народ горожан
что скоро гроза и луна в голове неотвязна

жара и природа в бобрах у запруды жива
порой парусами врасплох не расплещутся шторы
влюбиться с разбега покуда не гром из жерла
бояться спотьма и к живому невеститься чтобы

надежда напрасна что день перед устьем багров
как синтаксис песня латинский ручья прихотлива
мы дачники вечно неместные гости бобров
искатели мелкого жемчуга в ленте отлива

покуда не молния с преображенных небес
и жадное в синенький ситец обернуто око
плеснуть из сосуда за прелести летних невест
весь в трещинах воздух и в бурю без них одиноко

* * *

ближе к ночи в уме прогремело
и в окне где в огне города
замерцало небесное тело
убеждая что жизнь коротка
семихвостая в перьях комета
неизвестно какого рожна
словно сверить по списку кого-то
да забыла ее ли должна

прохрипит накануне ворона
а когда рассвело навсегда
выезжает на берег кедрона
некто конный с дудой у седла
эта древняя в дырах природа
и немые слова изо рта
извергаются без перевода
тушбехата ве-нехемата

некто конный в крови или мыле
злая музыка сводит уста
но когда плащаницу открыли
изнутри оказалась пуста
капли звезд на невидимой коже
едкий свет под глазами утри
спи бесстрашно нас кажется тоже
развернули и пусто внутри

* * *

с колосников проворны провода
песком и солью тяжела кулиса
она стоит и кто она тогда
она поет о том что нет улисса
что мир как дым и время как вода

в великом море островам просторно
настанут снова солнце и луна
tu sol del tuo tornar perdesti il giorno
она поет но кто тебе она

в чужих краях корабль не прогадает
верстая путь покуда не поймет
что мир как миг в который пропадает
любой из нас о ком она поет

ткань времени до середины спета
узор ковра губителен и прост
она луна одна в руинах света
и солнце днем где не осталось звезд

в соленых брызгах догорает птица
на берегу прощальный ветер пуст
она поет и нам не возвратиться
пока она не затворяет уст

* * *

так облака бледны олени в долгой лежке
так бережен в бору невидимый костер
замешкаться у штор нашептывая кошке
такая жизнь на свете mon enfant ma sœur

блаженство что сентябрь и снова звезды оземь
из нежной пропасти слепые светляки
и то что мы живем превозмогая осень
неведомы нигде и так невелики

сентябрь и серп жнеца когда бы только знали
всегда как вьется свет волнуя и слезя
как точно сложится все что случится с нами
мы жили бы давно уже не жить нельзя

осины у ворот их медленное стадо
из земноводных уз зеленый водолаз
им невдомек пока что умирать не надо
когда стоит любовь как полынья до глаз

звон близкой осени на все края и версты
в зените бронзовом где журавлиный след
и ты что движешь солнце и другие звезды
когда мы смотрим вверх превозмогая свет

* * *

голый глаз как светильный газ в слюдяной воде
костяные по стенам жабры и бедный бубен
окажись вполне он и был бы да нет нигде
всем скелетом ввысь так и пел бы весь но не будет
трудный прах и себе никто и другим не друг
полый свет вблизи но отсюда наискось старец
из последних мышц в проницающем ветре рук
существуй вообще бы еще называлось танец

раз пробоины звуков в слоистый ввинчены чад
кто ли женский в ответ полувплавь из ночного чума
воздевая навстречу откуда запястья торчат
кровеносным нутром наперед предчувствие чуда
заюлит в пандан симметрично тому кто был
или не был конечно крестцом наподдаст шалава
уминая поверхность как барабанный блин
всем тапирам святая сестра и мать шакала

навести пустоту на резкость взять напоказ
буровые пробы света хоть неодинаков
то он мерче то ярче а то навсегда погас
негативом пламени над головнями маков
потому что первой в огне закипает боль
липким зельем гнева напитаны злые зерна
результат этих двух которые в сумме ноль
но рядятся плясать и в одно сплетены позорно

продавщица страха всей тоски скоморох
сотворенье дней из брения их и кашля
обещает все что положено скоро мох
станет шерстью земли и лишайник хитином камня
дальше прянут вверх хвощи из удобных дыр
вдалеке практикуется предков двуногих двойка
в парном виде спорта
теперь существует мир
но другой не этот
и тоже совсем недолго

* * *

нас ночь разводила и наспех совала в метро
там присталeн люд и народ астеничен рабочий
в коротком углу приблизительно я или кто
плечами впечатан в молву и мурлом неразборчив

какой-то он давний по виду двойник отставной
чей пульс пеленгуя часы отбивают победу
но нет постепенно которые были со мной
и негде добиться куда я так тщательно еду

бузило нетрезвых когда нас пускали в метро
числом человек молодежи в ком знания шатки
пока в переулках по сущие бедра мело
их нежную внутренность то бишь и не было шапки

назад в эту зиму вморожен как столп соляной
дворы бездыханны и снежные игры все те же
но где отовсюду которые были со мной
и не были даже которые тоже все реже

я вырасту бродским природы я всех сберегу
разборчивой речью с прилавков шумя тиражами
кто там на излете маршрута дрожали в снегу
дружили однажды чтоб с песней в метро провожали

портвейна рубин или спасской жирафья звезда
где смех вам не молк и с барханов сахары заметно
пусть светит оттуда какие вы были всегда
а мне до конечной в ночи обо всех незабвенно

* * *

на бечевах чье вялое белье
двуного ковыляло до околиц
вполнеба солнце липкое бельмо
и над обвалом дня канатоходец
в пасхальный жар в неапольском порту
где натовские утюги железны
он в баре брал микстуру поутру
чтоб разом мысли в голову не лезли
был город мертв мозги уже пекло
под стапелем на отдыхе разутом
он стал один и меньше чем никто
в округе крытой матом и мазутом
в пасхальный день за пирсом ни души
весь город гроб и даже церкви сами
кто умер вовремя уже ушли
а новые им вслед не воскресали
всеобщего отсутствия толпа
в коротких окнах эпизоды босха
torna a surriento пело из juke-box'a
и он вернулся
он там жил тогда

кипел залив как тигель золотой
над капри вязко облако стояло
венчая день в котором запятой
до полной точки быть недоставало
кто умер проницательней чем ты
он пуст внутри и полон звезд наверно
вся жизнь по эту сторону черты
забыть неаполь и прощай палермо
вплавь к северу другие города
где зелено и все трудом согрето
скорее к пирсу и вернись в сорренто
христос воскрес
неаполь никогда

* * *

резкий стрелец винторогие в тучах самцы
чутких по корту сквозь рокот копыт гербиворов
море праматерь миров заголяет сосцы
вверх водолею и ветра ревнителен норов
в каждой воде существует исток вещества
слепо судьбу сортирует на глину и камни
делит клепсидра количество крат без числа
срок твой на капли

вот и короткое впору теперь истекло
прибыли плавно велите куда обещали
кто разберется с разбега не лгун ли стекло
или позвольте на выход реально с вещами
зоркий стрелец возлежа подле девы-жены
целит где липы желты и алеет калина
сумерки страсти и сверху навзлет сражены
камни и глина

гром в роговицу предсердие на языке
влага внутри солона или долг водолею
долго предсмертие длится и звук на замке
шепчется воздух но имени не одолею
высветит благо что взгляд за порогом острей
воин в стропилах зари ублажает подругу
где персонажи ненужных надежд и страстей
мчатся по кругу

* * *

толпа не знала времени отъезда
окрестными теснима небесами
откуда башня падала отвесно
с мерцающими как ручей часами

толпа листвой шумела и дышала
она жила бегом как от пожара
но нашему прощанью не мешала
пока ждала и время провожала

благословенны юности руины
в районном центре солнечного круга
на станции где мы тогда любили
без памяти и все еще друг друга

там пел в толпе один невзрачный видом
с гармошкой и в нестиранной тельняшке
прикинувшись вокзальным инвалидом
эскизом человека на бумажке

пускай тогда он не глядел на нас но
отсюда видно чьих коснулся судеб
поскольку пел о том что все напрасно
что все пройдет и ничего не будет

но мы ему не верили конечно
а солнце дни усталые верстало
чтоб доказать как утверждал калека
что все прошло и ничего не стало

так все сбылось и ничего не страшно
остался свет но он горит не грея
и там на площади осталась башня
с дырой откуда вытекло все время

* * *

в просторной стране где совсем ни кола ни двора
так остро спросонок в мороз чем медлительней летом
когда за костром от росы коченеет кора
а сердце очерчено лугом и сплюснуто лесом
мы жили уже или живы тогда но не те
чьи лучшие лица повержены в гибкую воду
прозрачны заре или в хвойной светясь темноте
по локти в чернике что птиц отпускали на волю
мне пробило двадцать покуда умолк календарь
простясь с отраженьем навек обнимали друг друга
отведать награда которому мир повидал
одними губами где небо на ощупь упруго
пространство светло без вреда если время не труд
кто прибыл вперед за меня сочиняющий тут

там лето не дрогнет и сосны резные тверды
все в звездах насквозь по краям радиально ложатся
когда я навстречу лицом из кромешной воды
в которой привычно что некому мной отражаться
костром возведен симметричный порядок теней
им нет соответствий где воздух осмысленный в нише
им каждые сумерки каждое небо темней
в чернике лиловые зори но сосны все выше
откуда плывут возвратившихся птиц голоса
молчания легче как в музыке промах короткий
как млечная по небу вся эта жизнь полоса
и вся эта смерть продолженье где этот который
все пишет обратно все дышит на доску стола
но пауза только раз воздух не держит слова

* * *

двадцать третье апреля гостей снарядил и лег
сутки в скользкой листве как дождевая водица
просыхают под ветром солнечный мотылек
вслед последнему свету за рваной рекой садится
джонсон отчалил в лондон дочь учи не учи
месит сено с куини но время вперед прямое
жестко стелет полночь космические лучи
на скиптроносный остров в серебряном море
речью венчал безъязыких и жестом но ныне нет
платных страстей суфлера тем кто тут обитает
под караулом с младенчества верных планет
он лежит в чем прожил с утра шекспир отдыхает
на лучшей из двух кроватей за гранью мер
в доме который воздвиг для него лорд-мэр

стынет взор кому заказан возврат дневной
через стрэтфорд пролягут века куда не дожил
пусть и прежде больше барыш стакан в пивной
тот кто может все уже никому не должен
но платил исправно брал повторный сосуд
точным золотом слова с помоста покрыта трата
он чеканил им речь которую пронесут
от разливов миссури до самых трясин евфрата
перед ликом лизбет и северный варвар джеймс
он им пел как вол чтобы семь суббот в неделе
изваял им любое имя и каждый жест
в этом полураю в своем другом эдеме
чтобы жить по средствам всем на тысячи лет
даже если умолк суфлер и автора нет

но покуда ночь и в городе ни огня
за щеколду бережно нежно должно быть джудит
силуэт украдкой и опрометь вдоль окна
в комнату где не одна но и двух не будет
где без снов поперек постели спит властелин
полумира и больше певец на смертном ложе
составитель планеты которую населил
племенами зла и добра и нами тоже
перед самым уходом сверху ему видны
агинкур и верона богемское море и реки
всех народов в которых доля его вины
ибо с верхним светом ума и даром речи

весь повергнутый в ужас но не подобревший мир
в тишине где не было бога и мертв шекспир

* * *

над озером луна горела
звенела поздняя листва
раз серебро ее колена
два платиновый диск лица

зодиакальный шкив косило
взглянуть сквозь ясную слезу
как непростительно красиво
устройство осени внизу

как тщательны ее приборы
где ночь учуяв под собой
качает шестерни природы
светила анкер часовой

всех пращуров печальный улей
созвездий в сумрачной красе
чтобы кому еще не умер
из них завидовали все

кому рассвет пока не тризна
чье время зеркало без дна
здесь осень золотая призма
и семицветный пламень дня

* * *

пересадка в шайенн перекресток встречных глубин
на руле одурев от лени дремлет наемник
или здесь насовсем вдалеке от кого любил
в самый медленный день в этот каменный шторм вайоминг
все столетие в тщетный щебень едва зевни
заглянуть за альцгеймер в индейскую встречу с детством
там под килем базальт по самый хребет земли
но на каждого неба щедрый пай не по средствам
за каньоном в окне расклепался обруч широт
проходная в жизнь где уже никто не живет

говори мне гранитный медведь в пихтовой шерсти
вой на citizens band под бурду из щербатой чашки
в беготне от стены к стене на ногах с шести
достоверности ради кольт на казенной части
отстегну кобуру от стегна перед входом в храм
отченаш как глетчер в зобу больно зимы люты
бородатый из бури маршруты орет ветрам
с гончим псом на борту автобус стремглав до юты
в мелком люрексе звезд звенит ледяная слюда
над плато перетертых резцов где мы навсегда

для того ли дала елена и пел гомер
и с каких кассандра трофейным плодом полнела
чтобы снежный пожар над ларами впрок горел
где ни трои ни стен ни души никому вполнеба
над планшетом где прежний мир проведен дугой
через третий и первый рим через мюнхен и прагу
рвется небо куда я сажаю одну за другой
разрывными за всех поименно и промахи правлю
бородатый в буре умолк погасила свет
вся страна в которой умру через пару лет

* * *

под детройтом нудно ссорились на заправке
помирились мгновенно где в клетках и норах
дети разных народов живут в зоопарке
а макаки без устали ваяют новых

вдоль шоссе рдели клены пока не окликнет
ноябрь и не умчит все цвета спектра в небо
уже смеркалось когда приехали в кливленд
в пригороде не беда еще зеленело

там встретила тетка в теле жилица в сером
бунгало в саду из ностальгических вишен
третий муж за кормой теперь с бойфрендом-сербом
но деньги кончились и серб куда-то вышел

оступалась в песню прихлебывая виски
родом из ди-пи хот-доги крошила кошкам
без песни уже ни слова по-украински
а по-сербски только мат и тоже все в прошлом

стали проступать звезды когда разрыдалась
изморось на стволах континентальный климат
или не совсем так но со скидкой на давность
странно все-таки что это именно кливленд

посидели сносно но просыпались в скверном
похмелье в клетке серых струй и бурых пятен
теперь поди умерла и что с этим сербом
которого не было но вполне понятен

эпизодов много но этот совсем лишний
вижу головы над столом но слов не слышу
часто когда в кливленде опадают вишни
и макак в детройте переводят под крышу

* * *

и еще к однокласснице супруги в честер
вспоминали подруг думал совсем засохну
но разговор скоро выдохся и весь вечер
рубились в monopoly по центу за сотню

кассирша из аптеки с топотом носила
из кухни twinkies и в чашке со снупи кофе
господи до чего же была некрасива
глаза от жалости вбок но мороз по коже

потом вошел кот вразвалку в кошачьи двери
дворняга но хитрован с надменной статью
какой-то была харизматической веры
через полгода звонила звала на свадьбу

посидели без танцев болтали о разном
пели гимны нашарив соседские руки
муж после семинарии с энтузиазмом
вместе на курсы и миссия в камеруне

папаша ввиду отсутствия сперва грустный
потом разжился плеснул тайком чтобы зависть
не грызла а про меня все знали что русский
знакомили с пастором тепло улыбались

пастор пылко поведал как вся твердь и суша
внемлет их молитве на пяти континентах
а мы подарили занавеску для душа
с ангелами на музыкальных инструментах

по дороге домой купила торт готовый
радовалась до слез мужа с руки кормила
пока я думал об этом боге который
так и носит нас по всем камерунам мира

* * *

лиха беда в ком труд не по нутру
жить в жмурки в сумерки на пораженье
права простить простуду поутру
вменить в вину светил расположенье
сияла ночь луной был полон сад
постель был весь раскрыт и сразу потно
но полтора столетия назад
смешно жалеть а радоваться поздно
был полон сад улиток и червей
и прочих мелких жителей подобных
стояла ночь чем обморок черней
где жизнь периметр факелов подводных
кто узник муз отсюда до семи
рыдать обняв кому писать стихи

когда рассвет оркестром по селу
в цилиндре вслед внимательно иду я
ценитель птиц и скромный друг всему
их образцы словесно именуя
ночных червей напрасно не топчу
которым орган не дарован певчий
или другой показывать врачу
допустим нос и пламенная печень
так поступал и афанасий фет
но в нас ему грядущей жатвы нет

* * *

в пустыне я скитался как бревно
месил песок без жребия и шанса
разверзнув вещий зев но все равно
на мой язык никто не покушался

я жил бомжом а был в душе боян
вполне владея техникой и темой
мне голос свыше был вставай болван
и что-нибудь давай скорее делай

взошел мираж непроходимых трав
виденье туч под звездами густыми
и понял я что говорящий прав
захлопнул рот и вышел из пустыни

вторая осень прожита в миру
бегом по склонам липы и оливы
здесь в окнах люди режутся в буру
и ласточки к востоку торопливы

остановись мгновенье помолчи
визг времени усугубляет смертность
пока болезнь придумают врачи
придется петь чтобы еще не смерклось

восстань и внемли лесу и судьбе
свет взаперти но возгорится снова
пусть не пророк но мир храни в себе
он устоит пока не молкнет слово

* * *

скоро фуру подгонят и примутся класть
или ушлым студентам на мелкие части
не скажу чтобы жил как имеющий власть
но как пить над собой не желающий власти

лучше в звездные отруби в тлен и труху
чем вертеп где фильтрует базар с пацанами
кто молитвы в мешок сослагает вверху
и кладет к рождеству племена под цунами

будет вечер и свет в подметенных домах
будет память чиста без мощей и часовен
если злу уступал озираясь впотьмах
то спасибо на большее не был способен

вот и первой свободы смертельный глоток
чтобы верили гордо и не горевали
все ступившие прежде в фотонный поток
все идущие вслед кто остался в реале

* * *

который год мерещится страна
где лихо блещут на лице очки
потом лицо встает из-за стола
берет печать и говорит апчхи

культурно вместе в лагере лесном
кто песням рад и всем словам вообще в них
пройди к пруду там девушка с веслом
так хороша в своих трусах волшебных

глотнуть аплодисментов и речей
в поту труда сердца звенят в зените
граненые нет никогда ничей
я не был собутыльник извините

я прятался в укромном далеке
среди одной прекрасной иностранки
а в бережно разжатом кулаке
ни трех рублей давно ни нужной справки

лишь изредка душа внутри грустна
под веслами подрагивает пруд
ей не на что поправиться с утра
где этих денег сроду не берут

* * *

притерт горизонт и другими людьми
на улице будень придуман подробный
объем головы арендует внутри
не я а неведомый разум подводный
невидимый нам обитатель на дне
которому там расскажи обо мне

о чем я несчастный в душе кубометр
простого пространства заныл семиструнно
мне месяц башку желобами проел
по шкуре сапфирной и выдоху трудно
из долгого горла легла колея
глаза васильков на лице ковыля

кому межпланетный трагический гость
по ноздри в потемках где свечи сочатся
пространства котомка и времени горсть
под толщей воды возмужать и скончаться
светило с высот ослепительный блин
зачем это снилось и кто это был

кто потно старался и спит наконец
с петрушкой в зубах по традиции жанра
ты вечности всей подневольный гонец
на волю и жабрами жабрами жарко
моллюск преуспеть в животе госпожи
которому жизнь обо мне расскажи

* * *

памяти а. сопровского

дорога в наледях на брно две зимних смерти
в столице слякоть но с утра вполне красиво
покуда не через порог покуда вместе
отлично время провели за все спасибо

за то что встретились и врозь хранили верность
вдохнем тогдашнего огня и вновь наполним
сойтись бы как-нибудь опять пока не вечность
на самой светлой из планет какую помним

все было с вами рождеством и новым годом
теперь на росстанях гудки и давка в кассах
и не сдвигая по одной перед уходом
за тех кто мертвые сейчас на этих трассах

* * *

два зеркала она дала ему
одно взаправду и еще ночное
где отраженье спрятано в дыру
невидимое зеркало ручное

две лопасти а вместе вся стена
с той стороны заключена причина
она сама пока была всегда
как в зеркале простом неразличима

смотри стекло просверлено насквозь
нить времени проложена подкожно
там предстоит все что давно сбылось
а то что было раньше невозможно

она ему два зеркала дала
в одном лицо для памяти хранится
жизнь без нее короткая длина
где днем ночное зеркало граница

не вспоминай зачем она вообще
саднит стекло но если глянуть слева
взорвется ночь и в треснувшем зрачке
сощелкнутся две половинки света

* * *

потом он взял и изобрел бобра
реальный бобр в натуре будто вылит
хотя сошла со стапелей с утра
ондатра но она ольхи не пилит

отсюда ясно для чего ольха
она молчит и никому не жалко
но бобр как брат он тоже не доха
да и ондатра никому не шапка

потом вздохнул и сочинил блоху
поскольку глины замесил немного
с бобром все ясно но блоху-то ху
а вот поди живет и хвалит бога

или допустим под землей темно
все норы порознь и ужасно душно
там многие вообще едят дерьмо
и лысые совсем но жить-то нужно

когда бы вправду добрый доктор бог
пожать его целительную руку
творец бобров и повелитель блох
но бога нет и мы враги друг другу

вот хоть микроб он с детства глух и нем
но он ко мне относится как к блюду
а я добрей я никого не ем
из малых сих и никогда не буду

* * *

помнишь они нас учили на человека
все по мозгам резьба но судьба несла
вот ты и стала точно не чем хотела
северных встреч невеста и невесна
страшный на мачте сучил холода и годы
в трюме с трезубцем морочил вьюшку котла
так постепенно ты умерла и кто ты
после всего то есть где ты или когда

знать не зазорно но вскользь как ножом сказали
диву далась бы в памяти у меня
там на подушке проснется лицо с глазами
не говори так тихо ведь ты умерла
тяжесть твоя в ладони жизнь все та же
только дыханье ветер сносит в пески
все не весна никому не невеста даже
разве разлука могила постой не спи

если один напоследок вопрос из списка
невмоготу во рту и мозг на замке
настежь объятья только не стой так близко
ты неживая а я лебеда на земле
как научили любить верней не умели
ангелы в этом огне как одна семья
страшно догнать потопчусь провожу у двери
мертвую в мертвый простор береги себя

* * *

на секунду в мозгу светло
пропасть в прошлое как в стекло
если вслед самому себе
оказаться внизу в стекле

далеки они в белом блеске
бороздящие бред челны
помнишь прошлое будто вместе
пеленали его в чехлы

раньше звук издавали вещи
их зрачки пламенели резче
степь стекала в изгиб стальной
где холмы по краям тюлени
в заповедных глазах темнели
расставанья твои со мной

с крутизны ледяного верха
слишком лишних шеренга лет
оттого так надвое время
а другой половины нет

в горький срок на краю парома
в шлеме с гребнем горит аврора
протянув острие копья
можно снова и никогда

* * *

потечет чуть попятишься свойство зимы и поземки
вроде миру по святцам черед а не вечно война
ночью жадный шиповник гурьбой из оврага в поселки
обитать в синеве раз уж не было нас ни хрена

не резон просыпаться чтоб явью кошмары шныряли
криво в центре управа там страха центнер на цепи
вот бы жили поди изловчись внутривенно с шипами
и не жили так больно какие там в жопу цветы

ловко всех извело кроме многих мышей для проформы
это кто золотой из зенита набычило глаз
одобрять пустыри городов там шиповник проворный
быть намерен и вширь распустился расти вместо нас

звезды бережным брайлем но способа нет для курсива
руки к горлу плашмя чтобы гнев так не бил из глубин
поселиться где названо может быть тоже россия
но другая совсем я свою никогда не любил

соберемся кричать из больших ареалов широтных
лучше прежде родиться чем в ящике марш на покой
как бы всем оказалась планета счастливых животных
лишь бы существовать если можно пожить на такой

век нам необитаемо в каждой похожей россии
очутиться нигде от зловещих попыток луны
но не в этой где тернии пышно а небо вполсилы
там нас не было не было нас это были не мы

* * *

на стене с утра картинка криво
в комнате от табака угарно
ночь в крыму или вдали от крыма
с надписью швейцария локарно

мало что подсказывает память
странника бывалому ботинку
мне не мудрено ее поправить
но не память а саму картинку

там вода светла под зорким небом
пестрый город на горе как улей
но поскольку я в локарно не был
я в локарно почитай что умер

кто мне тело выточил токарно
наделил ногами выйти в люди
раз живу но нет меня в локарно
как же быть что там меня не будет

мне и здесь по совести не тесно
но пока умру стяжая славу
оторопь берет смотреть на место
где меня не существует сразу

привыкай к последнему убытку
созерцать на памятник не тратясь
смерть как набок сползшую открытку
жизнь sub speciae aeternitatis

* * *

автопортрет в пейзаже роща с лугом
где даже водки славно если с другом
река весло журчанье за бортом
пространство зрением но время слухом
всегда наступит музыка потом
волна в орнаменте слепящих пятен
наощупь след в зеленую толпу
несильный звук но и во сне понятен
от длинных лет примотанных к колку
почти ожог сквозь память эти пятна
пленительны улитки и ужи
как жаль что ты умрешь но вероятна
весна раз мы живые ей нужны
так подлинна и любит без подлога
на скате к сердцу прежнему полога
в разрыв зари рубиновый атлас
и если времени нужна подмога
пускай исходит музыка от нас
здесь зрению она стократ острее
покуда спишь но наяву струна
или спираль где мы круги на срезе
земного позвоночного ствола

* * *

как же их столько в своих городах коротких
вот и везде настигает один из дней
тускло сквозь сетку набор буратин в коробках
лунные лица в тени тем глаза видней
в топку сценарий сна о крылатых предках
солнце дерзит извне но по венам ночь
сотами над мостовой нелюбимы в клетках
стыдно до стона что некому всем помочь
рты нараспашку да воздух преграда вздоху
искры на карте каракас и кострома
ноль кислорода где дверь коридора в зону
исчезновенья на райские острова
встарь если в спальни смертных сходили боги
путь перекрыт даже богу темно от боли
день наступает со стороны луны
всех не спасти никого не спасти увы

лезвием вены над лункой но не рискую
прямо в зрачки ни тебе ни тому кто вслед
вместе съедим песок и допьем морскую
черную эту насквозь как эребу свет
кто продержал живьем в терпеливой доле
чтобы ни звезд падучих ни вешних гроз
значит не ордер в обещанном вечном доме
где у хозяина горниц на каждый спрос
вот и которую звал с непокорной челкой
кукла склонилась к лунке над этой черной
боги неправда и смертному не друзья
хочешь люби любого спасти нельзя

* * *

когда в густом саду когда в тенистом
я вызывал тебя условным свистом
сойти к реке где нам луна светла
когда к утру мы первых птиц кормили
я ни на миг не сомневался в мире
что он таков как есть что он всегда

как мы играли там в эдеме дети
нам верилось существовать на свете
он состоял из лета и весны
какие липы нам цвели ночами
и каждый знал что завтра нет печали
наступит день где мы опять верны

теперь река за плесом половины
уходит в рукава и горловины
слепые липы угнаны в пургу
мир выстоял но уцелел не очень
дороже прежнего но так непрочен
он весь река а мы на берегу

там на холме все светит в сад веранда
я посвищу тебе моя миранда
до первых зорь пройдем в последний раз
где тени прежних птиц над нами грустно
и на глазах прокладывает русло
прекрасный новый мир уже без нас

* * *

когда пора мастерить кофе или яйца
всмятку а в ванной пульсирует дробь из крана
в дверь вопросительно постучат сгибом пальца
чуткой костью хотя звонок дециметр вправо
назад в постель изловчиться что только встанешь
с кем еще натощак когда во рту ни слова
с тыльной стороны сна день распростерт как залежь
небольшой тишины но черт стучатся снова
рассчитайся попарно вот который в душе
тупо тычет в ухо щетку щурится слепо
может туда и спишь а просыпаться лучше
строго обратным курсом по абсциссе влево
вокруг океаны сна тут только каюта
суша мерещилась дань глупому поверью
с какой стати идти и открывать кому-то
там кроме страшных рыб нет никого за дверью
мешает муляж окна дырки в снежной вате
чья ты кукла забытая на зимней даче
допустим и правда стучат войдут и нате
все рассядутся и что с ними делать дальше
трудно что ли склеить остовом рыбьи кости
вот их обтянули кожей налили кровью
а те решили что существуют и в гости
не стучите вас никого нет не открою

бортовой журнал

i
подобно пифагорову бедру
в парилке где попутала харизма
стальные слитки выпали в бреду
из бережно живого организма
тот кто летит пока пунктирно цел
но в паузах сквозит как древний гений
лицо его луны светло как мел
сталь вниз влечет но вверх вздымает гелий
скрипи нейлоновое полотно
гроза и небо в голове громадно
ни взгляда вниз там на земле пятно
там кровь аэронавта

ii
сегодня вахтенный инспектор звезд
вершитель абсолютного полета
а чуть вчера не менее чем хвост
бригадой теребили из болота
пусть пряжками определят ремни
дыру меридианам где съезжаться
едва верньер такому поверни
и горизонт шипя пошел снижаться
чу кычет в ночь снаряд из полотна
где вон какие ястребы ристали
кисть из запястья брызжет холодна
из гелия и стали

iii
весь горний ум космический полип
любитель тайн в слоях фольги и ваты
шумел как миленький когда погиб
но в радиусе кляксы маловаты
вот если мозгу голова вредна
или бокам топленая лежанка
другие не настанут времена
но прежние здесь уважать не жалко
брать крайнюю и в мертвую петлю
кем в устье ног ей приспособлен листик
здесь отвинтить gluteus на лету
лови античный мистик

iv
весь компас вверх а в сторону нигде
пусть небо врозь на четверть радиана
там дева тверди в кварцевой воде
двуного спит откинув одеяла
краса небес всей радости жена
мир дар тебе в нейлоновой авоське
он выстрелен как жернов из жерла
прав хайдеггер в парилке на помосте
уже дрожат форсунки на борту
они умрут но не погаснет разум
гвоздями истекая в темноту
и благородным газом

v
раз в животе у прежних дев поет
всех поколений точная рассада
все вспоминай пиши пока пилот
как с гравия нас вечно вверх бросало
жизнь сведена к последнему звену
здесь на излете сталь а плоть прекрасна
и в горле речь и эта кровь внизу
твоя что человеку не напрасна
он лепетал из плена до сих пор
вбивай урок в пустую память чью-то
свети слепому огненный прибор
плыви ночное чудо

* * *

когда философ кант родился резвым крошкой
он умер в свой черед но вот светясь из тьмы
старинной поводя нейзильберовой ложкой
он ест немецкий суп и снова весь как мы

защитник против тех кто поступает грубо
которому подлог и кража не в чести
он говорит не лги не сотвори прелюбо
кто станет спорить с ним как нам себя вести

нас плохо держит жизнь нам старость не в науку
но если честен кто сомненья проглотив
такому сквозь века протягивает руку
категорический как рубль императив

вот только скоро смерть а жизнь полна вопросов
в ней вор и хулиган открыто верх берет
хотя бы ты и дух ответь ему философ
как надо поступить чтоб шла мораль вперед

слагая свой трактат ты думал о герое
герои мы не все а совесть только тень
он умер и молчит ему несут второе
все ложкой шевелит и светится как день

но верится что вдруг есть компас или карта
взять азимут с утра и по стопам твоим
пройти в хрустальный мир иммануила канта
где мы честны и зря прелюбо не творим

пробраться по черте магнитного прибора
где солнце совести всегда горит слепя
там с подлинным верна вся правда и природа
а жизнь простая вещь к себе и от себя

диалог христа и грешной души

mementote peccatores...

христос

что душа человека стоишь у врат рая
знать тебя тело отправило умирая
сладок плод праведной жизни в канун кончины
только злодею для восторга нет причины
век твой никак не тайна все учтено в смете
рассказывай душа как ты жила на свете
точно ли ты из тех кому спасенья ищем
жарко ли молилась подавала ли нищим
почитала ли родных храмы и престолы
достойно ли блюла заповеди христовы
вижу чело твое омрачается гневом
отринь хоть в судный час гордыню перед небом
милостив отец мой к падшим кто смирен духом
обратись внутрь очами пронзи сердце слухом
ответь господу твоему зачем грешила

душа

поступала и жила как сама решила
если твой закон зуб за зуб око за око
значит зря старались ренессанс и барокко
как могла пересекла вброд юдоль икоты
спросить напоследок господи или кто ты
ты ли это просил милости а не жертвы
так не суди меня по скрижалям из жести
этот рай могу принять в дар но не в награду
или кричи приказ ангельскому отряду
низвергнуть меня вместе со свиньями в бездну
пропиши тьму кромешную где я исчезну
поскольку не верю в реальность нашей встречи
все равно я не сущность а фигура речи
скулить peccavi domine и все такое
предоставь прислуге меня оставь в покое

христос

кто ты душа чтобы роптать отца ругая
он автор всего добра а ты персть нагая

смертным за их вину отнимут глаз и руку
а отец сына послал на крестную муку
за все чужие вины что будут и были
за жизни какие вам не дороже пыли
все мирозданье с тех пор в струпьях этой крови
и не бог вам а вы выбираете роли
кто погряз в гордыне и прощенье отринул
тот меня на кресте в палестине покинул
правда из мира пропадает понемногу
теперь здесь не зуб за зуб а за ноготь ногу
достойно ли грешить и искать вины выше
оглянитесь вокруг не бог вам враг но вы же
кайся душа пока тело не труп под крышкой

душа

да читала у этих со львом или книжкой
что был де распят и воскрес на третьи сутки
только зачем ты теперь из жертвы да в судьи
подписывать ордер стигматными руками
быть без греха чтобы в грешников бросать камни
если бог то мог прощать без креста задаром
не под силу быть врачом будь хоть санитаром
и если эти книжки так необходимы
ты сказал там не судите да не судимы
нынче в конце дней на их стремительном склоне
я позволю себе поймать тебя на слове
пусть в аду на кресте с двумя другими вместе
прибьют меня во искупленье божьей мести
навеки с надписью чтобы буквы видны
суд отменяется ни на ком нет вины

* * *

на барабане и трубе
игрок в огромном матче
как сталь светла река в руке
горите горы ярче
там дым мембранами звеня
откуда жди подмоги
как тверже жить и ты земля
вся колесом под ноги

дорогой рожь пусть компас вспять
слить горний гром в коробку
с восьмой строки работа спать
колени к подбородку
кто волк от штормовых широт
раз во весь рот замазка
река ужасная в живот
из жарких жерл дамаска

умри в сиреневой красе
потом коты и кони
я тот кто человек как все
но извлечен из кожи
рожусь наружу из метро
чтоб детство не дремало
для вас еще почти никто
но для себя немало

уж если жить а вам пора
прямее нерв и вена
в женеве спрятаны права
орла и человека
прочь из-под кожи наготу
мир где вещам невмоготу
людей коротких трата
ты зажигающий огни
пока в горах гремят они
орла над временем храни
и рыбака и брата

* * *

стрекозам сезон то ли ягодный сбор
пространство под крыльями крепче
в долины вода снаряжается с гор
с востока кочевьями вечер
лениво петляя узорами тьмы
подумать что птицы но вдруг это мы

внизу невещественный шелест телег
перуном точней чем вотаном
там вящий на конском кадавре олег
лев лосев с большим чемоданом
мы вдоволь удоды пора брат пора
туда где от бронзы дубеет пола

покуда в воздушном потоке вздремну
поджав неудобную ногу
возьми аполлон из колчана стрелу
и в глаз перелетному богу
мне голос восторга и очи совы
где смерклось а в сумерки все мы свои

вот облачный с черных обочин табун
где небо горами обуто
аж кажется если в ком жизнь наобум
ты все же гандлевский кому-то
за временем вовремя быстрый поспел
кто страсть комсомолки в парадной воспел

к бессмертию каждый стремится кощей
яйцо снесено на вершине
но много кручин и потертых вещей
а смерть подобает мужчине
надежда что просто запомнит вода
кто птицей над ней пролетал иногда

* * *

вся жара только жанр выбирать устала
даже после принятых трех на грудь
потому что нет в голове сустава
мне ума в эту сторону не нагнуть

сколько раз по затылку ни хрясь сиреной
словно ходики годики врозь глаза
раз откроется дверца там аз смиренный
рот навыворот разума ни аза

смысл сложения слов оттого что вычет
честно пение жил обнажит пила
чисто еж в ежевике жужжит и кычет
весь еловый собой по бокам пихта

петушком с обложки кукушкой в шторы
оттяни отвес на шестьсот шагов
все колесики всклень по четвертой что ли
чтоб не выпал маятник из штанов

* * *

зима струилась вязко как сметана
где кое-что на гулком этаже
я сторожил а ты была светлана
или марина может быть уже
в очакове где ты жила положим
прорабу или отчиму женой
я всю судьбу приоткрывал прохожим
мою с твоей наташа боже мой
в ладонях небо стыло и немело
без выдоха наружу но внутри
вход в гастроном там слово рубль имело
старинный смысл и означало три

когда я кербер первому аверну
курировал свой вверенный объект
в очакове неверную царевну
ласкал прораб и требовал обед
повелевал а я пока разлука
на улице из солнца и стекла
твой иероглиф выдыхал без звука
мари тама ната но вся светла
в бреду сображникам по равнодушью
где радость без тринадцати цена
изображая как на шелке тушью
любви пленительные имена

я не солгу как в те снега когда-то
сквозь всю необъяснимую страну
ты повела меня на цвет граната
на вкус его и с чем подать к столу
но скоро старость обесточит память
обратный мост не выстроить из строк
дай разлюбить тебя так проще падать
нам с дерева когда настанет срок

* * *

шелк этих яблонь нашествие этих вишен
как мы живем на миру как шумно дышим

северный свет серебрист тиражами в луже
даже не мы никакие но жадно вчуже

дрожью наморщено сердце в молочной коже
по двое по одному но и реже тоже

каждый наплачется всласть если нежно ранен
между разлукой и невозможным раем

редко жалели раньше какие стали
бога бы всем да нельзя остаемся сами

немо в море

четвертая тьма вертикальна откуда ни плюнь
в том тензоре где сопрягаются имя и место
он бороду бреет и в зеркале брезжит как лунь
а что за животное лунь почему неизвестно
он медленно шлем от скафандра со шкафа берет
последняя поросль вся в пламени эльма на скальпе
и быстро куда-нибудь вглубь и вперед
бочком в батискафе

кто твердо в борьбе искуситель безбрежных наук
такому не дрогнет космический ракопаук
ни червь жукожабрый в неведомых сущий глубинах
он мужество держит в надежде и лица любимых
уклончиво машет и мало для смерти вреда
четвертая тьма постепенно как гриб из ведра
молчит из глазниц чем подругу на гребнях качала
нам выбора нет что вселенная только война
вот дверь отворилась и кто же смотрите вошла
он снова за шлем и стремительно меч из колчана

как мокро в природе а впрочем вода неправа
ты честный родитель и вправе надеяться лучше
чем дальше в колумбы тем пристальней тень от горба
над кем треугольней лицо в набегающей туче
там гроб лукоморский куда ты стояла стройна
хвостатых менад в синеве исступленные танцы
полсупа в тарелке и тьма пузырями со дна
четвертая если не кто-то в уме обсчитался
живей же душа подобрав жестяные штаны
ночной батискаф шелестит цепенея от рыбы
вот мелкие трелью по нашей обшивке шаги
так стыдно бояться но древние двери открыты

исчадие алчет все туже сжимает круги
как немо в гортани под писк комариной пурги
хвалы или сплетен
он гибнет и вот уже съеден

* * *

чумели яблочные полустанки
империя изнемогала в грязь
под насыпями ссыльные весталки
окучивали гравий матерясь
мельчали козы в паузах поездки
платаны гневно реяли в огне
трибун спросил силен ли я по-гетски
и я признался что уже вполне

когда настанет страх и время острым
созвездиям пересмотреть года
мне подадут к порогу mare nostrum
о θάλασσα черна твоя вода
скупа на север смерть второго сорта
куда белеют призраки берез
пусть горькое оно до горизонта
но за него недорог перевоз

здесь смерть как жизнь и сон об этих сестрах
прочь прошлое как в обморок проем
всей памяти что юлию на рострах
на все четыре ставили втроем
давайте издали прощаться летом
сдавать в казну пожитки в узелке
чем проще жизнь тем вся она об этом
элегия на гетском языке

еще вина и выпьем за отвагу
обычай учрежденный для мужчин
вброд через ахеронт на стикс в атаку
но есть любовь я лишь любви учил
дороже жреческих жезлов и грамот
пора домой живым земля тесна
всей мудрости здесь amo amas amat
люби легко так я любил всегда

диалог судьбы и любви

судьба

смотри куда он след себе проел
извилистей чем древоточец древний
как в микросхеме серебро на кремний
но электроды впаяны в пробел
пока не выцвел весен быстрый ситец
и осеням дыханье не свело
он слепо верил в истинность всего
чему участник был и очевидец
где строил дом и дерево сажал
о чем загробно меж родными споры
и сына бесполезного рожал
т. е. не он но мертвые бесполы
все решено и ничему не стать
другим на свете вопреки старанью
не развернуть тетраэдр пятой гранью
а дважды два не разумножить вспять
как мухи набело в замерзшем воске
на чипах отпечалены миры
без выбора и червь на терменвоксе
уже завел шопена в mp3

любовь

взгляни сестра как незаметный клин
твою скалу раскалывает в ливень
он существует потому что был
где кровь распластана лучами линий
сложив живые участи в мешок
и в полночь прочь украдкой конокрада
ты совершила правды на вершок
но без любви нам правда не награда
с той стороны откуда солнце гость
остался дом потомку на поруки
венчанный ясенем и грудь подруги
вдруг опалит когда наполнит горсть
пусть к старости песок струится строже
и серебро по кремнию длинней
он слово дал и возвратится к ней
не тронь его он мой и мертвый тоже

свирелью ясеневой в три ствола
шепчи шопен мазурку или скерцо
все сбудется и правда не твоя
умолкнет мозг но не затмится сердце

судьба

сестра не жертвуй зрение бельму
ты вслед теленку а за мной все стадо
все станет в точности как я велю
или вернее выразиться стало
сам воду выдумал и сам плыви
но не пеняй что финиш очевиден
печален брассом след его в пыли
кто серебра и правды очернитель
я счет веду из неподвластных мест
где все исчезло

любовь

amat ergo est

* * *

не проси у природы примера
в приоткрытом проломе окна
две загадки однажды имела
не разгадана только одна

все мерцает как дождь или жемчуг
на траве и в развилке ольхи
косарей расспроси или женщин
ничего не припомнят они

покружи где прощается ветер
крен к оврагу и лес в разворот
разлюбившие больше не верят
но не с ними теперь разговор

с высоты все сбылось как хотело
тишина поднимает полки
наша смерть это женское дело
лучше нас понимают они

птичье беличье дробью по крыше
сердцу вырыта в дерне нора
тормоши мое время потише
не стучи костяная нога

* * *

командир метрономов и внутренний токарь тоски
чью марусю москва полмаршрута в метро пробирала
голова в галантир если правильно трогал мозги
поцеловано в лоб но сперва опали волоски
за работу перо а петро принимай панибрата

сизым ястребом оземь и в прорезь ворот норови
крут в фарфоре арфист поэтапно к природе бобрея
круглый гроб сладострастно стояли у нас ноябри
горб-то выпрямлен блин но в уста не протиснуть апреля

ветерком бороденки брезгливо заплещет хоругвь
мощен пращура хрящ но поэты на ощупь тщедушней
им пора не сезон жалко бродского нету вокруг
чтоб спросить с тебя кушнер

или кто-нибудь викинг хоробрый по-доброму я
подосиновик в цинке где панцирно мне и кольчужно
прямо райская прорезь но взору внутри ни хрена
так сияет жемчужно

* * *

а если я пел тирану как пленный дрозд
в тропическом сне где придворные фрукты зрели
пускай мне покажут землю где выбор прост
я пожил и в курсе какие возможны звери
даритель огня и вращатель тугих турбин
столь многое спас потому что многих убил
в долгу так давай теперь истребит тетради
не скажет неаполь ни мантуя где легли
над нами лимонные корки или плевки
в голодную глину мы и наши тираны

я верил что город вечен а он мираж
но что остается в грубых руинах раем
уже неизбежно коль вышел такой ménage
à deux что на все века серебриться рядом
стремительный воздух в горло вогнал глоток
в наветренном времени прерван тот кровоток
кто в пепельных розах у ростр водружен на козлы
ни царских разъять ни себе царедворских уст
угрюм у дороги в порожних глазницах бюст
а в недрах берцовые накрест допели кости

напрасно брундизий мой греческий обморок зря
так смерть обессилит что скоро ни встать ни делать
под перечень плача кого заносил в друзья
триоль элевсина и все с геликона девять
у черной царицы сезонные циклы лиц
здесь цезарь узнает месяц он или принц
молчанье течет из гортани чья ночь в печали
но девять прощайте а прелести нежных трех
куда тебе данте и будь ты хоть герман брох
пора в колдуны и луча не затмить свечами

прими перевозчик латунный обол с языка
хоть выколи тьма но булавочный глаз диода
двоится внизу или лопасть костра высока
я сам раздувал где пылает с тех пор дидона
простимся на пристани здесь присягнем сестре
вся пряжа речей обрывается в этом костре
порожняя тара в обмен на сердца и рассудки
безглазые ляжем в стеклянную пыль и траву
отныне и мне и ему остальную страну
черед населять бесконечные сутки

* * *

Can you hear anything, Mr. Kemp?

таки недолго думал и солгал
дизайнер динозавров и моркови
а где же был он бля когда сигнал
с ньюфаундленда посылал маркони

молчал чингиз всей квантовой орды
сверхструн настройщик обойденный слухом
но обоняет ладана огни
за что бабло отслюнивает слугам

раз он молчит и я в ответ смолчу
не керосин же требовать к пожару
кто сочинил нам сопли и мочу
заслуживает отпуска пожалуй

хотя чингиз там впрочем ни при чем
мир сирота но в дамках обезьяна
стучи маркони чертовым ключом
подальше шли сигнал и адресата

пусть короток сеанс и черно-бел
но у распахнутых в забвенье ставен
как счастлив вечерами человек
что он при бабе и богооставлен

еще стакан и кажется споем
в такт вечным ножницам и веретенам
как люди мы на острове своем
счастливо найденном и обретенном

* * *

колонна надвое где пополам умора
недобегущий вмиг к ларьку или в метро
лучком увенчанный весь в черточках укропа
добыча вечеру а на просвет никто

но если обо мне как собралось казаться
чуть судорожней риск с ползрения назад
сквозь перстень пустоты ах небо в ней глазасто
всей радугой туда жаль облака слезят

на лопасть вечности не в фазе неотложка
зато не мешкает стремительной стопой
тень учредителя чье солнышко окошко
но не в который свет так верили с тобой

печально что пора куда котят топили
причина той воды кому она горька
что редко и не всем дано побыть такими
как тополь где метро и зритель у ларька

за пригоршню шмелей и суслика на стреме
все глупости снести и снова быть вчера
ведь жалко остывать в железной катастрофе
совсем не хочется но очередь пришла

* * *

вот возраст когда постигаешь дрожа
безжалостной жестью примера
что раз красота никому не должна
спасают неправда и вера

пусть птичкой помечено время с тобой
с кем речь приручали теснимы толпой
в земных казематах казенных
поднимется пламя из недр и трясин
но имя которое в сердце носил
отсутствует в списке спасенных

поднимется голос но тверже молва
любого любителя петь из горла
полезней молчать и молиться
в кривой перспективе не вечно равны
текущие в город шеренги травы
и рим провожающий китса

ура с коромыслом к реке на ветру
чуть птичка в графе то и коршун вверху
потрепанный блок над непрядвой
какие там кони и скифы в пизду
гранитные бабы пешком по песку
вся смерть получилась неправдой

так тяжко намолены эти места
скорее бы стала планета пуста
своим барсукам и косулям
ни эха в горах от позорных острот
лишь мраморных граций безрукий фокстрот
над греческим битым сосудом

немного осталось вот это и есть
зеленая бронза гремучая жесть
в огне монитор как бумага
короткий пробег без обмана

* * *

помнишь цинтия перно на петровке
где грустили мы ладонями к небу
но пропали с той поры как микробы
о микробах долгой памяти нету

собирались в трускавец или байи
бурным морем до тартесса и дальше
получилось только в лес за грибами
ночевали на малаховской даче

или в тушине ждала где привыкли
ревновала к молодым поэтессам
это желуди морские прилипли
к днищу сердца за последним тартессом

без тебя тут наши вышли в светила
за квадригой на подушке медали
встретил меммия в мундире эдила
в старину-то он не ладил с ментами

редко локоны впотьмах или губы
душный воздух навевает под старость
вечерами я ловлю тебя в гугле
в википедии найду что осталось

навещу лишь в годовщину наверно
за померием безлюдно и тесно
ни перно тебе сюда ни фалерна
так квадратно твое цинтия место

вот и вещи раздаю скоро следом
будем буквами вдвоем и листами
где горели на ветру быстрым светом
и могли бы жить всегда но не стали

* * *

кто родился в день сурка
брюки вешает на стул
просыпается с утра
не умнее чем уснул

доля времени мала
воле короток лимит
ей судьба из-за угла
барабанами гремит

жизнь короткий ураган
буря в блюдечке чернил
то ли ницше угадал
то ли шекли сочинил

долго мебиус потел
очень мучился со мной
но не вышло как хотел
время выпрямить струной

спят медведи и ежи
кот немотствует баюн
спой бетховен удружи
про дорогу и баул

год не движется к весне
сутки в ходиках совой
мой грызун грызет везде
мой сурок всегда со мной

* * *

шумно дышит кинокадр
что-то быстро вроде гагр
там секвойи да изюбри стол с закуской на косе
это город санта-крус
ты анголец я индус
переводчица красотка с португальского на все

наша участь высока
но с дефектом языка
здесь пробел мироустройства дряхлой памяти упрек
там в застолье ты была
так причудливо мила
так печально знать отсюда переводчица умрет

липко в воздухе мозги
раз без зрения ни зги
пополам кентавром время брюхо млечное вперед
под секвойями в пыли
оставайся и бубни
только небо лопнет только переводчица умрет

слизень в шелковом хитоне
речь слюна за ним на склоне
мало жизни до получки
выпростав худые ручки
переводчица умрет

* * *

был долгий дом напев простой луны
свечной нагар за столько лет печали
в потемках губы гнева и любви
так сбивчиво и быстро обещали

зачем один он был никто из нас
одолженная память просто милость
так воздух восставал так ветер гас
а жить на свете все не приходилось

родившись раз я поступлю как все
кто целовал и дождь с картинки вытер
пусть это будет девушка в косе
из паспорта который ты не видел

последний раз заночевать в плену
влюбиться блин вздымая ртуть под сорок
хоть кажется кто эти мы ему
который нам не возникая дорог

ты знаешь я пойду теперь сгорю
я собственно и раньше жил негласно
тогда возьми и где-нибудь в саду
так пристально под сливами так ясно

* * *

облако яблоко белый налив
острые челюсти леса хрустя
синим на горлышке пульс терпелив
в мякоти тела как дети друзья

мы ли посмертно повторно ежи
пасмурно в панцире устьями внутрь
не возражай постепенно скажи
в зеркале зев отраженью не пудрь

колется голос в подкожном зобу
каждое слово отважно в печать
писчебумажные на берегу
в бережный вереск сойдем отвечать

стороны света четыре куска
чуткая стрелка чей север в груди
утром ежиху прижать у куста
белое облако не уходи

в северный вереск весь ветреный путь
песни красавиц ура на войну
долго на свете я был кто-нибудь
или такой же влюбленный в одну

черная бабочка
ручки торчком
яблоко по лугу
белым волчком

* * *

наутро на смертной постели
приснятся в последней стране
красивые листья растений
укромные твари в траве
свинцовым затылком в подушку
следить целиком отболев
как странника сонную тушку
съедает задумчивый лев
недолгая в лютне соната
к луне вековое лицо
такую картину когда-то
рисует художник руссо

так жалобны кошки и люди
секрет этой жалости прост
у них обагренные руки
мечтательный по ветру хвост
поэтому люди как дети
их совесть стремится к нулю
других бы придумать на свете
но все-таки этих люблю
я сам этот странник усталый
босые ступни без стремян
но стоит расслабить суставы
как тут же с костями съедят

подбив свои пени и льготы
спасибо светилам втроем
что времени лучшие годы
я может быть кошкой провел
внемлите олень и волчица
что ссориться больше нельзя
нам только любить наловчиться
и будем навеки друзья
допустим природа прекрасна
забудем тревогу и стыд
а камень бессмертен напрасно
хоть сам ни о чем не грустит

* * *

они существуют но сбивчиво и тайком
во времени где как лазанья мясо слоями
получилось вот что я вышел за табаком
а уже эти четверо в очереди стояли
у ларька разживиться или их вроде шесть
деликатно алели глаза зеленела кожа
рапортую центру жизнь во вселенной есть
но искать не ищите ни на что не похожа

если верить тому что стряслось я приятно рад
вот качнулся навстречу сам капитан со стаканом
от лица всего старопрамена здравствуй брат
или ты сестра или что там у вас под скафандром
мы сыны кислорода и в образе шерстяном
уроженцы тундр но от космоса аж больные
наберу брюссель заходите все вшестером
или все-таки четверо где же два остальные

от кита и кентавра виден мой огонек
свет надежды и даже когда лежал простужен
я врачей убеждал что разум не одинок
но грустил не веря что разум кому-то нужен
как тасуются карты или слоится фарш
я обрел у ларька сиреневых и ушастых
просигналим рогликом и к андромеде марш
напролом но чтобы не загреметь в участок
за других на умственном не надорвись труде
старопрамен кругом перегрузки с утра тройные
вызываю центр триколор в трехпалой руке
звездолет за нами на пльзень вперед родные

* * *

пой иволга зачем она боится
что воздух зол и звук не состоится
свисти листву от грусти отвлекая
нам жалобно что желтая такая
как вовремя на перешейке лета
невелика но с крылышками флейта
отвертка тайны в колтунах и кронах
в поля бинокля вписанная птица
за кадром в астматических воронах
где наша жизнь назад не повторится
вся в желатине в зыбкой протоплазме
зов черных губ и бледная ключица
я прошлое уговорю случиться
но будущее согласится разве
киномеханик в фонаре стрекочет
там голос нем и все движенья мимо
зачем она молчит и петь не хочет
над тишиной подвешена незримо
где в трещинах кому судьба щедра
то иволгу навеет то щегла

нож авраама

б. кенжееву

с треском осыпалось облако как потолок
еще ни в чей не зачислены каталог
безымянно брызнули звезды в канун восхода
поперек горы вибрирует нить раскола
и смысл умолчания изобличает ложь
словно сельдь в рассол серебристо со дна морского
в зените дрожит занесенный нож

нелюдские в пустыне искривлены голоса
вся гора горит испаряется в небеса
отсюда ближе к которому кровь по нраву
и в живых держащему жалобных жертв ораву
кто сорвется в крик мигом молнией укорять
райский сад но кара проста за потраву
в кулаке костяная тверда рукоять

солнце солоно или блестит лицо в поту
весь от веры продрог но в гравий упер пяту
перед тем как по горлу дай рассмотрю насечки
это мы верблюды и чуткие человечки
точно точки тире на недолгих песках пути
наши тщетные женщины белые наши овечки
но по лезвию теперь не пройти

жизнь почти увенчалась что он в нас изменил
недоединокровный полубрат измаил
не из тех кто гарью на рукояти вышит
горячо надо мной прощальная бронза пышет
бестелесный голос охрип говорить отцу
отпусти покуда живьем а зарежь овцу
и овца подошла но он не слышит

кашлянул в интервале велящий глотая смех
здесь тропа на треблинку еврей один на всех
инструмент с костяным набором и смерть огромна
деревянная радуга охрой и хромом бревна
мы столкнулись на острие ни осла ни овна
вот овца подошла но и та ни в чем не виновна
ей ведь тоже отняли голос она одна

попусти зодиак застегнуть ожерелье года
так и выкосит бронза весь присмиревший гурт
на окраине мира где меркнет граница горя
звезды наших кибиток наших юрт

* * *

я вас любил любовь еще вообще
я к землякам вернусь и к землеройкам
в их сводчатые дачи чернозема
или другое место подберу
как древний богатырь на перепутье
у надписи abort retry ignore

или не я а кто-нибудь из них
пока пустые проницал сердца я
вас заточил в одну из вечных книг
и умер в ней смеясь и прорицая

или не вас а грустную вон ту
что прорезью в строке как запятая
о ней уже не спеть когда во рту
отговорила рыбка золотая

но alt-control-delete и вот обратно
с повадками подводного щегла
летит виляя хвостиком опрятно
такая маленькая и жива

* * *

по краям крапива
слизня липкий след
черные стропила
искры на просвет

море мокрой пыли
с прежними людьми
коротко любили
глубоко легли

где гроза напрасно
в облака звала
молния погасла
на земле зола

истекут мытарства
через пару лет
раздадут лекарства
привезут обед

тихая палата
хриплая мольба
здесь была когда-то
родина моя

* * *

мозг ослаблен силлабическими стихами
играй аллерген если тополя пушисты
у ларька на взводе боевые стаканы
по лицам видно что наши а не фашисты
качнись упасть и ветер подстилает вату
лежи поперек лета впереди недели
кому невмоготу передай стакан брату
он предан делу чтобы ряды не редели

природа в борьбе ради маковой росинки
вот и глотни все же человек а не робот
пей пока наливают принесут носилки
отвезут сделают укол быстро зароют
для чего пчелы утром покидают улей
для того ларек на углу возводят людям
раз у колькиной людки воробышек умер
за воробышка по глотку и все там будем

мы стоим у ларька в тополиной метели
летят брызги времени столетия что ли
прежних не узнать чьи черепа облетели
но когда умираем не чувствуем боли
потому что сущее только мнится телом
жизнь лишь подобие инсулиновой комы
а душа воробышка летит за пределом
и мы кажется тоже но не знаем кто мы

* * *

обещали всю ночь молотки что на площади плаха
любопытные люди пришли в предвкушении страха

сухопарые матери их постепенные дети
убеленные старцы чьи дочери матери эти

день покупки воздушных шаров или сахарной ваты
старцам лучше покрепче но дети пока маловаты

перед тем как с телеги сгрузить кому песенка спета
на помосте прелат в маскарадном и член горсовета

то-то празднику рады ребята и матери тоже
им возможно и жалко слегка но забава дороже

каждый житель в толпе понимает похожие чувства
только солнце в глаза только синее небо до хруста

если брат им по праву терпи и не требуй ответа
это люди такие других не рожали от века

и не жалко для них приупасть под тесак на колено
если правда потом чтобы больше нигде не болело

фауст

точней и недоверчивей чем ты
я постигал беды скупые свойства
конструкцию преступной простоты
сквозящую в пазах мироустройства

в стране где одиночество лютей
но иночества подвиги похожи
я постепенно так простил людей
что стал бы с ними говорить без дрожи
там вызубрив законы волшебства
проверил я сложив слова и числа
как возникает ум из вещества
и мог бы тоже но не видел смысла
мир оставался пуст лишь ты одна
в кривой решетке света из окна
существовала на садовом стуле
навстречу ночи и впотьмах потом
листала книжку патнэма о том
что я не человек а мозг в кастрюле

там на заре взамен тебя верна
неназванная плакала вина
ничья из нас она жила снаружи
я заклинал всех чисел имена
чтоб лучше спать но бодрствовал все хуже
откроешь кровь и топором в кровать
не жизнь из жил а жиденькая порча
из первых рук и нечего кивать
на патнэма или алонзо черча
я воскресал и подходил к окну
где в лунном облачении стояла
и отраженьем падала ко дну
ты у пруда и вся твоя собака
туда текла сознанья полоса
ветвясь на утренние голоса
то в иве иволга то вслед синица
ты в темный ил ступала на носок
и время в пруд бросала как песок
топя совместно прожитый кусок
я понимал что время тоже снится

теперь пришло в расколотой стране
твое письмо в котором ты писала
что яблоко лежало на столе
которое ты принесла из сада
кругом тесней древесная гурьба
не поразит и судная труба
стекла где с той поры луна повисла
сиять на поле моего труда
на бережные чертежи и числа

латынь

так поздно лег взахлеб стихи листая
а если спал то шелестел во сне
проперция элегия шестая
вергилий где дидона на костре

почти парсек переступивший гений
как древний шелест звезд и не пойму
сквозь муравейник тусклых поколений
что мне вергилий или я ему

дидона ли зачинщица пожара
в слезах что снова к пристани пора
где делия веками провожала
поэта в елисейские поля

строка не вещество но в грудь кольнула
заря желанных глаз румянец скул
как будто вечный воробей катулла
вчера в ладонях лесбии уснул

уснул и я проснуться в древнем риме
тень портика и вещий воск в руке
в стране где павший говорит с живыми
на рвущем сердце мертвом языке

* * *

зима вздымала лапы над тайгой
над волчьим волоком по обь в походе
где леденел весь ум не по такой
скупой судьбе не по такой погоде
в стеклянных поймах ворохом ольха
сплошь ненцы в малицах из недр тюлени
короткую страницу из огня
с анамнезом я выхватил в тюмени
или в надыме птицы этих стран
нехороши и существуют мало
и я решил уехать в казахстан
там лето наступало

стремглав сквозь хриплый воздух иртыша
страна была тогда одна со всеми
в жару несложно если не дыша
но жить в особой солнечной системе
спасала дружба с девушкой тогда
из ссыльных полек с полоумным дедом
кто в самый зной была в руке тверда
на танцплощадке и спала с кастетом
спала со мной кто голоден и гол
ученый червь в чужой на вырост коже
там жил бахыт там расцветет ербол
но это будет позже

и я спросил которому тогда
все искреннее обнажал геройство
где подлинная родина слона
а он молчал имея это свойство
все пропадом мне без него присущ
скитальчества неизлечимый вирус
я полюбил существовать как плющ
где ветром выбросило там и вырос
вселенная саванна для слона
трава растет и хобот в кольца вьется
до той черты где время как стена
стоит и остается

* * *

когда существуется просто
и степени зной наберет
нам тикает в роще устройство
для перечня лет наперед
детдомовка в дебрях таится
воровка чужого тепла
молчи лаконичная птица
я все посчитал без тебя

как жалко что эти просторы
и нежное небо на взгляд
под звуки кастрюль и касторки
нам скоро покинуть велят
чуть свет убывать неохота
где чаша любви неполна
но если закончилась нота
то значит настала пора
пускай неумело любили
последние вспомнят мозги
какими хорошими были
и не были все но могли

прогулка трехлетнего брата
военная повесть отца
судьба на суку и перната
всегда из чужого яйца
звени золотая подкова
прощальное сердце в шелку
не надо ку-ку никакого
я сам про себя прошепчу

* * *

Where Alph, the sacred river, ran
Through caverns measureless to man
Down to a sunless sea.
S. T. Coleridge

марко поло долго жил в поднебесной
год в любую сторону если прямо
впал в фавор и стал фигурой известной
всем наместникам от манчу до аннама
а потом в европе военный узник
все не мог решить это смерть или снится
да возьми пособи грамотей французик
описал со слов в генуэзской темнице
как курьерские кони храпят по стойлам
наготове и как на войлоке колком
пировал хубилай в ханбалыке стольном
в тростниковом дворце перешитом шелком

он теперь на поруках где дом и дожи
но и это и это фантомы тоже

пролистай наугад хоть до той страницы
где клевреты в сапфирах ползком к помосту
где с речное русло размахом птицы
промышляют слонов на прокорм потомству
там привозят пряжу из уйгурстана
что не вспыхнет в огне за билет бумажный
или вспомни когда погребают хана
кто завидит кортеж погибает каждый
вот лагуна и город по кромке блюдца
как отрывисто время пространство голо
певчий голос в мозгу позовет проснуться
не вернешься умрешь вернись марко поло

пронеслось словно памяти не касалось
это правда было или казалось

что ж ты чертова память круги и пятна
распустила нить растеряла годы
неужели можно пройти обратно
в прежний рай миражей по огненной гоби
здесь палатки менял и с макрелью сети

там гроза и милость царского лика
недурна и венеция но на свете
нет столицы блистательней ханбалыка
одолев гангрену и долгий голод
в долг глазам пока глазеть не устали
спозаранку войти в невозможный город
где прозрачны хребты и ручьи хрустальны

запах смерти но жизнь обжигает ярко
собирайся в путь
возвращайся марко

* * *

абеляр элоизе вот что спешу напомнить
из пустого ковша порожнего не наполнить
если взять утомленных пеших в зной у колодца
то что было уже к тому и прибавится столько
только тем кто не станет пить вода достается
но умножится жажда тех в ком все пересохло
в честном диспуте праздную спесь одолеет самый
терпеливый и чистому сердцем весь мир отчизна
без труда обойдет капканы универсалий
кто стоит на торной дороге номинализма
ибо истина отпрыск упорства а не каприза
вот что следует помнить дитя мое элоиза

элоиза в ответ абеляру спасибо отче
я могла бы сама но у вас получилось четче
я вчера у часовни для вас собрала ромашки
потому что другого подарка найти не в силах
жалко мать-аббатиса нашла в рукаве рубашки
раньше было их больше но не таких красивых
и еще я писала по-гречески вам записку
но сестра донесла и велели впредь на латыни
а латынь проста не пристала такому риску
как нас жаль что мы перестали быть молодыми
раньше я гуляла и дальше к ручью и вязу
там теперь собаки с мусорных куч с цепи ли
иногда я плачу но это проходит сразу
ваши мудрые письма меня почти исцелили
если трезво взглянуть пожилые ведь тоже люди
даже если погасли глаза и обвисли груди
даже если рассудок прочь от беды и скуки
почему они что они сделали с нами суки

* * *

ночью в черную дверь непривычно привинчена ручка
но ручьями стожары и перистый светел убор
в перерыве грозы отвечай человек-почемучка
ученик сентября чтобы осени в очи в упор

здесь на твердую голову все аксиомы системы
понимать и кому так коварно планета кругла
плюс на минус в мозгу расскажи электричество где мы
чтобы бережно знать если выхода нет ни рубля

сквозь молчание спящих сверчков возле черного хода
различать пустоту и пульсаров прерывистый свист
ты один в этом квантовом сне остальное погода
признавайся погоде скажи молодой гармонист

им бы всем по уму только сердце всегда настигало
быть бы богом над ними недолго до полной луны
до стожар расстояние страсти но милости мало
потому нас так меньше чем если бы все по любви

свет обеих медведиц и млечная их чечевица
сговорились пасти до зари у калитки козла
здесь попробуй умри а потом допроси очевидца
вся природа глядит никогда не отводит глаза

духовая музыка

внимательное утро вой трубы
из противолежащего окна
распарывает кроткий пражский воздух
там ученик оттачивает гаммы
слюноточиво и труба хрипит

стоит суббота но внутри рефлекс
велящий спящему из койки мигом
и быстро быть к чему-то начеку
так исстари диктует трубный рев
чья окончательность и непреложность
впечатана в наш генный код о чем
еще две тысячи тому камлал
завшивевший всемирный сумасшедший
на патмосе

иное дело флейта
особенно в комплекте с барабаном
она поет о долге и войне
о жертвенности жизни в зоне риска
и смерти без которой жизнь софизм
на севере где лучшие из нас
сошлись испить шеломом из литани
но голова в крови и кровь в воде
из нас кто вместе штурмовал бинт-джбейл
юнцы вчера из тиронут во цвете
и в шрамах прежних браней мелуим
сыны цахала ратный сбор иуды
ревнитель храмовых руин почти
повержен

из-за черного евфрата
где газ геенны бьет из-под земли
восстали гог с магогом и пылает
их мстительное сердце маслянисто
еще чуть-чуть и флейта захлебнется
умолкнут барабаны на холмах
где в бок приняв коварный дар сармата
горит меркава

в иерусалиме
есть кладбище текущее в кедрон
участок словно в сохо лофт ценой
здесь трубный глас услышать будет проще
имущим если флейта замолчит
но бородатым здесь не по карману
презрев корысть и возлюбив закон
бородачи всегда идут к стене
по локоть вьют ременные жгуты
и плачут и кричат шма исраэль
но тот кому они кричат не слышит
он к их мольбам оглох в тридцать восьмом
от битого стекла

поет труба
и мы соображаем без труда
что это голос вещего шофара
будить того кто угрожал воздать
а если так то хорошо бы знать
кому в зачет награда или кара
он обещал вступиться в этот раз
но он оставил нас
оставил нас

эдип в коломне

шумно вздохнуло чудище и отвечало
рассуди сам по науке если философ
в термодинамике есть второе начало
и число ответов меньше числа вопросов
вот на эту разницу и живем с супругой
с утра наличных ноль но на кон ставлю смело
пораскинь чем бог над этой правдой сугубой
и взмахнуло лапой и убило и съело

жалко ослепнуть в зобу не прозрев ни разу
плохо кончить век дичью без избытка знаний
человек не чета идеальному газу
раз передний ум тормоз не вывезет задний
страшно когда среди природы постепенной
суслик пополам плугом с небес камнем птица
тепловая други мои гибель вселенной
по ту сторону шанса налить-похмелиться

домик допустим в коломне за вином прямо
ответ или-или судьба обыкновенна
здесь кто папу зашиб кому дала чья мама
вопрос не острый не австрия чай не вена
взыграет на солнце льдинкой прозвенит фикса
о берега стакана и в путь ко второму
а какие и гибнут то не в пасти сфинкса
с константой больцмана на устах в дар харону

разговор с воображаемым другом который оказывается умер

я

друг сергей или василий
как работа как семья
ты зачем внезапно синий
весь лиловый из себя

завела невзгода в угол
горе грянуло бедой
видно поздно я надумал
побеседовать с тобой

а спросить хотел всего-то
сердце совестью грызя
как семья и как работа
но теперь уже нельзя

ты обиделся наверно
нынче скромно словно мышь
или спящая царевна
в крематории лежишь

как же стал ты мертвым местом
был же голос и лицо
объясни хотя бы жестом
ты ли это или кто

он

очень слышать это мило
со слезами и слюной
раньше чаще надо было
разговаривать со мной

умирать светло и сухо
что вам поп ни говори
лишний визг не лезет в ухо
кашель кончился внутри

раньше жизнь была хреновой
больше зубы не болят

погорю теперь сверхновой
в трех минутах от плеяд

если снова спросит кто-то
из желающих внизу
как семья и как работа
я пошлю его в пизду

я и умер-то нарочно
выйти в звездные поля
но убей не знаю точно
это я или не я

* * *

располагает возраст мой к умеренности
и трезвости но твердой нет уверенности

поскольку срок тяну не по бумажке я
реален риск пуститься во все тяжкие

тогда для тех кто вслед растет и учится
изящного примера не получится

для малых сих кто с выдержками слабыми
прельщаться склонны коньяком и бабами

и мелкими окрылены победами
рискуют возомнить себя поэтами

затмения считать упрямо проблесками
стать мэтрами и даже где-то нобелевскими

лауреатами подобно бродскому
за что спасибо моему уродскому

характеру с ненужными поблажками
себе и беготне за всеми тяжкими

ведь это жуть в какое положение
ввергает нас порой воображение

* * *

кто камни тяжелил и руку правил богу
чтобы родней всегда и так звеня земля
кто зодчий всех зверей и сочинил погоду
увы что был не я

когда в безоблачной но за полночь гилее
так млечно теплится узор подложных тел
стоять и видеть сон что есть одна милее
какую ты хотел

на свете бога нет но к куполу крутому
прильни где невелик зодиакальный круг
в танцующий бинокль мы говорим плутону
прощай холодный друг

кто щерился без глаз от пристани кромешной
кто опускал во мрак беззвучное весло
теперь в последний раз мерцает под одеждой
нагое естество

простые проводы стакан и осетрина
кость компаса дрожит берцовая в окно
за тот предел где лжешь ни ты ни прозерпина
не властвуют давно

* * *

разбиваясь на векторы весь этот трепет и свет
унаследован слепо но к старости сны откровенны
безопасно с утра что надежды фактически нет
только фазы любви под хитиновым кителем веры

ты снижаешься в бар сигаретный сигнал на борту
сквозь обломки футбола и ветреной феи наезды
после третьей прозренье пора постигать правоту
той последней любви за которой не нужно надежды

пусть корыстна тем люминесцентней на девушке бант
дальше кончится воздух и свет отмеряют по кванту
мудрено горевать если в горле застрял акробат
отстегнувший под куполом веру и выбравший правду

клубы алого дыма из дыр задубевших аорт
или если к последнему преображенью готовы
мир прозревшим проезжим кто девушку примет на борт
и швейцарам в шевронах в ночи отдающим швартовы

нынче третья попытка так прыгаем наверняка
в этот желтый манеж где такси прорубают орбиты
небо с беличью шкурку пока нам любовь велика
и кукушкины сестры в гнезде позади позабыты

cat's cradle

вот кровать на ней подушка
тень струится с потолка
дело к вечеру подружка
я спою тебе пока

наша бедная каютка
аккуратна и мала
не горюй моя малютка
уплывем и все дела

птицы бледные как будто
рыбы грустные в воде
никому не видно пункта
назначения нигде

все явления природы
прочь словами на губах
спят отмучившись микробы
в очень маленьких гробах

спи уткнувшись в бок подушкин
если по сердцу процесс
мчится пушкин вьется пушкин
но всему придет дантес

даже нам с тобой малышка
носом в теплое плечо
сказку на ночь где же книжка
не написана еще

остаются неизвестны
жертвы ядерной войны
все мои простые песни
все безумные твои

рассказ сироты

он карточку вынул с покойным отцом
селедку соленым заел огурцом
румянцем подернулось рыло
ну слушайте значит как было

покойный папаша он здесь как живой
был тверд арматурой но слаб головой
и выставил грабли на память
чтоб часто в колодец не падать

смотрели по ящику поле чудес
потом припустили трусцой через лес
там звезды в глаза как булавки
спиртным разживаться у клавки

ответь мне украйна и туркменбаши
на что нажрались на какие шиши
в избе где ни лука ни хлеба
метни-ка селедочку слева

бежим себе значит внутри аппетит
а сверху стрекочет оно и летит
на русскую землю садится
вся в зубьях железная птица

выходит зеленый ушами пушист
на морду нормальный немецкий фашист
а может вообще штурмбанфюрер
аж чуть с перепугу не умер

родитель хоть был не философ но храбр
без слова зеленого хрясь между жабр
но чем-то сверкнул этот житель
и в пыль разлетелся родитель

тут я спохватился но сразу облом
другие фельдфебели в сотню числом
отделали вмиг как хотели
и в свой израиль улетели

я пыли отцовской с пригоршню собрал
чтоб знали в милиции что не соврал
такая стеклянная вроде
в стакане держу на комоде

чума ты очкарик глотай по второй
за то что папаша народный герой
зеленым позор анашистам
и всем оккупантским фашистам

печально икая он кончил рассказ
и рылом надолго в капусте увяз
пока расширялась большая
вселенная сну не мешая

сказки пушкина

на руслане росли в ковылях на людмиле
чуди с водью в ботве учиняли отлов
а чужих чародеев уволь не любили
тут своим не наплотничать дыб да колов

лейся в песне содом если в сердце гоморра
но чем шире душа тем темней города
бей своих чтоб чужие на борт черномора
то-то ряби в очах и в руке борода

тридцать три из трясины в торфянике вязком
в пользу мужней науки жена сражена
булаву в чистом поле на голову с лязгом
раньше думал такой а потом не нужна

с фсб на васильевском спуске в повозку
больно все напоследок русалку хотят
и баюн ваш ученый пейсатый в полоску
пусть попляшет покуда мы топим котят

расстилайся славянская в банях услада
близко музыка сфер репродуктор в метро
спой нам оперу глинки о брани руслана
с головой если сердце на рельсах мертво

* * *

вот на линованном листе письмо
теперь таких не пишут сразу в аську
и в скайп с ушами шасть и ну трещать
а тут листок буквально из бумаги
его с проклятием или мольбой
бывало сунешь в щель и долго ждешь
прощения или разрыва в кровь
молчишь в уме взаимно с адресатом
потом ответ но ты допустим умер
или сменил внезапно пмж
с натужным скрипом повернулся шар
в пространстве и обратно не вернется

и вдруг смотри одно из этих желтых
дошло сюда но я отнюдь не тот
кому написано и раз пятнадцать
я сбрасывал хитиновый хитон
седея и мужая отраженьем
теперь читаешь и даешься диву
как боль его бледна и гнев нелеп
он был тогда поэт и мы дружили
я отвечал из сенеки цитатой
из утешенья матери я знал
он мне ответит превзойдя размолвку
но повернулся шар и он ушел

во мрак струится школьная линовка
на ней вселенная висит неловко
где встретиться вовеки не смогла
с его проклятием моя мольба

сестра

чуть ночь и часовые стоя спят
тебе впотьмах меня понять нетрудно
где в точности я источаю смрад
молчу ничком в пыли и пахну трупно
сверкнула бронза белый свет погас
пора бы погребальные услуги
ни шороха не будет кроме нас
вороны в ступоре и псы уснули
пускай креон с три короба наврет
повергнув в трепет хор и корифея
здесь только ты мне город и народ
куда неверной кровью багровея
звенит от семивратных стен верста
кому была так велика всегда

когда лежишь и шлем пернатый пуст
единственный для тени собеседник
опарышей самозабвенный хруст
вороний грай в листве маслин соседних
твоя страна соломинка в костре
не родина а родинка простая
на треснувшей от жара кожуре
пока внутри слышнее шум распада
теперь не пленник тела и тепла
останься гибель небольшим ушибом
пой ненависть как я люблю тебя
которая сейчас придет с кувшином
пролить вина поговорить во мгле
со мной и кротко повисеть в петле

встань мертвая моя пора домой
нам истлевать в любви а им на плаху
ты не отринула что было мной
за то что я погиб и дурно пахну
мы верные потомки тех живых
как плоть твоя нежна моим фалангам
теперь не он а я тебе жених
на ложе звезд в забвении прохладном
как ослепительно судьба проста
с изнанки всех земных отчизн и родин

где труп твой брат тебе и тем свободен
что скован цепью кровного родства
и если ты осталась у меня
как радостно что рано умерла

* * *

Молчи...
Ф. Тютчев

отстрекотала в полночь речь
досказаны все сказки
настало время поберечь
голосовые связки

еще губами шевельну
но воздуха не двинут
и можно слушать тишину
откуда голос вынут

снаружи город и семья
шарманщица разлука
а в голове была всегда
дыра без слов и звука

душа согласна осязать
она увидеть рада
но то чего нельзя сказать
ей пробовать не надо

так много нашумели бед
что жить на свете жалко
у тишины обмана нет
не тронь ее шарманка

когда погаснет гул молвы
как в песне гайдна свечи
мы вспомним все что не могли
доверить прежней речи

тем повелительней ответ
хотя вопрос напрасен
что мир молчащий слову вслед
так пристален и ясен

* * *

кто любили меня по способности сил
или просто терпели как трудного брата
от души бы себя хоронить пригласил
если без вариантов и смерть это правда
я бы взял их туда где теряется нить
где скоблят на столбе недалекую дату
и ни трости надломленной не преломить
ни курящийся лен угасить кандидату
там всегда спозаранку команда дружна
размотали веревки нарезали дерна
потому что пиздец и в дорогу нужна
справедливая смерть если жизнь непритворна

вот и все именины а дальше увы
напоследок в комической роли скелета
ощутить где кончаются фазы луны
и в рулетку свиваются стороны света
или поп налетит только поздно спасать
больно набело речи у них без помарок
но попробуй из ящика честно сказать
что старался но был никому не подарок
остается к столу и в котел по рублю
омочить чем привыкли причину поездки
только я вас и так без возврата люблю
и другой в дневнике не имею повестки

* * *

я жил с этим выбором в ссоре
когда приходили за мной
жена облеченная в солнце
и муж осененный луной

на плюшевой зелени склона
лежал несгораемый свет
и было понятно без слова
сейчас или выбора нет

однажды в истории только
где я и вокруг ни души
они постояли недолго
и вместе со светом ушли

как будто почтовая марка
письмо за пределы тюрьмы
жена облеченная ярко
и муж осененный в тени

в висках этой памяти тесно
ей понизу путь но поверх
дымит опустевшее место
где свет нестерпимый померк

* * *

Where have all the flowers gone...
Pete Seeger

с нечеловеческим к вину влеченьем
навстречу бомж и старенький простыл
в люминесцентном конусе вечернем
он пешеходом кажется простым
а может быть он летчик по природе
и нестерова б нам вертел вверху
или пускай бы службу нес в пехоте
когда б увы не страсть его к вину
теперь простыл и дальше жить не может
в картонный гробик грипп его уложит
взойдет цветами к солнцу до весны
где так солдаты к девушкам нежны

дрянь пунктуация конечной точки
рубль дореформенный предел цены
понаведут красавиц вить веночки
а мы и есть те самые цветы
удобней вниз а вверх летать нелепо
пусть летчик кто-нибудь допустим я
рывком рычаг и нестерова в небо
но все-таки быстрей всего земля
раз правды не добился и спиноза
спущусь в подвал и выпью там спиртного

чем насморк смертный чем любовь к вину
жалея граждан за печальный вид их
я лучше голосую за войну
где есть хотя бы шанс у неубитых
вернуться в тыл и ездить на метро
на родине а мы уже никто

* * *

вот смотри затянули в трепете черных лент
в плеске скользких монист из цветного лома
на текущий счет перечислить количество лет
сколько не были дома сколько не было дома
если слепо теребить у воротника
из-под пуговиц на груди разойдется кожа
там на влажный жар неожиданно ляжет рука
на утиную алую лапку теперь похожа
краем скатерти утереть рукавом прикрыть
урезонить похоть умерить прыть
кто лежать ослаб завернуть и прочь из прохода
сочиняем петицию корифею хора
………………………………………………
исполати деспота сидим и свет не бел
по числу поголовья уже целиком китайцы
сколько вышли на улицу столько и дом сгорел
вместе с календарем почему и танцы
или главный случай нарочно вслух расскажу
в черных перьях голос несоразмерен звуку
вместо кашля внутрь догорим анашу
в металлической флейте слюной разводя разлуку
в дрожь рука у горла чур гортань не моя
но у кожи свернуты не сошлись края
быстро подпись в трубочку под лифчик девке
сердце бац в горчицу и стучит на тарелке
……………………………………………………………
будь ты блок трубой поглазей на лязг монист
все быстрей бедро все неистовей баянист
тюк да тюк по кнопкам но тайно на водку падок
то и дело руку с басовой консоли вниз
и ему является мать-патронесса крыс
их гусиных лапок раковых шеек и маток
…………………………………………………
пусть надолго такие скачут какие они
от кого внутри нам красно влажно и жарко
а потом кембрийские рыбы тупые пни
доживем где нас никому не жалко
где в прихожей дрожит антрацит как сон
можно кожу на гвоздик полный комбинезон

* * *

знаешь давай убежим в макао в рио
эта нужда и служба такая проза
будем я бык а ты белоснежка ио
или наоборот я вред ты польза
или вообще не будем никто на свете
из пустоты не выпятить сочетаний
телу навязло висеть бельем на скелете
фикция слова не больше чем прочерк тайный
ты например пространство я время что ли
все что останется если сомкнутся шторы

знаешь давай никогда друг друга не встретим
от исполненья желаний в мускулах вялость
кто остается может и жил за этим
чтобы гадать по кому всегда тосковалось
в рио в макао выбраться порознь разве
в жизни животных уйма живых картинок
дачный участок можно вскопать на клязьме
с силами зла за судьбу вступить в поединок
раз ты заглазно веришь в меня хромого
мне все равно что ты может быть корова

поздно сгустившимся норовить не рождаться
раз не спросили кто в ноздри вдевали кольца
тысячам вовсе участи не дождаться
от громовержца с огнивом молотобойца
если меня на земле никогда не станет
новый возникнет в сызрани или ницце
или кто книгу значений за нас листает
с воплем ослепнет на самой пустой странице
точен двоичный код орел или решка
да или нет никогда не грусти белоснежка

* * *

что-то жить с утра неповадно телу
в пустоте стекла
если взять стакан и хуяк об стену
устоит стена

как у нас припас алый труп на рее
винегрет к столу
может вслед придут кто меня добрее
и сожгут страну

а пока над ней перезвон бокалов
морды в оливье
с днем варенья свет пистолет макаров
в золотом кремле

но за гробом зебры до звезд саванна
словно в детском сне
только слов во рту до свиданья анна
и другие все

08.10.06

* * *

наливаются листья последним зеленым огнем
словно спазмы земли серебрятся овраги кромешно
в стекла к вечеру бражник и смертная метка на нем
так кончается лето и больше не надо конечно

напоследок пока под стопой мостовые теплы
все никак перед сумраком не наиграются дети
а в недолгих домах что за мы притаились в тени
и вверху перелетные клином крикливые эти

лягут долго ли коротко ли на траву холода
все равнины ровней и продрогшие горы покатей
согревало внутри сколько совесть была молода
но свело поясницу и вот не слезает с полатей

видно бронзовый наш закатился и следом стальной
так сподручнее крючьями к берегу души нагие
и в последнее лето над приговоренной страной
только бурые лопасти сфинкса а мы никакие

это тифона критские птицы в гортанном дыму
отогнать бы однако да правды во рту ни глоточка
а какие и кто мы по списку ответим тому
кто дохнет февралем и кому эта бабочка дочка

* * *

когда-нибудь пришла и встала у окна
к присутствию спиной а в небесах чертила
всю синеву и траекторию орла
я очинял перо и разводил чернила

мир вечерел квазары падали в подол
пускай бы вымысел удачен был у бога
так подмывало петь но видимо потом
когда прокашляться после ее ухода

хотелось что судьба отсюда не беда
сквозь трепет изнутри где близко плоть слепая
я постигал с трудом кто у меня была
пришла и у окна когда-нибудь стояла

навек и светится что никогда прошло
как у себя в ласко в большой бизоньей шкуре
вся радость на стене лазурное пятно
где кажется умри и будешь жив не хуже

сойдя по паспорту в неброскую страну
в окрестность скромную москвы или саранска
припоминаешь как однажды жил в раю
и голос пробовал так сипло но старался

* * *

среди лучей космических комет
порой возможны голоса и лица
когда внезапной вечности момент
случается и начинает длиться

здесь хоть не существуй или умри
местами как в стекло скребется ноготь
вот времени пузырь и мы внутри
так подлинны что хочется потрогать

созвездия по контуру толпой
нежна душа из межпланетной пыли
как хорошо что это мы с тобой
красивые как будто правда были

за вычетом тех незаметных лет
ночь бесконечна и не тлеет пепел
как жаль что никого снаружи нет
кто подтвердил бы нас или проверил

глядишь назавтра в квантовом огне
взамен невразумительному раю
привыкнем сниться я тебе ты мне
где наяву нас не было ни разу

* * *

...тень, бегущая от дыма.
Ф. Тютчев

которое пока светили день
семь сумерек лежало на бетоне
внезапно вверх протягивает тень
подвижную и вмиг оно живое

подобраны все мысли и глаза
устройство приспособлено для детства
и кажется оно возможно я
аж подбежать и пристально вглядеться

отсюда в перелески и поля
не если предки дураки и дети
а нечто вертикальное пока
чье тело тень бегущая от тени

так жизнь короче года и версты
чем чаще мертв и тем себе не нравлюсь
недолго луч точнее навести
где воздух прост и выбрать верный ракурс

возникло вот и любит и дрожит
как подлинная дочь в ночном покое
уже не важно эллин или жид
оно живет и вечное какое

* * *

зима распрямит изнутри свитера и перчатки
там рук и локтей и согретых сердец отпечатки
вернее объемы под шероховатостью шерсти
фигуры декарта насквозь в снеговую подушку
созвездие жизненных форм возникающих вместе
сезонные зимние лица в надежде на дружбу

зима ниспадает и пышет как снежная домна
куда нам телесно друг с другом и вместе объемно
такие живые наощупь приветствуя встречных
внезапные ноги влагая в двуствольные ножны
а многие дети вообще в своих варежках вечных
и страх отступает раз дети на свете возможны

внутри под одеждой поэты и певчие музы
мы племя платона тетраэдров крепкие друзы
пространство протерто в локтях уступая старанью
и мы существуем сквозь стужу прекрасно и тесно
прижав идеальное тело углом или гранью
овечьим руном обведя заповедное место
покуда пурга расстилает огромные песни
какие мы твердые были и быстро исчезли

* * *

упала мгла и мы пришли
подвыпившие на перрон
где бисерные две клешни
простер над нами скорпион

возможно я стоял один
в какой-нибудь из прошлых раз
но много в памяти картин
что вместе несколько из нас
гостям и жителям земли
последний к поезду звонок
терпите звездные зверьки
один теперь членистоног
локомотив с трубой у рта
не оставляй меня тогда

мы выпили и вот пурга
состава хвост последний свет
и жизнь как женская рука
в пургу протянутая вслед
когда случится с нами смерть
надежды обнажится суть
случайный не посмеет спеть
зимой на станции уснуть
к ларьку за радостью отстав
где обрывается состав

по шпалам точная игла
в ночные контуры села
где выход светится едва
из беличьего колеса
как ждать осталось тяжелей
тебе плацкартная душа
пока взовьется водолей
окатит смертью из ковша
нас кто стояли на лугу
с тобой и я тебя люблю

замок

радуйся кто останется на земле завтра
ты будешь человек когда мы уже книги
эти древние стеной на брустверы замка
шедшие пали и скоро пора за ними
но доколе в ящике не лежит повестка
оживают внутри каждому подберу рамку
или уже лежит но до одного места
какой они придумают штраф за неявку

вот володя власенко весь лыс брови русы
встретились бы недавно да не легла карта
вечное алиби нож от безумной музы
весь в мозгу потому что ни одного кадра
вот люба якушева жила не успела
разлука битком как телефонная книжка
здесь на юзерпике словно в жж слева
неужели я неправда ошибка вышла

незабвенных не сыскать а я вполне вот он
живее всех кто свое отсуществовали
жизнь блудит и нерестится отдает потом
велик интернет но всем отступать в реале
радуйся день что живых застигнешь снаружи
радуйся ночь что предшествуешь блеску солнца
над замком куда не вхожи павшие души
вот и наша шеренга слабеет и гнется

но глядя на смерть видишь она и есть замок
а не то что нам полуразгромленным мнится
эти резные двери и тишина в залах
шпалеры на стенах и охрой в рамах лица
значит реальна крепость и древними взята
но поди проверь лично пока не дашь дуба
войдешь а там сидят на пиру всегда завтра
агафон эриксимах федр володя люба

* * *

пересеки насквозь ноябрьский город
он чуть мерещится своим пешеходам
и существует из последних птиц

раньше была уловка зайти на почтамт
чьи медленные открытки дарили средство
пенять на погоду или правительство
то есть не правительство а здоровье
электричество покончило с этим жанром
бледным старушкам в окнах не дождаться
дождь которому не предписали конца

если долго идти в одну сторону
обостряется риск проснуться
медведь который не помнит
спал ли он прошлую зиму
потому что все было одинаково
и откуда ему нечеловеку знать
тот ли он медведь который засыпал
или совершенно другой
если долго идти в ноябре стремясь
но никуда не нужно к сроку
забываешь который ты медведь
и потом приходится спрашивать
с обратной стороны двери

никакого обоняния в помине и раньше
но можно влажный воздух на вкус
(а ты пробовал камни изнутри)
осенью остается мало молекул
и расстояниям так грустно между ними
электроны состоят в электронной переписке

мы обрели право бояться поодиночке
но страшно нам все-таки вместе
голубям и воронам и они так громко
воробьи на своих одноразовых крыльях
кротко умирают не успевая испугаться

осенью потупишься и усомнишься
стоит ли существовать вечно
потому что как потом переиграть
если не понравится

* * *

в наползающей толщине так пасмурно глазу
так чахоточно телу точно не жил ни разу
но язык не сдается в нем синтаксис как свинец
все предметы слова артикулируй с опаской
тютчев дурак на заборе акриловой краской
только то что сказуемо правда мысли нет

сладко пел бетховен но слух под вопросом
никакой бладхаунд звезды не вычислит носом
присягнут гомер или мильтон зрение врет
к альвеолам с неба шероховат и матов
мир сотворен из субъектов и предикатов
когда его говоришь разеваешь рот

горький город и мрак нетопыриный совий
пробеги контракт из голых слов и условий
рецидив акцента в отдельно взятой стране
денотаты наречий черны и в пазах косятся
здесь мели без умолку если жаль оказаться
без одежды и денег на жестяном столе

существуй наизнанку берегись недомолвки
в полный голос иначе слова голодны как волки
с головнями глаз даже бельма сведет слюна
чтобы мир уцелел и в подол интерфейс не падал
можно только любовью как пел коринфянам павел
потому что рассудок зряч а любовь слепа

* * *

я провел вместо бродского семь лет в вольере
носил вериги но оступился в вере
семенил в колесе семья-работа
рвался к финишной положив на старость
по капле выдавливал из себя идиота
exegi monumentum чему осталось
на ничьей полосе половинкой в сумрак
цикл посущественней чем смена суток

вкусил экскурсантом на сан-микеле
дружбы в граните с кем не смог в теле
скоро буду рад и такой встрече
разница слаба эпигон или гений
где от нас остается часть речи
но уже никакое из местоимений
возложил к подножию сто лир и muratti
память праху о предстоящем брате

слева в сумраке совсем как покойник
стартовал с ямба пересел на дольник
различаю на слух где чехи где словаки
был у китса в риме у лесьмяна в польше
здесь верны только женщины и собаки
я любил обеих но кошек больше
у кого над островом крыша в звездах
врос загробно в адриатический воздух

после бродского как и после бога
остается воздух и это много

* * *

он просыпается и явь светла
высокий воздух соткан из стекла
там тонны вещества пространства мили
он мал еще и ходит под себя
но существо каким другие были

за дверью сад собака и трава
пора вступать в наследные права
так ярок мир в подарок без задатка
жизнь наяву огромная страна
вот только где он раньше был загадка

покуда день и явь насквозь видна
скорей давать предметам имена
все совпадает и в ответ смеется
окликнешь птицу лебедь и она
так лебедем с тех пор и остается

налево пруд направо вырос лес
в кадушку месяц прыгает с небес
и звездных капель тверди вспять не выпить
не жаль всей жажды с голодом и без
за дар любить и все что любишь видеть

в ночь рождества до первого луча
зачем он плачет ножками суча
в хлеву где время долгими слоями
что в вечности мигнувшей как свеча
предшествовало нашей общей яви

на время радость миру и родне
открыть глаза в неведомой стране
мы так за ним светлее жить отважны
что существуем тверже и втройне
когда он просыпается однажды

он был нигде покуда спал без нас
там птицы падали и месяц гас
неразличимо расплывались лица
но в вечности что в следующий раз
отныне явь ушедшим станет сниться

* * *

замерим радиационный фон
здесь кислорода в атмосфере прорва
температурных девиаций нет
вся диаграмма плоская вполне
и сейсмика в устойчивом затишье
а вот сигналы посылает зонд
азот и це-о-два в пределах нормы
возможна жизнь и вот она уже
но эти с астероид габаритом
не увернутся и пойдут на слом
вот разве серенький в кустах бочком
не бог весть что но тоже кандидат
ушами врозь на правом мониторе
там тушка под листвой добавьте яркость
уебище но где альтернатива
позвольте мне спасибо капитан

коль серенький пересидел в мимозах
свидетельствую честно как в кино
жизнь упоительна в смертельных дозах
другой не пробовал никто

в ночных найденышах к моменту факта
я был пробел природы и укор
когда пришли и сделали укол
шуршать в траве и приобщаться как-то
так совестно что аж болит внутри
где россыпью нейроны догорая
чтобы с трудом завязаны шнурки
ступню вперед но вспомнить где вторая
смысл всей ходьбы пусть это только шанс
запарка в кузницах страда на пашнях
мы гулко в космосе парящий шар
и никого нигде из тех тогдашних
всем приспособить ум не по летам
но все-таки спасибо капитан

* * *

подступает отвага
от стакана в руке
почему мы однако
не такие как все

на дворе непорядок
и в башке без вождя
где любовь не подарок
тем нежнее вражда

вместе в пажеский корпус
после порознь в тобольск
каждой розге покорность
с кровью всосана в мозг

но насупим сурово
если стяги побед
или в доску серега
или в землю ахмед

этой генной пружине
из родительской тьмы
ненавистны чужие
не такие как мы

запугаем погоней
опознаем в лицо
а ушел так полоний
двести десять и все

* * *

погоди придет пора
чем судьба не шутит
будет полон дом добра
но ума не будет

будет в детской визг и шум
рубль к копейке ляжет
а вот если нужен ум
он-то и не нажит

солнце есть и есть луна
косточки в скелете
но похоже что ума
просто нет на свете

вожаки ведут без глаз
по пустыне стаю
но в отличие от вас
я об этом знаю

потому что я умен
или что-то вроде
раз тому других имен
не сыскать в народе

жалко в доме нет добра
и в кармане тонко
потому что жизнь добра
к дуракам и только

* * *

кормчий чьи кошки серы а бурки сивы
зодчий вселенной качеством жиже средней
голову выдал такой стенобитной силы
что прошибет любую кроме последней

кость черепная свербит очевидно скоро
ночь ниспадает когда эти бурки серы
так учредил зачинщик всего разговора
дискурса то есть в котором сегодня все мы

вот на безмозглый подвиг ползком до света
звезды в параше узники в храп по нарам
разве всерьез устоит последняя эта
если с разгона и брать боковым тараном

лоб голове наголо поднимая ставку
серую кошку с дороги сивую бурку
если в конце разбегусь по бетону всмятку
мне подниматься но до пизды демиургу

слаб капитан который не в дискурсе роты
сладко гордыне где напослед воспарила
заподлицо со следами соплей и рвоты
раз от последней мысли нет аспирина

* * *

природа пригорода ночью
вся обморок и детский страх
сквозь дым и трескотню сорочью
является в последних снах
резвы условные младенцы
в лесах от клязьмы до невы
где нынче дачные владельцы
подчас фактически не мы

давно не в должности ребенка
влюблен однажды или пьян
все кажется что шел недолго
от прежних елей и полян
все под гору валун тантала
в тот ископаемый июнь
где пел гандлевский вполталанта
покуда весел был и юн

из городов где вдруг умолкли
проснуться или умереть
в ландшафт как левитан у волги
в лесу кондитерский медведь
когда в ольшанике увязли
в палатке дуло и текло
но за чертой советской власти
ей были путники никто
лишь помню что везде погода
на водку редкие рубли
огромный дождь в конце похода
как шумный обморок внутри

* * *

помнишь людей суету голоса города
в том-то и дело что не было их никогда

если фантазии дать разыграться лютей
в женщин поверить недолго и даже в детей

в птиц в поднебесье в саванне слонов и слоних
только вот не было не было не было их

вместо предметов наивная вера в слова
нет никогда не четыре нигде дважды два

так рассуждая о жизни на мнимой земле
можно забредить всерьез о добре или зле

тут бы воды с полведра и котомку камней
тьма постепенно всегда но сегодня темней

* * *

ане цветковой

погост на сумму человекомест
раскинется всей матрицей штампуя
в пейзаже мозга если кто не ест
вприкуску мыла тот не пьет шампуня

атласные расправив берега
скелет старается пусть некрасиво
отсюда ненависть невелика
но стольких от любви перекосило

зажгу свечу и наловчусь ходить
когда горит погода не преграда
сюда успел кому хотелось быть
а кто не стал того сюда не надо

в шарниры эти веточки воткну
глаза и члены в человечке голом
он весел и свеча горит во рту
сплетенья ног вздымая к альвеолам

мы инвалиды счастья иногда
невыносима подлинная милость
снег выпадет а небо не беда
и лучше жить пока не обвалилось

рождественская ода

как нас мало в природе чем свет сосчитал и сбился
в большинстве своем кворум из мрамора или гипса
а какие остались что в бостоне что в москве
кто в приюте для странников духа кто с круга спился
собирайтесь с аэродромов по мере списка
вот проснешься и думаешь где вы сегодня все

состоимся и сверим что мы кому простили
на коре зарубки круги на древесном спиле
только день в году для кого эта ночь темна
а потом как в лувре друг другу в лицо полотна
потому что раз рождены то бесповоротно
нежные словно из звездной пыли тела

это хвойное небо под ним пастушки коровки
всех хвостатых и без бегом достаем из коробки
старичок с топориком ослик и вся семья
с колыбели как мы добыча клинка и приклада
как умел любил и не ведал что бог неправда
мы убили его и живем на земле всегда

даже веру в фантом за такую любовь заочно
мы прощаем ему то есть я совершенно точно
как обязан прощать а другие поди пойми
вот у люльки кружком в канители в крашеной стружке
человечки-венички плюшевые игрушки
да сияет сегодня всем звезда из фольги

в этом сонме зверей рождество твое христе боже
так понятно живым и с судьбой человека схоже
соберемся по списку когда истекает год
заливает время запруды свои и гати
и две тысячи лет нам шлет дитя на осляти
если бога и нет нигде то дитя-то вот

скоро снова к столу простите что потревожу
я ведь сам пишу как привык то есть снявши кожу
лоскуты лица развесив перед собой
те кого уместил в вертеп в еловую нишу
это вы и есть а то что я вас не вижу
не толкуйте опрометью что лирник слепой

праздник прав а не святочный бог когда-то
наши дети в яслях и гусеницы и котята
минус мрамор и гипс но в барыше любовь
у истока вселенной подсмотрев это слово
я с тех пор как двинутый снова о ней и снова
и не стихну пока язык не ободран в кровь

* * *

вот на каком остановлюсь моменте
людей негоже муровать в цементе
как поступает мафия в кино
чем зря лежать без памяти в могиле
они бы лучше в магазин сходили
купить крупы и водки полкило

добро что в жизни все не так жестоки
кромсать друг другу жизненные сроки
а злобные дотерпят до весны
в сезон любви они такие душки
друг другу лысые ласкают тушки
пусть существуют чем они вредны

вот дед мороз прижал в углу снегурку
сюжет знаком и эллину и турку
хоть визг но жертву разбирает смех
пойдем забудемся всеобщим вальсом
и если кто плеснул себе авансом
то с новым годом с новым счастьем всех

* * *

белке браун

раз по ноздри земля в конфетти
на замбези буран и на каме
погляди на нее поверти
к незакатному свету боками

в эту полночь у вечной реки
где внизу перевоз по оболу
новый год мы твои дураки
промедлению рады любому

соберемся без слез и стыда
любоваться как пляшет планета
потому что надежда всегда
а убогому ум не помеха

если жала судьба лишена
и часов не оплавлены лица
словно крохотный квант тишина
в ожиданье прыжка серебрится

к переправе взовьется цена
но пока в этом цикле коротком
все в порядке цепочка цела
и скрипит колесо над колодцем

светит с елки всевидящий глаз
в лапках ангелов луки тугие
разве жив я без них и без вас
дураки вы мои дорогие

* * *

я последняя лампа у тебя на столе
где горю и горюю светили но дальше не с кем
или все-таки я подобен седой сове
толстой тьмы ломоть рассекая крылом нерезким
электромотор или робот или там кто
в залпе зрения среди вязких атомов мрака
вообразить трехмерность если темно
метра два от силы в сланце убого мало
когда бы не трещина в веке куда проник
газ сознания световой родник

я весь блеск при котором пишешь а потом
тишина уменьшается до размера
кванта стерлингов монета в один фотон
незаметна совиному глазу и неразменна
на перевоз если не переплатишь врачу
сам внутри собеседник но он непечатен
отчего я перед тобой на столе молчу
но пока не трогай мой выключатель
это тени аверна раскосы до потолка
дай посвечу пока

обесточив мозг крыло не вырулит прямо
если слов сонару не уловить
только суть в сетчатке только нить
только спираль вольфрама

* * *

скоро кровь не протиснется к дверце
где бы в оба привратник глядел
потому что в титановом сердце
прежней глины желтеет надел

к неизбежному душу охотя
в балахоне лицо пеленой
дескать здравствуйте я ваша тетя
при часах и косе именной

нам такая спасибо не снилась
вот бы выпасть из списка тайком
погоди где была сделай милость
ненаглядная тетя с клинком

если смерть не короче недели
говорят привыкаешь легко
только б дети туда не глядели
объяснить что снимают кино

что муляж эта глина и пена
и актер кто над берегом гол
где холодная кровь постепенно
теребит металлический мол

* * *

из шести колков едва на одном
голый город дрожит отраженьем в луже
редко прежний голос из уст огнем
но гортань перетягивает все туже
не забыть из отверстий который рот
только выпи вслух только шельмы-злюки
далеко ли еще до берега вброд
исторгая звуки

было связки слагаются в нужный крик
но в фальцет срываются на повторном
это значит что ли что долг велик
или моцарт загробный велит валторнам
перестать словно паузой ветер горд
рыбий шум в камыше если тень укора
но который город который год
разве нет другого

не до прежних мозгу теперь проказ
с архитрава глумится безглазый демон
приумолк в чьих перстах инструмент погас
просто настежь рот если знаешь где он
ложь любовь раз ежикам тяжела
мент с фонариком верящий каждой ксиве
долго думал голос но тишина
остается в силе

пазолини

ты вспомни как соседу позвонили
уже и с пляжа топала толпа
что ночью был зарезан пазолини
мы зимовали в остии тогда
увы нам в этом не было урока
бидон фраскати лучший люминал
бездельникам и спали до упора
а он буквально рядом умирал
народ наутро сплетничал у почты
без стукачей для навлеченья порчи
день как волна то шел вперед то вспять
за песней пиний солнечной и вязкой
жизнь предстояла терпеливой сказкой
не торопясь однако наступать

все бывшее теперь в оплывшем воске
или как павлу в пелене стекла
на поезд до piramide а после
был снова рим он возникал всегда
смерть невозможна на чужом примере
где труп времен едва прикрыт травой
и марк аврелий конный на пленере
стоял еще не взятый под конвой
в последней юности нагой и нищей
как прыгают за подоспевшей пищей
с ноябрьских молов юркие нырки
там было сладко созерцать ликуя
две дюжины столетий с яникула
с марсалой предварительной внутри

так жили мы когда лежало тело
стремясь ничком в объятия луны
потом они опять открыли дело
вообразив что дело не в любви
история перебирает ветошь
напялив проволочные очки
но жизнь прошла и вот уже не веришь
ни в эту смерть ни в эту жизнь почти
прошла и ничему не научила
но остается точная причина

существовать и лишь она не ложь
а жертвоприношенье на рассвете
l'amor che move il sole e l'altre stelle
и нержавеющий на пляже нож

стансы

оскал цицерона на блюде
с кинжалом на цезаря брут
кругом интересные люди
но все постепенно умрут

а впрочем и то оговорка
покойники все как один
рожденный как божья коровка
недолго живет невредим

в итоге все явное тайно
утраты куда ни взгляну
мисима вонзающий танто
и шелли идущий ко дну

вот женщины ярче колибри
с пленительной тайной внутри
но все до единой погибли
склодовская скажем кюри

и вера холодная даже
ее здесь практически нет
чуть скажешь приятное даме
а та моментально скелет

так быстро мелькают на свете
колибри и даже орлы
что скоро на целой планете
рискуем остаться одни

пусть звездочка звездочку любит
что где-то в плеядах мила
а цезаря больше не будет
и даже возможно меня

травиата

с вильясоном на сцене нетребко
обжимается с виду некрепко
но доступно для зрительских чувств
световой из-под купола конус
и ложится на музыку голос
к вящей пользе обоих искусств

молодцы вы роландо и анна
браво форте и браво пиано
и дуэтом и врозь ничего
симпатичная в сущности пара
легкомыслие репертуара
вот что мне омрачает чело

не вставляет мне музыка верди
не о жизни она не о смерти
слишком бойко и больно легко
блеют медные сноповязалки
воспевая судьбу куртизанки
золотое сердечко ее

трень да брень это ж тьфу оперетта
лучше б шкипер за цену билета
вам электру пропеть приказал
не беда что она по-немецки
вот где страсти бурлят не по-детски
и кровища аж плещется в зал

или спела бы ты саломею
от которой я просто немею
леденеют на рампе огни
голова там с отрезанным низом
а как пляски пойдут со стриптизом
тут ваш верди вообще отдохни

эти оперы да трудноваты
проще ставить одни травиаты
с троваторе но лучше б кольца
все четыре за раз сериала
чтобы музыка нам просияла
и спасибу не будет конца

лев и собачка

i
все жерлу обречено
только пень в лесу не знает
не бывает ничего
или быстро исчезает

наступает день сурка
ум на пошлости не жаден
наша общая судьба
как описывал державин

время скучный кабинет
для такой короткой встречи
где не только света нет
но и тьма фигура речи

сон обещанный себе
укрощать в пещере тени
выключатель на стене
жалко пробки полетели

ii
производная функции хуже чем дважды два
а живая собака лучше мертвого льва
но не блещет даже в сонме окрестных сук
в судный час божеству ни апорт ни стойку
вот за это свыше нам посыпают суп
то селитрой то бертолетовой солью

на безлюдном пиру миров где на блюде лев
водружен коль выбыл из списка львов околев
в этой шкуре точка на графике каждый труп
лишь от прежних живых на бегу приветик
невозможной алгебре и теории групп
предпочтителей простых арифметик

намалеван под куполом ангел и знай трубит
дискотека для тех кто от насморка или убит
всю параболу отмотали насмерть
но не грянет ни львиный рык ни собачий визг

у предела дельта игрек на дельта икс
жизнь шипит и гаснет

iii
там где возлягут щука лебедь рак
атос портос и золотая рыбка
я тоже рад что никому не враг
и не таскал себе котлеты с рынка

пускай другие с ребрышком во рту
не буйвол им не волк и не лиса я
мы раньше всех закончили войну
и возлегли как прорицал исайя

простимся здесь со спесью и стыдом
сейчас сыграет лунная соната
все возвращаются в свой вечный дом
где безразлично лев или собака

* * *

стал он звать золотую рыбку
голосом молвит человечьим
хочет в бабы секретаршу ритку
и за декабрь ипотеку тоже нечем
приплыла к нему рыбка спросила
записала в блокнот и все забыла
ни чтоб здрасьте ему ни он спасибо
чайка подписью под досье залива
что еще скажешь синему морю
плесни в стакан чем помочь горю

эти рыбки и вся морская закуска
сочинение без совести и чести
жизнь как мессинский пролив где узко
там и нет прохода утони на месте
что ни утро ни дома нигде ни ритки
пушкин на ветвях кот ученый в мыле
так и тянет к прибору типа бритвы
кота наголо и себе опочить в мире
прах любое богатство грош вся гордость
детство кончится и ничего не будет
в синем море лишь человеческий голос
без человека кричит оторванный бурей
умирает чайка голову в перья прячет
голос чуть помолчит и опять плачет

птицы

i
струится город на ветру
песок в подол астрее
сезон по птицам наверху
нам тосковать острее

они сквозь облако толпой
где солнце и стожары
а мы с тобой а мы с тобой
всегда внизу стояли

одним в зенит зато другим
за слизнями в крапиве
зачем так сильно их любил
придумавший такими

порядок слов паренье птах
где тонко там и двойка
как ветрено на двух крылах
и погибать не горько

кому весь космос невысок
не удержать руками
а здесь посеяли песок
и пожинаем камни

стрижам и ласточкам смешны
как детям взлет котенка
всей тяжкой совести мешки
всего ума котомка

ii
багровый в небе колорит
от пепла или пыли
там птица птице говорит
ты помнишь люди были

они сначала малыши
потом часы сверяли
и часто были хороши
когда не в нас стреляли

внизу слепили города
работы и квартиры
совсем живые иногда
как рыбы или тигры

пускай не эти и не те
но ползали похоже
зачем их больше нет нигде
и нас не будет тоже

* * *

безмолвие кругом на километры
тьма поднимается за милей миля
я не увижу знаменитой федры
и с полки не возьму войны и мира

не стану праздно предаваться блуду
с утра в ларек не отнесу посуду
связали в сноп и дальше жить не буду
такая тишина теперь повсюду

так жаждал пить но пересохло в луже
дерзал дышать но по-другому вышло
теперь сбылось и так темно снаружи
терпения что ничего не слышно

здесь каждый жест одаривая встречно
сирот и вдов не обносил я водкой
вот только почему похмелье вечно
а выпивка была такой короткой

на выселках статистики семейной
заботой звезд отглажена пижамка
где собирают вещество вселенной
для новых нужд и вот уже не жалко

пусть это будут солнечные пятна
в речной воде и цвет июньской липы
хоть что-нибудь получится и ладно
из темной копоти из долгой глины

* * *

и еще напоследок пока не украли луну
а короткое солнышко льдом не затянуто в луже
кто из древних соврал что положено жить по уму
нематоды никто а у них получилось не хуже

этим бабкам за прялкой сподручнее резать чем вить
вот микроб в окуляре кто парень пойми кто девица
оставаться микробом тогда или вовсе не быть
умирать насовсем или только на части делиться

к заповедным микроб добеги рубежам бытия
где права человека на равных слону и полевке
и которых там встретишь представься что ты это я
без бутылки не больно они разберутся в подлоге

хорошо рассуждать если в кепке нашлась голова
с молотилкой в пазу куда мигом жан-поль сигарету
а попроще чем мы у которых ума малова-
то и дело живут и юдоль не злословили эту

если думать всерьез то не дольше чем лет до семи
как в пеленки пи-пи и другие поступки в кровати
потому что и глупые ровня раз все спасены
а не все так назад и делиться на части давайте

ткачиха

я говорит навек жена того улисса
который пропал а не который вернулся
двадцать лет отстояла на полоске пирса
двадцать лет ткала саван до пробелов пульса
тот которого к дверям привела афина
найденыш а не потеря не по нем плачу
пусть кормилицу провел поймал в капкан сына
я всю драхму платила не обол на сдачу
шрам кабаний похож так печаль всем известна
никому не вдова твоя невеста море
двадцать лет как щеколда щелк а все ни с места
лучше буду еще двадцать горевать горе
снова саван растяну в тени у платана
ой улисс мой ненаглядный ой дана-дана

а который пропал он тоже не вся правда
то есть правда но спит на солнцепеке самом
жарко и видит во сне родная ограда
дом и под платаном сидит жена ткет саван
как отбыл так с тех пор не миновало лето
гудят шмели вспыхивает на солнце спица
только невдомек видит ли во сне все это
или вечной ткачихе сам отсюда снится
такой расклад по сердцу за шаг до калитки
прекратило течь время дремли и не кашляй
нимфа ли калипсо девки ли феакийки
проснешься жизнь обнажена и должен каждой
стайка в тонких хитонах лиры у фонтана
ой ты редкий гость заморский ой дана-дана

в этом сне своем чужом ли видит внезапно
подвиги старца с луком в нищенском прикиде
жена замужем уж не наступит ни завтра
ни послезавтра и спящий на сон в обиде
или та кому он сам приснился за женским
рукодельем под деревом жене ведь тоже
что привиделось насмешкой и лживым жестом
вышло явью но другие вдвоем на ложе
тряпка с лучницей-девой в чужих пятнах пота
долго плывешь морем потом топаешь полем
снишься друг другу пока существует кто-то
а саван готов наконец впору обоим

сон навсегда а явь соткана из обмана
ой люли-люли разлука ой дана-дана

касатка

амстердам объявлено на посадку
пассажиры следующие летя
прижимая плюшевого кита-касатку
чье-то в очереди наугад дитя
пилигрим с виагрой и другие люди
дама с йориком бизнес-класс ути-ути
чьи-то челюсти развело в зевке
сладко спать пока нас нет на земле

лишь один не спит все думает думу
потому что как бог полагает дуну
и не станет обыскивали но пронес
с ним багаж муляж не нужна и даром
вся внизу земля с ее амстердамом
он маневру в другие пределы рад
заслужить у тебя блаженство боже
ибо держит курс на небесный град
где халвы невозбранно и пальмы в тепле
точка точка точка тире тире тире
точка точка точка но так не сигналят больше

напоследок взять провести по шторам
обреченной на рыбий корм рукой
попенять неведомому за что нам
эта доля и никакой другой
невиновно небо и туч не мучай
где за нас лишь плюшевый кит летучий
чтобы солнце бусины глаз зажгло
и собачка рядом веером лапок
бедный йорик аж бантик сбился набок
может кто-нибудь спросит ее за что

но под пальмами неисчислимы дни
где гранатовый сок попивают они
и полдюжины дюжин дают без слова
у которых поверишь сколько ни ткни
зарастает снова

* * *

хлеб в лужи чтобы отраженья птиц
не погибали с голоду в безглазье
и жальче всех того кто никогда
сюда не просочился я никто
сказал в забытой сказке но соврал

я тот никто который никогда
вернее тот кому когда и есть
любое никогда кто не подпал
соблазну прилагательных и качеств
и про кого никто не скажет он

про этих птиц которых тоже нет
в том смысле что они верны в пределах
воды а берега растождествляют
они неправда если их не видно
мне нечего сказать про этих птиц

так сколько же не прожито любви
из-за того что некому и если
в зеркальный круг прорвешься расскажи
живым как мы утомлены полетом
за край воды и хлеба нет нигде

* * *

быть пять минут или не быть вообще
таков вопрос на выбор три ответа
один пометить птичкой пеликаном
и зайчиком и ежиком любым
быть зайчиком допустим но тогда
грозит жаркое или быстро бегать
быть ежиком и больно уколоть
сто лет уколотая проспала
пока случайный шоколадный зайчик
не углядел ее в гробу и спас

я жив еще но слишком часто сплю
какие сны в том частом сне приснятся
или пытаться спать гораздо реже
а сны смотреть отныне наяву
как кальдерон допустим де ла барка
любимая уколотая спи

или стараться быть наполовину
задумчиво уйдя в полусебя
полунебыть как виртуальный кварк
но там поди пращи и стрелы свищут
как уцелеть под натиском баллист
когда внутри хрустальной табакерки
игриво грудь полуприкрыв кудрями
так часто спишь что некому проснуться
эй кто-нибудь целуйте наконец

метаморфозы

нагоняет нимфу в пойме нездешний разум
вернее вражья похоть в шею дышит мощно
ни в кино ни стекляшки дарить не обязан
потому что он бессмертный бог ему можно
пискнуть поперек не посмей оглох к отказу
всю оглоблю между ног и ничего кроме
где неловкую изловил завалит сразу
обрюхатит пусть сучит копытце в утробе
подбегает нимфа к берегу плачет в голос
ой девки-русалки подводные подруги
чахнет девичья честь прахом по ветру гордость
прячьте пока не смял берите на поруки
на обидчика глаза из-под воды косо
скорей свои на резкость если не ослепли
вот становится нимфа тростником у плеса
где грудь белела и бедра полые стебли
согласно описи атом на каждый атом
вяжи зазнобу в снопы раз хотел до загса
тут философ паскаль возьми окажись рядом
бился бы об заклад да вот не оказался
взад-вперед время у свирели вкус соленый
шуршит камыш по-над речкой шумит зеленый

тихо свистит свирель не уловить ни слова
гнутся горы под железными городами
города вязнут в земле их возводят снова
сперва в достатке потом долго голодали
одни падали другие жили все реже
черный снег мертвым елям отрывает лапы
под багровым куполом а слова все те же
слишком быстро убегала лучше дала бы
чтобы умирать и обратно не рождаться
чего лучше не видеть того не дождаться

* * *

перед тем как с темной горы спускаться
надо всем откликнуться отыскаться
в одиночку ноша не по плечу
чтоб не ткнулись в проволоку под током
посигналю в ночь сигаретным оком
зажигалкой газовой посвечу

долго мы ходили куда хотели
кипарисы стаями асфодели
это прежним камешки или нам
с язычками газа все ярче в свите
ах неузнаваемые простите
если всех не вспомню по именам

здесь гора на том берегу вторая
звездный газ горит в руке не сгорая
высоко над пристанью подниму
покидая сушу огня не брошу
где написано оставляйте ношу
там вода а дальше по одному

* * *

загрустив от нагрянувшей вечности
где по кельвину ноль холода
возражают другие конечности
что как рыба молчит голова

вот и лапки откинула с голоду
в полубоксе последняя вошь
вопрошают конечности голову
почему ты с утра не поешь

голова отвечает угрюмая
что ей петь совершенно нельзя
лучше молча о вечности думая
да и вы не пляшите друзья

* * *

на полпути в степях кибенистана
аж миражи вполнеба как в кино
мне чудо невозможное предстало
но выпало из головы оно

вернуть назад песчаные ухабы
мозоли от рюкзачного ремня
какое диво я вскричал тогда бы
какое блин вы спросите меня

но памятью оставлен я в покое
хоть все болты на раме подкрути
не допереть что собственно такое
предстало мне на этом полпути

с тех пор пройдя любые полдороги
в сортир и то протаптывая путь
я умственные подвожу итоги
стою как столб и жду чего-нибудь

как бы пилон электропередачи
из мозга праздную изгнав возню
стою духовно сам себя богаче
но чем не знаю и не объясню

* * *

чтобы в живых не скучать организму
раз развивается он из земли
изобрели балалайку и клизму
спицы вязальные изобрели
для малышей и преклонных старушек
много придумали разных игрушек
выколешь спицей младенцу глаза
вставить обратно как были нельзя

а вот допустим у лилий и птичек
кроме семейных забот по весне
нету к стяжательству вредных привычек
и беззаботно порхают везде
мышка в подполье поест и приляжет
клизмы не ставит и пряжи не вяжет
весело смотрит на всех из щелей
вот и младенец у мышки целей

наши добром обагренные норы
многим животным до колик смешны
даже в гробах бытовые приборы
орден на шее на чреслах штаны
чем бесполезно чеканить в металле
лучше бы чаще цвели и летали
чтобы от пользы подобных шагов
дети с улыбкой росли без штанов

* * *

на уроке терпения в пятом классе
соколова сидела поближе к васе
чтобы вырасти быстро и не скучать
на линейке жемчужина всей дружины
но не ближе чем те что остались живы
скоро в загс да в печальной графе печать

этот вася почти эпический образ
у доски по алгебре вечный тормоз
постепенно в горкоме влксм
к выпускному они расписались с таней
но гражданских перечень состояний
невелик и последнее светит всем

я терпение выучил на пятерку
заграничную в срок получил путевку
ради прожитой жизни не жалко двух
но лет в двадцать раз возникает снова
пятый б любовь моя соколова
запорожье и детский немытый дух

там размолвка вышла вернее развилка
у него была на меня дразнилка
забежал вперед а то бы узнал
мы терпели долго но перестали
и старик перевозчик пометив крестами
закрывает за нами классный журнал

он

он не был в этом розвелле ни разу
зеленые личины ни к чему
а прилетел неразличимо глазу
неведомо вниманью ничьему
не существо а силовая область
сгуститься в нужной дате и версте
здесь приземленье лишь неловкий образ
зачем летать тому кто есть везде
условлено что запускали в паре
и приземлиться в неприметном баре
с автографом бейб рут в тени гардин
на сорок третьей но пришел один
он там сидит в притворстве полупьяном
на личность человек немолодой
но голова работает над планом
вернее план владеет головой
пока напарник сочетает кванты
чтоб незаметно у стола возник
в его мозгу хронометры и карты
которых здесь не выразит язык
а розвелл был затеян для забавы
как в парке лабиринты и завалы
бросок с оглядкой в сторону для псов
среди пустынь ненужных и лесов
конец судьбе и в дырах вся природа
когда к дверям припустит напрямик
лишь мельком в тусклом зеркале у входа
мое лицо но я уже привык

* * *

или тот кому сперва писала
в сумерки пленительный ходок
быстрая под липами присяга
стиснутого сердца холодок

все равно не тот с которым годы
крестиком робеет карандаш
или в зеркало с укором кто ты
что билет другому не отдашь

крестиком и есть на память вышит
защемило ниточку беда
не печалься кто-нибудь напишет
даже лучше правду чем была

потому что правда не похожа
на кривое что произошло
сорок лет не ладилась погода
а пришла расплата ни за что

суженый заворожит все ту же
к легкому подговорит греху
отовсюду выглядит не хуже
бархат в ртутных шариках вверху

молча льстить благодарить безустно
признаваться честно и всегда
тишина где исчезать не грустно
раз она роднее чем семья

здесь созвездий во весь мозг разверстка
не печалься дольше и умри
больно ли что сердце без наперстка
все иглой исколото внутри

* * *

поскольку спит всего один из нас
никто другой не закрывает глаз

или не он а кто-нибудь она
но это не меняет сути сна

сюжет же в том что все по одному
мы не живем а кажемся ему

не мы с тобой а он несет ответ
за каждый возникающий предмет

и спит не вспять а временем вперед
чтоб не случалось все наоборот

пусть явь не омрачит ему чела
чтоб завтра солнце встало как вчера

неутомим в сновидческом труде
я знаю кто и даже видел где

как древний гнев у времени в груди
живи вполголоса не разбуди

* * *

смотри как жизнь придумана хитро
нас в телевизор видимо поймали
космическое в звездочку нутро
и семьдесят до пенсии в кармане

вот девушки продеты в сарафан
разнузданной фантазии услуга
но бороздит моря левиафан
устроенный для нашего испуга

луга любви в распахнутой двери
там соловьи чтоб чувство не дремало
кругом добро и кажется бери
здесь все твое но денег очень мало

хоть юности диета не указ
на финишной катетер или клизма
так витгенштейн старался но увяз
в песках логического атомизма

вся полнота протянутых горстей
в зубах травинка в головах березка
тем обольстительнее чем пустей
текущий счет откуда все берется

промешкаешь и в экстерьере брешь
а дальше тело завтраку не радо
и говоришь приказчику отрежь
на семьдесят а в долг уже не надо

цыганские напевы

слепой скрипач у перехода
в очках из черного стекла
пока смеркается природа
пытает музыку всегда
как по мозгам щербатый ноготь
бедой гармонии грозя
за эту технику должно быть
ему и вынули глаза

но если пламя черных впадин
блестит из мстительных глубин
прицел смычка его понятен
я слишком музыку любил
кругом торговые палатки
еще отнюдь не берег вод
но не укрыться от догадки
куда проложен переход

он в пиджаке своем грошовом
срезает грифом фонари
всю кожу щупая ожогом
сжимая жизнь мою внутри
когда слабей и ниже ростом
навстречу участи возник
с пустой толпой перед помостом
где нищий музыку казнит

романс

когда прижмет апрель и все свои березы
найдет наперечет в больничной наготе
зачем они дрожат как облако белесы
наворожив весны а мы уже нигде

венчать повадится и уточнять своя ли
судьба сподобила да сослепу окно
крестом на пустоту где мы тогда стояли
наверное не мы но месту все равно

описка сетовать что обнимались мало
китайский отсвистал в осоке соловей
сквозь прорезь в воздухе там след от талисмана
где систола росла с диастолой своей

апрель себе варяг и всей весне никто мы
щелчком последний взгляд погаснет из окна
рассветы нипочем раз дни уже фантомы
березе все равно что дерево она

из многоствольных рощ где жизнь уже не метод
однажды обнажить до самых жил и в путь
ах не ищи меня ни в прошлый раз ни в этот
прощай всегда и больше никогда не будь

* * *

мгновенно вернулся но вдруг никого не узнал
не люди никто а со стен типовые портреты
чьи черные вещи растерянно жмутся к узлам
пространства в которое годы премудро продеты

внезапно не стало и так продолжается быть
сидят безымянно где блюдо съедают совместно
кто быстро доест наконец принимается пить
но взгляд одинаково пуст а в душе неизвестно

ведь это же кто среди всех деревянно стою
над кашей впригиб чтобы глубже полощется хобот
и кажется движется время подобно слону
животное тоже под встречный невидимый топот

которым в дорогу неловких вещей не собрать
на ощупь целы да с собой никуда не годятся
все в свернутой лимфе пространство куда умирать
не только что страшно но даже боишься бояться

но в рыжее зеркало в зыбь с побережья борща
офелией сливочной бряк в соблюдение часа
кончины тем временем тихо едим сообща
как будто и не был зачем же вообще отлучался

сатурнов круги озирая и разных венер
оскалиться зевом беззубо где месть не опасна
всем воплем тому возражая который велел
чье слово напалмом во рту но и ярость напрасна

* * *

зря изумрудна трава и воздух янтарен
нет никому не буду впредь благодарен
коротко счастье но раз достается даром
медленно через пески с тюками тугими
будет и нам во дворе караван с товаром
станем до зорь пировать со всеми другими

полно впадать в младенчество или древность
нет никого кто дарил бы в обмен на верность
и без того по жабры в каждом богатства
жертвенник в фортку теперь существуем сами
жить на вершине и никому не сдаваться
радость взаимна за это и выпьем с вами

встарь громыхали в горах грешили красиво
может быть им до свиданья но не спасибо
лучше спасибо шмелям на цветущей липе
новорожденным скворцам на скрипучем вязе
лучше улыбка в раскопе на глиняном лике
тост черепком по чернофигурной вазе

здесь на заре во дворе шевелятся люди
плачет бубенчик на головном верблюде
скоро наверно и нам отбывать куда-то
с севера ветер ударами в стекла люто
черное облако над головой кудлато
но и за это ни слова хулы кому-то

* * *

черный ночной из баллона с шипением газ
чтобы о свет каменистый не стаптывать глаз

неописуемо словом какие пришли
посохи в сторону наземь пустые мешки

лозунг напутственный вязью попробуй прочти
если в мозолях изрезаны блеском зрачки

те ли тела из кого теперь вынуты мы
мнут в кулаках аварийные тюбики тьмы

в синапсах совесть гнездится не дольше тепла
встань и ходи что осталось нигде от тебя

* * *

не поднимая к звездам головы
обугленной напрасно их светили
последними словами говори
с окрестными предметами слепыми
возьми любой и ласково погладь
снаружи прост но весь внутри прекрасен
и обречен чего не мог понять
ни кант внимательный ни бодрый рассел
в час расставанья в ночь последних встреч
слипаясь кровеносными слоями
нам возникают зрение и речь
откуда никогда не предстояли

мы шустро обустраивали встарь
весь интерфейс пейзаж или погода
но вещи в нем не грубый инвентарь
а честные товарищи похода
врожденной неподвижностью смешны
теперь в руинах гонор или гордость
их не пускают там куда пришли
так пусть наш взгляд наследуют и голос
когда уйдем останьтесь нам верны
хотя и тоже в ночь на полушаге
дожди и лужи пни и валуны
мы всех усыновили малышами
последний голос взвейся и звени
где даже если свету смерть готова
увечные тетраэдры земли
восславят вечный эталон платона

* * *

сообщат вначале устно
а потом придет письмо
и недолго будет грустно
а потом пройдет само

в сердце каждого живого
вшит защитный аппарат
превращает в шелест слово
если правду говорят

впереди тверда плотина
для которой мы река
если правда не противна
значит ложь наверняка

вышел в сумрак с сигаретой
на запястье тускл жетон
жизнь как в бане перегретой
из последней кожи вон

весть приносит против ветра
буквы глупые внутри
не бери у них конверта
хоть на дату не смотри

столько страшного бывает
что наверное к утру
только зорька запылает
заболею и уйду

вниз где свет с водой сливается
к отвязанным плотам
ложь и заживо сбывается
а правда только там

сад

вот гуляю степенно себе в саду
ковыряю у гипсовой нимфы в заду
подпираю где куст в беде
как понять в раю я или в аду
если надписи нет нигде

в том что умер особых сомнений нет
то ли месяц назад то ли пару лет
здесь хронометр умолк в груди
захочу стишки запишу в тетрадь
или даже на арфе дерзну сыграть
вон в гостиной стоит гляди

а у гипсовой нимфы в глазах роса
у нее не то чтобы есть глаза
два бельма как у них у всех
но лицо точнее день ото дня
и когда врасплох глядит на меня
словно мелкий глотает смех

почему я с ней один на один
вертограду праздному господин
а других не сыскать с огнем
то ли добрых дел комплект невелик
то ли мельком грехи как в облаке блик
каждый ноль и память о нем

вот цветы но ни птиц кругом ни стрекоз
только блеск запомнил и в бездну сброс
словно в устье прямой кишки
безысходный в восьмерку свернуть момент
то на арфе быстрый дивертисмент
то в саду то снова стишки

я на нимфу в упор на меня она
проступает кристаллами явь из сна
пробирает рентген цветы
только вспять отсюда струится свет
видно ад не другие которых нет
настоящий ад это ты

это гипсовая нагота до пят
в мшистой чаще маленький водопад
извивается меж камней
поперек ни души ни голоса вдоль
как же исподволь нарастает боль
мне никто не сказал о ней

* * *

Устроиться на автобазу...
С. Гандлевский

скончаться скажем в чине капитана
зачем скончаться можно просто жить
быть менеджером среднего звена
помощником замзава по пиару
лауреатом премии дебют
поэтом премии поэт ловцом
простых монет в фонтанах госбюджета

и вот когда но это оговорка
когда не наступает никогда
а никогда становится работой
по графику с еженедельной явкой
на офисный брэйнсторминг на утечку
мозгов

так можно жить почти везде
дремать себе в гробу без угрызений
в погонах с небольшой кассиопеей
за вычетом одной сидеть в гостях
у нового замзава доставать
одним ужасно дельным предложеньем
весь персонал но молча про себя

так тщательно что временами бред
отдать весь ланч бездомному коту
проверить небо разве это звезды
однажды все же вырваться на марш
каких-нибудь таких же несогласных
пусть даже не согласных ни на что
дрожать под алебардами омона

и больше никогда не умереть

пятый акт

с. гандлевскому

сперва сюжет рождается из тьмы
струится речь в шатре притихшем нашем
на сцене свет там небольшие мы
роняем реплики руками машем
дурак в гробу но впереди река
где мужики цедили девку бреднем
мы нездоровы вроде бы слегка
мы сбиты с толку в действии последнем
внутри главврач простерся пауком
кто пациент тому весь мир больница
он призрака родителя боится
и на укол к сестренке прямиком
не рад ли ты ее фигурке юркой
с груженой галоперидолом фуркой

всегда в сознании к финалу сбой
из фабулы долой тогда свобода
так сложно персонажу быть собой
он выдумка а текст без перевода
вот опрометью зрители ко мне
между собой как все менты похожи
родитель корчится в ночном окне
то ухнет филином то строит рожи
потом фармацевтический покой
сомнамбул напряженные спирали
что за театр помилуйте такой
где отроду дверей не отпирали
вот буйный бог в издерганной узде
вот девкин труп с кувшинкой кое-где

тогда побег другой надежды нет
мы сами простыни крутить не промах
скорей спасатели с других планет
снимайте стражу на аэродромах
реви мотор мы улетим туда
где станем петь и толковать о многом
а кто записан в пьесе датским догом
тому и есть вся дания тюрьма
пора сквозь бархат звездного чертога
на пиршество всем чувствам и очам

есть многое на свете друг серега
что и не снилось нашим главврачам

реквием поперек

снова толпой алфавитно под голым небом
в списке откуда нужное вычеркнуть мелом
в сдвинутом спектре краски сурьма и кадмий
если нам лето позволят то зван не каждый
чутко над черной сиренью звенит пчела
кто-то умер вчера

кто-нибудь где-нибудь издалека не жалко
нет ему там ни лафета ни катафалка
под хасавъюртом в лесу каменистом хмуром
в поле где реют стервятники над дарфуром
под занесенной с мачете слепой рукой
кто-то другой

если в сочельник цейлон целебес цунами
нам не беда потому что беда не с нами
или статистика спида скелетом с койки
наши ли станут портреты черны от скорби
смерть словно в смете итоговая черта
эта важней чем та

в сонме дежурных в шеренге грустящих хором
кажешься вороном хриплым крадешься вором
братской соборности конного бюста в нише
ближний с годами все дальше а дальний ближе
после салюта на землю ступать нельзя
кладбище вся земля

слава полынь и салют ничего не значит
если остался над кем никто не заплачет
стану стенать над тем что другим не надо
над нашпигованным дробью мясом багдада
слабо светил а теперь насовсем погас
кто-то из нас

* * *

я жил плашмя я столько лет болел
морская зыбь на горизонте лентой
лежала тоже и струилась летой
в ней брода бренный глаз не одолел
или другой придуманной рекой
но я вообще не слышал о такой

мне было мало лет я был больной
тутанхамон в стекле на жестком ложе
там воробьи пищали надо мной
подвижные что поражало тоже
мечтал летать но не умел ходить
носимый сутками из света в тень я
где паука невидимая нить
водила за пределы разуменья

я там лежал и жил и был дитя
а в черных поперечинах окошка
переплетались ласточки летя
пространство тратила шагая кошка
я так жалел лежачему нельзя
владея хоть послушными глазами
за горизонт переселить глаза
чтоб видели а после показали

исполнить над собою колдовство
что вмиг на подвиг взрослых поднимало
я ждал тогда я всех любил кого
увидеть мог но видел очень мало
они ведь умерли потом поди
лежат но не имеют формы тела
струится ночь и ласточка в груди
летит но никуда не прилетела
всего что остается на свету
паук и паутина в пустоту

эвакуация

забыл задумавшись за кем стою
взгляд в сторону и смежные в колонне
слипаются но очередь свою
чернилами читаю на ладони
гудят в затылок задние толпой
годину неурочную ругая
всплеск молнии как будто над тобой
но там не ты там кто-нибудь другая

откуда здесь мы кто сюда пришли
спросонок пригородными лугами
при каждом только тощие мешки
имущества наощупь и бумаги
часы уже справляются едва
стучи вперед несчастная машинка
вот вновь сполох и словно ты видна
но загодя понятно что ошибка

построили как скаутских волчат
взгляд никуда равнение на древко
там впереди они уже молчат
а тут пока вполголоса но редко
потом затопчут тление в золе
рассеют облако стреножат ветер
кто разбудил не знаю на заре
зачем ладонь чернилами пометил

мы скопом все мы многие давно
хрипит равнина выбритая бурей
а при себе нехитрое добро
но третьей молнии тебе не будет
так страшно вчитываться в номера
лица в уме восстановить не в силах
кто напоследок вспомнит про меня
из заспанных вокруг и некрасивых

лес

на семи холмах до семи небес
ледяные ливни пронзает лес
до неведомой приговорен весны
насылать на город пустые сны

в нижнем городе жителей словно блох
даже множатся к той же что лес весне
людям чудится вот существует бог
а в действительности просто лес везде

снится жителям что живут в домах
провожают мужей выбирают подруг
а в действительности на семи холмах
до семи небес только лес вокруг

я запасся ветошью и песком
я суровой ниткой сошью мешок
потому что лес с каждым новым сном
придвигается к городу на вершок

прозорливы без радости мы с тобой
часто пяльцы валятся из руки
слышно заполночь дробно по мостовой
росомахи бродят и барсуки

если треснут над городом семь небес
и с семи холмов облетит туман
потечет в долины наследный лес
прекратится наш городской обман

сколько жизни внизу не знавали бед
так нам жалко мертвым что бога нет

снежная к

силуэты осень в сепию слегка
липкий блик кинематографа лесного
лето слизывает словно со стекла
пусть зима наносит снова

раз природа пополам населена
прыгнет грейфер кадры склеивать ребенку
кай ли сеет ледяные семена
герда нервная вдогонку

он не свидится наивный сея смех
с тем до времени полярным горностаем
чье дыхание в сюжете держит всех
если раньше не растаем

чебурашку крепче к сердцу не дрожи
охрой с кобальтом наш мыльный шарик вышит
кай возводит ледяные витражи
герда спящая не дышит

под плащом ее так мирно и светло
звонко стеклышки в ладошках обезьянки
в полушарии где кроме нас никто
с черной оспенной изнанки

ночью

от села невесела с того ли крылечка
ставни наперекос по двору куры востры
скок-поскок только смерклось старичок-калечка
стук-постук кривой клюкой о пустые версты
узелок приторочил в узелке заначка
гнать взашей стыдный страх исчезни луна в туче
а за ним опрометью малая собачка
хоть неказист человек а свой с ним-то лучше
вот идет калечка лугом семенит бором
ягоду ли берет гриб ни гроша не давши
в пуще лешие в крик русалки в пруду хором
чуть хлебнет из горлышка и шасть себе дальше
чу не мент ли из-за бугра шагами тяжко
послушно лезет в узел где печать на ксиве
справка из диспансера нужная бумажка
ан нет является ему сам господь в силе
стой говорит калечка ничего не бойся
глаза огнем палят борода снег на брюхе
говорит зычно но голоса нету вовсе
понятно без голоса просто слова в слухе
вот говорит господь лес поляна вот речка
в лесу лоси сохаты на лугах покосы
счастлив ли ты на такой дороге калечка
или еще что-нибудь сочинить для пользы
старичок в ответ а что кому еще нужно
тут говорит чуть вбок уйма грибов и ягод
когда не подеремся живем даже дружно
люди как проспятся довольны ну и я вот
и доволен что бог а не мент участковый
и уже идти дальше погоняет ногу
только вдруг внизу трава шелестит по новой
и собачка изо всех сил говорит богу
сделай просит господи и для меня тоже
чтоб и я собачка была на свете рада
сотвори другой мир а не нынешний боже
пусть жизнь в нем окажется не беда а правда
нет говорит бог не для тебя творил время
не для тебя пространство небо с легким паром
тебе говорит бог собачка волчье семя
ни дам ни отниму живи как жила даром

и пошел себе не страшный но шибко гордый
вот выпадает роса скоро овсы в колос
калечка с заначки ослаб весь лежит мертвый
собачка сидит рядом и воет и воет в голос

* * *

ну тогда d'accord и вполне sehr gut
из пробирки кровью разжавши жгут
подмахну договор с рогатым
поглумился над образом и вперед
я вообще не из тех кто у бедных берет
и как ты отдает богатым

если зло свобода я ратник зла
с тирсом черного лобызал козла
смерть и слава на выбор людям
уговор кто испуган тех и спасай
чудных зайчиков с речки старик мазай
а меня спасибо не будем

я на двадцать лет закопал талант
а в твоем зверинце любому бант
вся в лучах надо лбом бейсболка
но которому арфа не с той руки
сладко вспомнят зайчики как круги
разошлись по воде от волка

точка б

просто кактусы вкось то ли камня куски
заводные тушканы стоймя по-людски
угорелая в гору дорога
населяет пустынные пеньем кусты
насекомая прорва народа

вот кристаллами впрок вековая вода
с медвежатиной в жилах полярной
и небесные хрясь прямо в харю врата
поперек в арматуре амбарной

значит вот оно где расположено тут
ребра в розницу таз и ключица
сторона куда заживо ближе идут
но не в силах всегда очутиться
закопали слепую дорогу в песок
положили для бремени кварца кусок
насекомую брали отраву
из отверстого серенький зева дымок
грустный суслик в дозоре скрипит одинок
вот где родина праха по праву

до жезла колонок пейзажиста облез
долго голому горю осталось
вековать стенобитность небесных телес
сухомятных ручьев отжурчалость

* * *

углубимся в детали
старый сруб у реки
где в потемках летали
над водой светляки

многоточия ночи
на перилах крыльца
обличали как очи
очертанья лица

помечали пространно
окоем камыша
а под ним сасквеханна
шевелилась дыша

все непрочное счастье
вечной ночи простить
если стиснув запястье
навсегда отпустить

этим прошлым картинам
лишь лица не вернуть
пролагая пунктиром
в темном воздухе путь

как воздушный кораблик
в пенсильванском лесу
насекомый фонарик
пронося на весу

давыд и юрий

о том ли песню скажу о царе давыде
о князи славнем во граде ерусалиме
как по кровле терема при слугах и свите
он гулял ввечеру с министрами своими
а на дворе баба тонок стан черны очи
голая плещет в ушате бела как лыбедь
и восхотел ее царь пуще всякой мочи
похоть порты подпирает аж срамно видеть
цареву слову никто перечить не волен
министры по струнке небось люди служивы
только есть у той бабы муж юрий-воин
хоробрый зело вожатый царской дружины
давыд ему юрий поусердствуй престолу
а про себя погибни смертью и вся взятка
из хеттеян он был из русских по-простому
не жидовин как все а пришлого десятка
вот пошел юрий на фронт саблей в чистом поле
сражен упал себе и помер понемногу
доносят царю а уж терпежу нет боле
мигом жертву на аркан и в храм убить богу
берет давыд себе бабу под белы руки
кофточку с нее прочь сам сбрасывает брюки
в саду павы кричат ночь звездами богата
для царя вся правда нет ее для солдата

был бог на давыда в обиде да недолго
на то и царь как решил сам и поступает
восставлю говорит бог из твоего дома
сына возлюбленного пусть все искупает
в терему на горе тешится давыд бабой
то он так ее поставит то сяк положит
пискнула сперва но куда голой и слабой
бог сказал бог сделал а беде не поможет
а где прежний твой полег не метили вехой
во поле брехали псы вороны летали
хеттеянского роду пришел-понаехал
служил верой-правдой да гражданства не дали
чуть если смеркнется в ерусалиме-граде
царь персты на гусли и псалом бога ради
поют павы в саду кричат по белу свету
вся правда у бога а у нас ее нету

* * *

в пуще практически ни тропинки
в тесном лесу поступаем сами
словно стальные в строю опилки
между магнитными полюсами

в прежней ужом очутиться коже
горстью компоста в смердящей груде
можно лисой или сойкой тоже
но почему-то все время люди

голову ночью снесет над книгой
стиснут внутри на манер гармошки
контур отчизны такой же мнимой
что и снаружи любой обложки

это страну стерегущий ангел
счастье качает предсмертным сердцем
это стучит журавлиный анкер
между константами юг и север

если рождаешься жить положим
можно пока неподвижна стража
так и остаться простым прохожим
до перекрестка любви и страха

сойка направо откуда песня
слева лиса где незримо бездна
смерть неминуема как ни бейся
счастье практически неизбежно

* * *

в сердцевине жары стеклянная вся среда
преломила в кадре прежние дни недели
получилось так что я исчезал без следа
возникали друзья но на глазах редели
в том краю где у матери было две сестры
незапамятной осенью астры в саду пестры
деревянный дом где все как одна на идиш
и дряхлела овчарка слепая на левый глаз
там теперь никого из них никого из нас
я ведь так и думал я говорил вот видишь

в том последнем стакане зноя в канун огня
нас теснило к столу и от пойла зрачки першили
я бросал без разбора любых кто любил меня
только взгляд к этим лицам лип насовсем как пришили
если быстро проснуться поверю пусть не пойму
в том краю где уже никаких сестер никому
в самом месте где астры протерта ногтем карта
деревянный день только идиш из уст немой
во дворе овчарку звали рекс или бой
я ведь знал наперед я и жил-то с низкого старта

под реховотом горьким я тебя хоронил
эти тридевять царств песок с высоты соколиной
здесь бывает северный рыхлый наш хлорофилл
не дает кислорода и слабые дышат глиной
но чтоб рано не ожили марлей подвяжут рты
треугольником сестры в острой вершине ты
по бокам ни гу-гу на иврите кто-то
если правда горнист просигналит последний миг
тот кто алчно из туч наводил на нас цифровик
отопрет свой альбом и покажет фото

под крылом опустев страна простирает огни
к некрасивому небу которое знал и бросил
не снижаясь лайнер скребет фюзеляжем о пни
если врежутся в трюм спастись не достанет весел
по бельму напоследок друга узнав во враге
я на идиш шепну подбежавшему рекс к ноге
он остался один где бельмо проступает картой
где в безлюдных лесах словно князь на тевтона рать
собирает миньян но не может никак собрать
очумевший от бездорожья кантор

* * *

в черте где ночь обманами полна
за черными как в оспинах песками
мы вышли в неоглядные поля
которые по компасу искали

у вахты после обыска слегка
присела ждать живая половина
а спутница со мной была слепа
все притчи без контекста говорила

безлюдье краеведческих картин
холм в кипарисах в лилиях болото
он там сидел под деревом один
в парадной форме как на этом фото

и часть меня что с ним была мертва
кричала внутрь до спазма мозгового
тому кто в призраке узнал меня
но нам не обещали разговора

ни мне к нему трясиной напрямик
ни самому навстречу встать с полянки
он был одет как в праздники привык
под водку и прощание славянки

немых навеки некому обнять
зимовка порознь за чертой печали
вот погоди когда приду опять
но возвращенья мне не обещали

рентгеновская у ворот луна
в костях нумеровала каждый атом
а спутница вообще сошла с ума
и прорицала кроя правду матом

* * *

однажды в жизнь семью найдя себе
мы были дети нас кормили кашей
как маленькие гости на земле
мы жили и она была не нашей

из прежних мест невидимая нить
у взрослых не тянула на поблажку
когда они склоняли нас любить
свой двор и родину и чебурашку

приобретя в потемках тех квартир
пускай не весь диагноз но симптомы
мы здесь утратили ориентир
мы многие вообще забыли кто мы

как вы найденышем в чужом краю
я вырос и пошел служить в контору
но свой скафандр по-прежнему храню
размер давно не тот но память впору

настанет день мы бросим есть говно
припомним все что тщетно вам прощали
и с бластерами выйдем наголо
за звездную отчизну без пощады

* * *

почему эти кольца сатурна
так приятно горят и культурно
а у нас в небесах пустота
отчего мы печальны и хмуры
разводя зерновые культуры
повышая надои скота

потому что адам-прародитель
оказался шпион и вредитель
а потомство за это плати
под заплатанной дождиком твердью
между быстрым рожденьем и смертью
каждый божий с утра до пяти

может в джунглях какой андромеды
без печали журчат дармоеды
астрономией дивной горды
наша миссия в мире прямая
в три погибели жить принимая
как награду рога и горбы

* * *

памяти д. а. п.

до свиданья добрый клоун
ты не сеял ты не жал
тормошил веселым словом
всласть кикиморой визжал

человек пример колоды
где положишь там лежит
мы угрюмые уроды
нас не каждый рассмешит

но твои случалось были
шутки в сторону смешны
вот и мы столбами пыли
завертелись и пошли

каждый с маленькой котомкой
потянулись меж стволов
в тень где с дудочкой негромкой
самый честный крысолов

за лесным неверным светом
робко в хворосте стопой
ты ушел и дети следом
не печалься мы с тобой

* * *

бог давно живет в нью-йорке
нам не делает вреда
в длинной узенькой каморке
где-то возле fdr

он с утра заварит кофе
дождь увидит за окном
на стене мария в профиль
рядом сын на выпускном

так привычно жить в нью-йорке
хоть и полностью не весь
он спустился на веревке
темным вечером с небес

целый день сидит в старбаксе
с ноутбуком в уголке
знает есть ли жизнь на марсе
и зачем она вообще

а в окне не видно неба
кактус в баночке засох
не вернуть обратно время
даже если кто-то бог

и собачка смотрит в оба
у старбакса на углу
опознав в прохожем бога
тщетно молится ему

сутки прочь потом вторые
время кончится и пусть
вспоминай меня мария
я когда-нибудь вернусь

* * *

что ли мордой померк или в дыры корундом вытерт
больно смотрят насквозь посетители смежных комнат
вот войду невзначай а никто меня там не видит
или выйду на двор а они обо мне не помнят
даже дождь промахнется и камень с карниза мимо
словно вынут из космоса с мясом изъят из мира

пешеходы наотмашь попятно как стадо задом
не очки бы с аверса и сам бы ошибся правда
о прозрачный периметр не обопрутся взглядом
да и весь невесом на ветру как паучья пряжа
посреди этих твердых летаю последним летом
кто меня позабыли кому я с тех пор неведом

человек-невидимка зажмурил глаза для смерти
оказалось нельзя даже веки теперь стеклянны
столько тяжести впрок столько тьмы натекло на свете
от которой впрогиб столы или всклень стаканы
пусть стеклянные лопасти голому в долг прикроет
тот кто полон по горло тому кто до капли пролит

* * *

стопари граненые в строю
радужная в ржавчине селедка
кто теперь наследует страну
тот в уста плеснет себе сегодня
в бездне возводимой без гвоздя
мнимей сна и смысла невесомей
кто зиме замуровал глаза
клейстером и правдой с антресолей
истощив на поприще броню
где истцов история искала
бортничает с коробом в бору
странник от дубровки до беслана
от рязани до саянских гряд
доброй ночи незнакомый брат

наши тени рдели до небес
тверже сроду не было скелета
закружил завлек стеклянный лес
чья селедка дикая свирепа
дом снесло но с коробом под куст
где стаканы встарь не протекали
выдыхая истово из уст
все этиловые радикалы
раз в мороз такая синева
даже ближнего любить не жалко
воет ветер сеет семена
грянет к оттепели жатва

новолуние

травимое сотнями псов-персеид суетливое лето
последнее в оспинах соли высокое солнце
но сворами сов оттеснит голубятня паллады
вся в ярости древком о камень вот прянули кучей
топча и терзая твое лучезарное мясо
прощай говорливые лица природы сияли
покуда не острые звезды в зрачки мы немые
отныне но голос из горл извлеченный клещами
проложен по хлябям как парус по жабры обугленным зноем
внизу у матросов цинга симптоматика смерти подробна
нас лета лишили какая ребята стояла жара

скорей в глубину лабиринта где спит напролет ариадна
под песню кондиционера пока из афин на подмогу
эксперт-дефлоратор где мальчиков чудных и девочек
вмиг подрумянит
в шкварчащем фритюре разборчивый брат минотавр

потом леониды толпой леопольды и кобольды в скалах
на свой среднерусский манер подморозит рябину наутро
немного морошки с пробоиной в брюхе а если
еда ядовита она укрепляет усопшим суставы
и бабушки ближе к метро продают белену с аконитом
и болиголов мы развесили кроны над жизнью которую вместе
любили червонным и желтым горит обожженная зелень
и тело кладут в кристаллический зной словно соль золотая
от бывшего солнца и девушка в кассе протянет билетик
на наксос на наксос где спите спокойно какое хорошее лето прошло

смотри аталанта стремглав но айва отвлекает от прежних
скорбей ее папа оставил на милость а тренер
нашел на дороге и там во флориде ременнообутая мастер
смертельного спринта во рту елисейского привкуса спирт

нам совестно мерзнуть поскольку скончавшимся нечем
но жив пионерский инстинкт разведенья костра если снежная буря
завистники льда и огня мы лишь тени
других дикарей и ни мамонта больше в ущелье
ни лишнего лемминга в тундре
которых тогда увели за собой здесь под настом когда-то

пылала эллада и боги любили свое ремесло и его образцы
мы и есть эти боги
сошедшие с призрачных круч бестелесные тени творенья
но чирк зажигалкой и тьма запылает черней с лучезарной
сестрой отступи за звенящий торос но не вспомнить
зачем отступили
прощай как нам стыдно что не было лета

горит андромеда во мраке великая вульва
вселенной сочащая бред изнутри но подернуты люрексом лунным
рамена из персей на всех персеиды как псы чья горячая пасть
настигает
и топит в крови замерзающий кадр

молитва землероек

светлому властелину избытка пристальному быстрому
родителю грома топчущему каждую дрожь
в чьих очах число ужаса и мера милости одинаковы
вели славить себя если ты тот кто велит справедливо
разве не ты посылаешь нам лучших кольчатых и круглых
не ты делишься пышным опарышем гасишь малую жажду
и разве не достоин трепета отделивший сухое от мокрого
свят ступающий выше шумящего мха заклинатель трав
мохнатый и хищный свят если нас не останется
ибо мы умираем когда ты отвернешься
и когда ты смотришь на нас мы умираем еще чаще

блажен вкусивший ужаса шелеста настигающего ужа
гибнущий от шипящего горла стиснутой пасти
слава сытому самой покорной из наших жертв
чтобы нам исчезать без вреда и существовать опрометью
ибо мы лишь обочина твоего стремительного внимания
но и плохое добро твое не уступит хорошему злу
слава творящему мягкий воздух и липкую землю
даже когда тебя нет ты оставляешь нам выбор
ибо мы уже умерли а ты еще не отвернулся
нас уже нет в живых дважды а ты еще не взглянул

* * *

такие интересные закаты
изображает нам воображенье
что будь в них чистой правды хоть на четверть
мы жили бы практически в раю
а эти звезды так в средневековье
расписывали купола в россии
и кто-нибудь коварно подсмотрел
в нас норовят посеять убежденье
что гребни гор тверды и достоверны
а бабочки и эти как их птицы
вообще зашкаливают перегиб

когда я тоже молод был и жив
я полагал что факты существуют
и различал свет истины во всем
в чиновниках ручьях олимпиадах
по алгебре и в этих как бишь их
доверчиво выслушивал признанья
в любви и признавался в ней в ответ
так жаль что слишком редко признавался
потом припадок разочарованья
умерил мой картезианский раж

поверите здесь никого не встретишь
из прежних тех кто раньше были вы
есть сильный шанс что я вообще один
сидел всю жизнь и рисовал закаты
изобретал себе обмен веществ
врубая некоторые нейроны
в пустую вечность тыкался лаская
притворной музыкой притворный слух
но разве птицы могут быть неправдой
тут богом надо быть а я никто

* * *

давайте взахлеб забывать имена зверей
с камней и деревьев названья смывать резвей
что нужды жевать этот жмых если слово ложь
ума не прибавит что каждый бубнит свое
похоже и тютчев федор считает тож
а ну-ка забудем слова и забьем на все
начнете по списку вычеркивать имена
из первых оставьте без имени и меня

когда по этапу адам покидал свой сад
семь тысяч тому или около лет назад
он следовал слепо чему надоумил бог
с герлфрендом о глупостях без толку говоря
объекты из сучьев шипов животов и ног
назвал как ударило в тыкву от фонаря
большой полосатый с хвостом называем раз
и два неказистый подземный почти без глаз

отныне предметных смотреть избегаю снов
тем крепче люблю для чего не осталось слов
пощупаю теплое липкое тотчас съем
цветное озвучено где там твое кино
и жуткая даже из сумерек в гости всем
забудь ее имя тогда не умрет никто
живи же никто и блуждай в лесах налегке
большой неказистый подземный с хвостом в руке

* * *

если прямо спросить у зеркала что мы имели
в этом ебаном детстве от силы припомнится лишь
весь картофель в костре да кино про подвиг емели
на второй мировой как велела гефильте фиш
а когда умирал навзрыд в своем мавзолее
ким ир сен или кто там у них умирал тогда
на заре загорались у взрослых глаза розовее
и друг друга от скорби рвала на куски толпа
чтобы чаще от страсти трясло трепеща прыщами
будоражила нервы шульженко но громче всего
из котлетного чада радиоточки трещали
про даяна моше и карибский мол кризис его
вспоминал о нездешнем один робертино лорети
все чего возлежа возжелали на пляже тела
вот такое нам родина детство спроворила дети
вот волшебница участь куда ты нас всех родила

возвращусь я на родину выйду на быструю речку
где сплавлял пастернак знаменито на баржах плоты
пусть как в детстве опять робертино споет про утечку
наших пляжных мозгов про усушку всеобщей плотвы
озирать эти нети убогие эти овины
что за притча овин пусть губами коснется виска
вся красавица жизнь но без тухлой своей половины
где поет робертино и харкает жиром треска
ей теперь прощено и ни слова упрека при этом
потому что последние врозь на причале стоим
ненаглядные все кто с авоськами кто с диабетом
и даян на баяне с прощаньем славянки своим

элегия на приход осени

в видоискатель быстро посмотри
дрожит пейзаж меж волосков прибора
там в приступе последней красоты
нам предстоит сентябрьская природа
прощай листвы прельстительная ложь
шум прошлого прошаркавшего мимо
здесь обещанья праздные даешь
печально помня все невыполнимо
жизнь исчезает за пределы глаз
а с ней и некоторые из нас

владыка дней всей милости милорд
твой жмых пожух в точиле под ногами
твой календарь как именинный торт
уже почти прикончен едоками
природа горше к осени на вкус
еще любви щербатый серп в зените
но у любви на каждый божий плюс
два минуса в запасе извините
коль волосы и стебли серебря
летит смертельный ангел сентября

котенком перепрятанная нить
в саду где поздно пеночка свистела
здесь быть собой или никем не быть
из дании двоичная система
быть наугад до грустных снегирей
без паузы для очной ставки с небом
сегодня будем счастливы скорей
пока нас медленно заносит снегом
и станет мир хрустальной шкурой тверд
где всех судить горазд полумилорд

как славно жить когда уже возник
в сентябрьском сне среди друзей и водки
тому в саду кто все равно тростник
как все другие в мире одногодки
ушедшие без милости верны
где в бельмах льда живому нет прощенья
медведи расстаются до весны
пора прощаться до невозвращенья

бежит оранжевый огонь в реке
и светлый серп у ангела в руке

* * *

вышел и вмиг забываешь где это было
прости работа пенсия жена посуда
до горизонта волнами рожь река мимо
ни очага ни отчизны но ты отсюда

солнце как прибито к синему циферблату
над шелковой рожью медленно меркнет память
день без дна словно велено прекратить трату
времени но пространство временно оставить

как бы от любви неутолимое лето
но пешеход с повернутым наружу взором
уже не совсем тот который помнит это
и уже совершенно не тот о котором

третий на смену тем чья конечная явка
поперек ржи за речкой где проступит роща
глянешь и нет вопроса почему так ярко
только не понимаешь почему так молча

потому что здесь перестала шуршать прялка
оступился звук никак не наступит снова
говорили вечность ты смеялся и правда
вечности нет это просто пустое слово

* * *

все же должна быть живая кому по силам
краски судьбы обозначить любую разным
быстрое счастье она помечает синим
долгое горе она вышивает красным

как же неровно ложатся на ткани пятна
этот эффект испокон замечали предки
только и прелести в ней что всегда нарядна
красное поле в небесный горошек редкий

глаз не отводит от стиснутых в лапках пялец
песню мурлычет и вечные годы мчатся
только б неловкая не уколола палец
как до сих пор к сожаленью случалось часто

все что ни вышьет положенной жизни верстка
ржа не берет и на зуб не сгодится моли
вот и выходит работая без наперстка
черная точка последняя в красном поле

* * *

завершена за временем погоня
за жаркой кровью в ястребе стрела
возьми коробку с временами года
а там оно одно и навсегда

что с этими деленьями поделать
где черточки дождливо и кружки
из дюжины их разменяли девять
последние живому не нужны

уже не журавли с утра гортанно
жирком ворон подернуты пруды
для дерева и неба нет гаранта
какой стоит на страже у трубы

бери словарь убористой печати
где бывший твой язык лежит ничей
в нем неразборчивы но как печальны
названия исчезнувших вещей

кому лечить простуженное лето
просить весны в лесу полярных сов
как малышу рассыпавшему лего
свой теплый мир слагать из беглых слов

где снова станет зелено и звездно
в просветах ливня льнущего к стеклу
спешить пока еще не слишком поздно
закрыть коробку повернуть стрелу

* * *

какие нам температуры вообще обещают
спасибо что в сущности бабское лето пришло
и готские горлицы мальчиков готских прельщают
осенним своим опереньем в надежде на что

ты помнишь ключом с коктебельского гона поэты
зобы их в зените пронзительным пловом полны
гостил бы и дальше у жителей этой планеты
да вот звездолет на поляне разводит пары

я жил между ними не брезгуя дружеской флягой
так липок на щупальце след человечьей руки
в назначенный час звездолет развернется над прагой
фотонная тяга и я одинокий внутри

ах ой ли вы готские сестры и певчие братья
любовь неоглядна а разум повсюду тюрьма
не пленный отныне пусть буду последняя блядь я
когда коктебель если прага забуду тебя

пускай если снова рискнет распуститься мимоза
меня недокличется в тесном застолье семья
за всеми парсеками чуткого анабиоза
я может быть русский я чешский я ваш навсегда

пусть катится ваше под звук аонидского пенья
на третьей от солнца спокойное время рекой
где готские горлицы чистят железные перья
но мальчикам это не страшно и риск никакой

* * *

как-то взял посетил мелитополь
при советском режиме давно
там людей замечательных вдоволь
но и пьяных конечно полно

или даже до кировограда
увозило под стук колесо
население было мне радо
но конечно быть может не все

а сегодня при новом режиме
он такое же впрочем говно
тридцать лет как живу меж чужими
и не помню из вас никого

раскрасавицы все украинки
москаля несравненно милей
потому что я свой до кровинки
хоть фактически где-то еврей

и когда вы наверно умрете
свой стакан не сыскав поутру
приобщимся совместно природе
я и сам если нужно умру

нас воспел в своем творчестве гоголь
и увидеть я сызнова рад
мариуполь или мелитополь
шепетовку и кировоград

жители

даже выпил вполне но идешь пешком ровно
помнишь названия всех улиц вот и славно
нужные перекрестки возникают плавно
только жители блин канули поголовно
на то впрочем и жители чтоб ночью спали
приходишь вдруг не домой а в другое место
внизу вода темна небо в сучьях кусками
тишина слуху просторно зрению тесно
боярышник хлещет в лоб ветвями нагими
стоишь растерян с некоторыми другими

потому что пришел не один видно тоже
отдельные навеселе уперлись в воду
только не было здесь такого места сроду
где луна ложится витилиго на коже
шел городом светофоры в очи мигали
влажный шум волнами из поздних ресторанов
вдруг пустыми в боярышнике берегами
подле мертвой воды воинством истуканов
стыдно так стоим один другому ни слова
а город тотчас исчез не возникнет снова

похоже пришел где ничего не бывает
никогда не случается невзгоды мимо
звери растерзают а живешь невредимо
гром грянет небесный тоже не убивает
а что не кончится ночь заря не алеет
осень не движется с места не настать лету
так зачем здоровье если кто не болеет
кому надобно счастье если горя нету
прямое криво и тупо что прежде остро
пришли где можно оставаться вот так просто

здесь не разгорится злость угасает зависть
но и любовь над запиской не топит воска
не вспомнить уже какие до перекрестка
попадались люди плакали и смеялись
в поздних ресторанах над последним стаканом
а нынче порознь молча на берегу этом
где из-под звезд вода-сирота на века нам
боярышник в шипах но не взовьется цветом

в жухлую траву навзничь на жесткое ложе
и все жители вслед гурьбой жители тоже

ангел

вот ангелу лаодикийской церкви пишет
начальство глаголет аминь свидетель верный
дескать инеем не дохнет огнем не пышет
и тотчас угрозы видно ни к черту нервы

адресуемый ангел нажимает enter
медленно гасит софт вырубает железо
квартальный отчет и каждый вечер на ветер
ветер и дождь напролет поэтому резво

ангел за угол где запаркована хонда
кейс к подбородку неловко тычет ключами
мимо мчат месяцы мимо времена года
осень чаще всех недаром гуси кричали

адресующий в первом веке нашей эры
сидит в пещере на скалах волны под ними
не любит в ком только теплится пламя веры
сулит им под диктовку пепла и полыни

адресат дома но дети уже в постели
жена не приняла пальто не накормила
страшно спешил но подрядчики не поспели
к отчету и опять не будет в доме мира

а который диктует добрый да не очень
меч торчком из уст ноги в огне глаза злые
обещает что день не отличат от ночи
возрыдают пред ним все племена земные

каждому даст меж избранниками своими
кроме прочих кого заточит и помучит
белый камень и на камне новое имя
которое знает только тот кто получит

а кто не получит на поиски пижамы
отливает сослепу на скорую руку
выключит радио с гимном гордой державы
камнем рядом с женой и ни слова друг другу

вот он лежит сложив свои две пары лапок
ни огня во вселенной только точка в центре
высвечена где отрубился в нимбе набок
один как перст ангел лаодикийской церкви

ни холоден ни горяч обесточен мудро
вот будет ему с патмоса письмо наутро

* * *

в тусклом воздухе белые пчелы роятся
вот когда мы всерьез начинаем бояться

высыпаем продрогшей гурьбой на перроны
окна слепо в глаза с выраженьем укора
потому что зима это время природы
за которым сквозь снег не увидишь другого
что случится с чужими в вагонных глубинах
чуть на рельсах торос за излучиной треснет
все нам кажется кто-то из самых любимых
этой длинной зимой незаметно исчезнет

тем верней она веру в сердцах убивает
что со многими именно так и бывает

или если точнее бывает со всеми
как бы ни был у кассы с билетами ловок
все равно электричка в которую сели
не имеет за близкой чертой остановок
эти черные стекла щекой не растопишь
в чреве ночи начинка теперь из опилок
и молчальника в чунях попутчика то бишь
сотни лет изучать неизменный затылок

тем нежнее на лицах декабрьская бледность
и свободней любви нулевая валентность

* * *

поздняя осень и позже не нужно уже
в синих запястьях опять замедление пульса
видно как верхний жилец на своем этаже
лампу зажег и навеки в газету уткнулся
здесь в колесе листопада где белки бегом
шорох машины и нимфа с кувшинчиком в нише
ближе ли свет даже если жилец о другом
нижнему только бы жить по возможности выше
вытянув шею пока парусами края
неба хрипеть с подоконника ворона вроде
вслед перелетным внутри трансцендентное я
гуссерля впрочем и это осталось в европе

в жадном оранжевом рано кончается год
смена сезонов у поллока выкраден метод
если этаж или месяц снаружи не тот
ты не жилец то есть разница в том что не этот
где-нибудь клейстер на рамы в стакан купорос
скоро смотреть как щелкунчики в хвое повисли
здесь открываешь в газете последний прогноз
то есть последний в простом окончательном смысле
неосмотрительно ступишь на хрустнувший наст
быстро иссяк лабиринт ариадниных ниток
ворон с карниза и нимфа в кувшине подаст
нужный напиток

черновик

они живут в ущельях но теперь
торчат вверху с насупленных утесов
как мелкие клыки они тебя
боятся и хотят казаться выше
им очень страшно но тебе страшней

ты автор звезд ты сам их так назвал
сперва взмывает синяя звезда
распространяя синее пространство
дрожат огнем навьюченные мулы
ты весь устал а родина нигде

они торчат как червячки из дыр
еще вчера понятие они
в их речи не имело референта
а нынче там разгул местоимений
но все равно зачем им столько глаз

сперва взмывает синяя звезда
потом взмывает красная звезда
и синий захлебнется белым светом
в котором вертикаль не надломить
зачем они все плачут и молчат

они пока не знают слова ночь
и смотрят сверху но тебе за них
так страшно что боишься начинать
бояться и теснее жмутся к стенам
животные груженые огнем

их слабый страх в проекте не проставлен
ошибка в нем но раз живут то пусть
здесь только черновик числа и места
и ты стоишь подробно вспоминая
чего на свете не было с тобой

день благодарения

Lord God of Hosts, be with us yet,
Lest we forget, lest we forget!
R. Kipling

покуда щиплешь листья для салата
и тыкву потрошишь до пустоты
из бейсмента семейная собака
бейсбольный мяч несет тебе смотри
рецептами плюется вещий ящик
осенний свет от суеты ослеп
все как у взрослых как у настоящих
спит объявивший загодя госдеп
острастку тегерану и хартуму
задумайся и лишь затем плесни
кому мы в жертву птицу принесли
за что благодарим фортуну

когда отцы в посудине фанерной
везли на запад веры семена
зима зияла ледяной каверной
но собран злак и дичь принесена
и правило устроили простое
с улыбкой братства в каждом ноябре
всем предписать взаимное застолье
кто соль земли и город на горе
но где меж всех твоя улыбка боже
и отчего нам немы небеса
пирующим послушно в сша
да и в других широтах тоже

здесь тяжко жить иначе чем в надежде
но праздников природа такова
благодарить судьбу за то что прежде
а будущее глубже в рукава
сносить в потомстве тлеющую зависть
в застольях наловчились старики
когда подарка бережно касались
но неизменно с тыльной стороны
у будущих в чести другие боги
в чей адрес все благодаренье ложь
им радости взаймы не перешлешь
не одолжишь на время боли

вот притолока отстает от двери
внутри собака добрая мертва
когда с опушки выжившие звери
повадятся на наши торжества
когда лавиной с гор низвергнет гордость
и пакля вкось полезет из щелей
когда календари придут в негодность
мы вспомним день который был светлей
еще вовсю несли на стол салаты
мир ликовал под тост совместных стран
и намечал коварный тегеран
отмщенья день и час расплаты

с тех пор

с тех пор он дома не провел ни дня
в стране где жизнь у службы содержанка
как ни приветлива порой родня
к добытчику но в жопу и не жалко

сначала вычеркнул порог и дверь
потом метро к лесоповалу в восемь
еще была собака спаниель
он ей писал сперва но скоро бросил

не улица где с кейсом проходил
а святцы кладбище тюрьма больница
кому нужна собака-поводырь
попробуй за периметр удалиться

всей опрометью в путь куда глаза
чтоб сверху следом кисло улыбался
кто строил без единого гвоздя
вселенную но сильно ошибался

чтоб в спальнике измокшем у шоссе
и в сотни мегаватт заря вставала
в чумазое лицо а эти все
гори огнем вот только что собака

понять покуда путь не утомил
ладонью небу заслоняя око
как ослепителен наутро мир
как быстро в нем живешь и одиноко

книга

он поднял книгу бьющую огнем
где ни откроет вся она о нем
ну в точности как было вот холера
вот только дымно и зола во рту
он из костра достал ее в саду
она там вместе с листьями горела

сперва игрушки все наперечет
соседка с нижнего у вас течет
уроки детства о вреде и пользе
совсем забыл про этот выпускной
да правда было в обнинске с одной
и вся неправда что случилась после

она в огне ему невмоготу
еще немного думает прочту
зрачки как студень из орбит сочатся
пусть сиплый кашель как сверло в груди
не каждый день случается поди
с такой печальной книгой повстречаться

вот занялись последних два листа
теперь обложка черная пуста
где только что бежала жизнь живая
он ей велеть не может повтори
и так стоит еще минуты три
обугленных фаланг не разжимая

подражание херсонскому

не устраивает австралия хорошо убираю
или все же оставить а то там совсем пусто
нет что вы я никогда не умираю
так и живу вечно хотя иногда это грустно
или вот я придумал дерево назовут береза
тут созвездие в сучьях а сбоку попугая
почему-то они у меня мрут от туберкулеза
или прут стенка на стенку что мама дорогая
ни им мамонта в друзья ни ангела в гости
мигом вышибут дух искромсают тело
впрочем это мысль то се розги да гвозди
слушай сынок иди-ка сюда есть дело

гуманитарная элегия

все сильнее напасть и гане приходит конец
снаряжают ганцы в богатую пизу гонца
дескать всех извели в округе птиц и овец
не пришлют ли им плюшек и чуточку холодца
а не то эти ганцы готовят лютую месть
а какую не в курсе в богатой пизе никто
потому что народу реально хочется есть
и в природе гляди наступает хрен знает что
тут хоть зонтик спасти и шеренгой к лемурам в лес
если даже не плюшек то студень грузите весь

anziani del popolo весь городской совет
учиняет казне аудит и итог таков
стали строить пизанский собор но активов нет
и не век эту башню равнять гонять бурлаков
capitano del popolo то есть пизанский лужков
подбивает баланс и на ганцев безумно зол
напечешься тут плюшек впрок для таких дружков
да и студня самим в обрез на пасхальный стол
и пинком гонца отсылает из пизы прочь
в нехорошее место допустим в темную ночь

а тем временем ганцам на родине невмоготу
возле пристани строятся в очередь на билет
только зонтик в руке чтоб прикрыть в пути срамоту
а другого имущества здесь у народа нет
вот же предупреждал вас гонец и все нпо
не желали как прежде за общим столом дружить
и садится на судно голодное большинство
поселяется в пизе и там начинает жить
тут вот жалобы часто что сложный поэт цветков
временами возможно но он не всегда таков

аудитор

это кто из нас псих если вот является некто
в котелке бутоньерке рылом гарант из охранки
представляется дескать он тут начальник проекта
и позвольте взглянуть какие будут поправки
сдунув перхоть с ресниц торопливо тычу бумажки
благо жалобы мелких с юношества увлекали
реферат о починке членистоногой букашки
о реформе репейника амнистии едкому кали
документ ложится в досье где меня подшивают
потом на стеллаж солярка все поджигают

я всегда норовил как лучше я честно старался
развернуть чтобы вышло в пользу не рая а мира
в прошлом тридцать седьмом когда у них пушкин стрелялся
все строчил докладные молил чтобы пуля мимо
за полвечности пара удач утконос остается
и еще уберег от вулкана в докембрии крым я
эта пыль в коридорах ангел глотать заебется
эти узкие двери попробуй просунуть крылья
вот начальник проекта у зеркала прыщ на роже
но ни в зеркале нет никого ни снаружи тоже

может все и бред торчишь тут как прыщ с монитором
а в действительности не должность а чистый диагноз
потому что начальник проекта счел моветоном
истребить под гребенку зачем-то терпит бедняг нас
тупо тычешься то в америку их то в россию
а какое еще нам доброе дело под силу
выбираешь юзера о котором никто не помнит
лезешь к нему в жж пишешь комент

* * *

дигитальные ходики будто капель водостока
разнесут по минутам чужие последние дни
вот и просишь у древнего днями ухода до срока
чтоб навеки не видеть как раньше уходят они

оставаться сосной где поляна усыпана пнями
все лысее все льдистей как выше к зениту кавказ
вот и просишь смертельной пощады у древнего днями
а его-то и нет в нашей подлой природе как раз

сколько мрака по краю порожнего в лютиках блюдца
больно сослепу соснам в лесу спотыкаться о пни
как нас меньше всегда даже ужас на миг отвернуться
как нас жальче давайте не сможем остаться одни

фотокарточки в рамках но лиц не ищи настоящих
разве в фортку повыть где буран разгулявшийся лих
как невесело если не сыграно вовремя в ящик
чтоб не видеть как в жизни все меньше любимых других

в этот вечный канун в этот серый костер предрассветный
средь редеющих орд где и детство на сотню одно
в бесконечной как горе вселенной где только последний
никогда не умрет так зачем тебя нету говно

прощание с елкой

две тысячи восемь шарахнуло в телеке с вовкой
полночным укропом печаль на селедку легла
теперь объявляю негромкие игры под елкой
я спрячусь положим а вы не ищите меня

из волн майонеза кристина встает орбакайте
играйте друзья чтобы время недаром прошло
допустим я спрячусь а вы постепенно считайте
две тысячи восемь две тысячи девять очко

советской собачкой часы в орбитальном полете
стоят и продолжим под скатертью поиск бедра
я спрячусь но вы не ищите а если найдете
вам год не засчитан и дальше насмарку игра

отлично что водка что килька посолена пряно
и будь я гарантом такой интересной страны
глядел бы на всех с неизбывной любовью с экрана
да жалко что иллюминатор не с той стороны

от липкой эклиптики врозь побежали широты
в созвездиях шепот над млечной водой камыша
штурвал на себя но конечно спасибо за шпроты
и ваша снегурка под шубой всегда хороша

звенит мое сердце на дальних парсеках сегодня
две тысячи восемь и дольше остаться нельзя
но вслед из-под шубы озябшая смотрит селедка
и нежная шепчет вы люди вы наши друзья

* * *

сперва составим список
привычек и гостей
созвездий и редисок
оврагов и гвоздей
ершей запишем влажных
они живут в воде
но многих очень важных
предметов нет нигде
никак их не назвали
без них проходят дни
когда б мы только знали
как выглядят они
полно в природе слепней
отверток и борщей
но самых нужных нет в ней
неведомых вещей
я полон слез обидных
какой же в жопу бог
кто стольких очевидных
вещей создать не смог
ах как бы мы любили
свой мир во всей красе
когда б повсюду были
предметы эти все

ода воде

Beauty is truth, truth beauty, — that is all
Ye know on earth, and all ye need to know.
John Keats

где небезызвестный фонтан где турист прямиком
в макдональдс в макдональдс под залпы вина и салата
я должен еще раз пускай доползти стариком
и смертная в сумерках спит на ступенях палата
я должен примчаться практически в этом году
кровь из носу должен живьем добираться иначе
брусчатка в лицо и уже никогда не дойду
к тем нежным пирожным к тем тирамису на раздаче
и где наверху в белоснежной своей темноте
лежащий чье имя начертано нам на воде

с вершин вашингтона из-под монреальского льда
на каменное в витражах положенье колодца
мне выбора нет а не то не умру никогда
вернее умру но фактически там не зачтется
где флейта фонтана в хрустальной звенит немоте
и скидку давая всему стихотворному цеху
три русские грации чертят на вечной воде
неоново ярко свою смехотворную цену
но чужд распродаж в ледяную не их и не мой
здесь воду ступенями спекки сошедший зимой

вот жертву ведут к алтарю и в хитонах тела
струистые вместе как сельди в путину на сейнер
над лестницей в окнах стерильно палата бела
и добрый прозрачный сквозь тучи со снадобьем северн
в утробе волчицы чьи молча щенки города
вся в тирамису или дзепполе piazza di spagna
где в роще неона над мертвым чье имя вода
склоняются истово русские музы изгнанья
пускай погребен среди каменных тех нереид
но третью стихию второй предавать не велит

кто сыном конюшего вышел к фонтану из тьмы
и носом у йейтса в витрину кондитерских кружев
пусть имя волной состоялся телесней чем мы
над площадью расчеловечен всей жизни не сдюжив
стремглав свое липкое старчество ночью неся

покорно вернемся откуда стремилась русалка
в надежде что вдруг красота испарилась не вся
спасен океан если истина в нем не иссякла
плеснем напоследок фраскати барашка седло
все ниже ступени к нему все тусклее стекло

брат

ф. сваровскому

вдруг пахнуло припоем сверкнуло в приборном окне
в унисон заревели отвертки и вывели брата
я узнал по глазам и такая же в нем как во мне
материнская плата

и еще нам сказали что третьей в подмогу возьмем
3sx этот новый дизайн с гигаваттом из ножен
я взглянул на входное устройство там женский разъем
но приказ непреложен

он закон исключенного третьего знал назубок
мы терпели как rom предписал не рискуя иначе
под нагрузкой на сто бесконечен он был и глубок
как ряды фибоначчи

я их с кабелем как-то без светодиода засек
вход на выход для пользы взаимообмена сигнала
мигом лазер сверкнул отвалился от брата кусок
вся любовь отсияла

здесь на третьей от солнца вовсю неоглядны поля
если в клетку разбить и плеснуть в атмосферу аргона
можно жить и без брата ни чипом внутри не боля
мне не надо другого

и без прежней опаски в дорогу по их городам
где клочки протоплазмы в руинах шипят догорая
пусть пульсирует кварц я тебя никому не отдам
3sx дорогая

уговор

когда наскучит жить и я умру
они плитой примнут меня к бугру
приостановит выплаты контора
но все равно в обещанном бреду
однажды навестить себя приду
сидящего живьем у монитора

я объясню себе что бога нет
и покажу движения планет
в пазах с подшипниками проще репы
природа тор хоть трижды в ней умри
вся правда полая дыра внутри
а слава пыль и сны о ней нелепы

пусть этот мертвый он и прежний я
под сводами последнего жилья
сравнят баланс и подобьют подробно
в попытке жизни не было вреда
но стоило ли пробовать тогда
чтоб стрелку забивать с собой загробно

вот собственно и монитор погас
поскольку в памяти иссяк запас
местоимений мнимому герою
забуду эту глупую игру
когда действительно всерьез умру
там впрочем в дверь стучат пойду открою

гости

когда небо меняет свое положение
пряча солнце за край окоемного рва
наши мыши в квартире приходят в движение
хоть и малолитражные но существа

объясняются шепотом писком вполголоса
быстрым бисерным шагом спешат вдоль стены
столько тысячелетий как в гости из космоса
прилетели и бедные не спасены

кто за клейстером в путь кто за крученым кабелем
между ушками пара доверчивых глаз
а мы мучаем их хирургическим скальпелем
или адской отравой изводим как класс

этот серенький жизнь на кожевенной фабрике
положил и с хвостом его старость смешна
но по-прежнему прадед в потертом скафандрике
на портрете под полом висит как мечта

денег нет и живут без имущества голыми
сыр небесный простыл за парсеками тьмы
так зачем мы их пичкаем в жопки уколами
и не любим плохие по-моему мы

совесть кровоточит и болит бессознательно
где мышиная родина песни о ней
вечно шепотом а просыпаются затемно
по ночам когда отчие звезды видней

аминь

соседские золовки и зятья
в две дюзы под бельем гуденье газа
у них там был младенец для мытья
и старшенький для общего показа

и помнишь ты была у них тогда
той дочерью недолгой мне на память
которая спасла себе кота
от злых ребят но не умела плавать

я за тобой подглядывал в окно
и подарил латунное колечко
а старшенький читал стихи барто
потом подрос и вскоре сел конечно

тебя там нет и нет нигде с тех пор
как ты была и как тебя не стало
впечатан в звезды бесконечный двор
но для людей теперь пространства мало

остался я травинка на ветру
да кот спасенный льнет к тогдашним шторам
все мордой вверх как будто есть вверху
который знает кто мы и за что нам

* * *

стук острых ставней щелканье щеколд
зигзаг на небосводе
с какой балды на жердочке щегол
поет о несвободе

кто смолоду покорно пил с руки
без крова или корма
пропасть стремится вне а не внутри
в густом устройстве шторма

где в прорезь молнии судьба видна
ее узлы не рвутся
пернатые стремятся времена
пройти и не вернуться

свидетелям грехопаденья тьмы
месящим гравий в груде
теперь срываться с привязи хоть мы
не времена а люди

* * *

трудами предков прелая земля
приучена к произведенью яблок
которые без риска съесть нельзя
иначе блеск не по рассудку ярок
и та каменноугольная тьма
внутри которой в жанре алкоголя
все те же мы нам целый мир тюрьма
нам только в гибели покой и воля

никто не свят раз прозябает зря
пуст на просвет и совесть в нем баранья
мерси змее за отделенье зла
от прочего добра и благонравья
и той чьим промыслом змея сильна
рабе любви с простой сурьмой и пудрой
пока между добром и злом стена
заботами рептилии премудрой

той деревенской девочки родне
чей архетип в нейронах несгораем
кто глупости показывала мне
юбчонку прочь на даче за сараем
и в солнце облеченная потом
кого в сердцах царицей зла назначу
на свете счастья нет но был батон
тринадцатикопеечный на сдачу

с отечеством слегка не повезло
но дочерям спасибо за науку
с тех пор как наше небольшое зло
в груди добру протягивает руку
где без творца они навек одни
как на юру последние осины
и черные перед бедой огни
рассеивают свет невыносимый

без протокола

уличил участковый и чуть ли не шил статью
в безналичном десанте в метро при честном народе
так ведь сам нарывался мол слушай чего спою
потому что считался тогда ксп или вроде
даже не ксп как факт но влюблен или пьян
а вокруг временами в зной но скорее в стужу
простиралась отчизна и был в ней один изъян
то есть если бы только один я желал наружу

вспоминаешь сережа как были с тобой бедны
хоть пустую под ливнем крапиву в суп на пленере
и шотландскую суку чей рацион еды
нам отечества не умилял на ее примере
мудрено на петровке в раю не пробыв ни дня
при посредстве стакана искать совершенства в мире
и в стране по которой в ментовку вели меня
где рвалась тетива на моей семиструнной лире

предавался в сибири железнодорожной езде
а когда подвели к безвозвратному трапу ладно
убедился конечно что стужа стоит не везде
но таки нигде не пускают в метро бесплатно
пусть по гроб бороздит зарубежная скорбь чело
и надежда не меркнет на материальную помощь
что нам пользы наружу там нет никому ничего
только небо и звезды на нем ты ведь звезды помнишь

всю крапиву в стога под неистовый рык грозы
бечева распускает снопы подмосковных речек
где с тобой разливал гитарист отставной козы
лимита с психодрома местечковый антисоветчик
век собака на страже в кустах теребить говно
велика целина облеченная в снежный капор
пусть и будет одна у ребят раз другой не дано
я вот выпил и песню сложил ты послушай прапор

побег

понимаешь какая загвоздка
мы по первой неправильно рыли
всюду камень а сверху известка
наглотались как суслики пыли
там решетка была за парашей
вот туда бы и сразу болваны
как сурки намудохались с сашей
метров двести до этой поляны
роба в клочья и с голоду босы
что-то местность тут больно глухая
шутки набок во вторник допросы
и за сашкой пришлют вертухая
хорошо вы как раз прилетели
мы ведь сами к вам в космос хотели

хоть по-честному вы и уроды
даже хобот спасителя чуден
много милостей есть у природы
научил нас товарищ мичурин
лучше дохлую в лапы синицу
чем журавль в небесах по желанью
отведите в свою колесницу
накормите какой-нибудь дрянью
это кто в чешуе перепончат
и трава почему как чернила
слышь сашок а они не прикончат
что башка с чифиря учинила
вроде четко на запад копали
а куда неизвестно попали

ну ты ладно стволом-то не тыкай
желтоглазый и жопа как мощи
ща как печень пощупаю пикой
кончишь бегать на блинчики к теще
хоть бацилла в тюрьме не из жирных
быстро брысь на казенных носилках
а о наших загубленных жизнях
сложат песни на всех пересылках
бей безносую в зубья заразу
он убил меня смертью героя
ты гляди как светло у них сразу
вышло солнышко следом второе

выше рыло в такую погоду
хорошо умирать за свободу

неписьмо

семь лет как мы не виделись поди
теперь такие промежутки жизни
прорехи между встречами пора
считать прощальными и заблуждений
насчет резерва я лишен но ты
посуществуй еще

я изложу
как если бы ты был или была
звеном реальности пускай она
нас в стороны швыряла по абсциссе
над руслом неживой воды я вслух
поведаю моменты и отрезки
вернее письменно вернее молча
семь тысяч километров плюс семь лет
пускай не световых и то спасибо
ведь это был или была не ты
кому беззвучно в воздух или в стену
я говорю

я собственно молчу

в полупостели в цифровой пустыне
проспал всю зиму и визит к врачу
но там клистир заряжен холостыми
давай сперва уговоримся быть
в одной из этих медленных вселенных
откуда вверх по ординате нить
в спиралях ускорений постепенных
нам скоро всмятку и стена в конце

недосвиданья непрощай
ац

простые числа

темна истекает из облачной бязи водица
на дачный плетень
становится звездно и вечная пряха садится
на свой бюллетень

как бережно редкие вслух тишина отражает
слова в синеве
как будто не ночь осторожную речь окружает
а целые две

разрезанным зрением с разных поверхностей двойню
увижу едва
в светящемся в сумерки платье которую помню
и ту что была

единственной без отраженья в грядущем когда я
на долгом посту
под сохнущим млечным бельем о свиданье гадая
дышал в темноту

конверт не вернется о чем никогда не спросила
с ответом внутри
повадишься сниться сперва захвати керосина
и спички бери

встань неопалимо с протянутым факелом третья
любви поперек
откуда навек и на все световые столетья
горит рагнарёк

memento

в лесу раздавался раскат пионерской трубы
погода стояла из тех на которые ропщем
струила осадки а мы например по грибы
ну то есть не прямо в упор по грибы а по общим
вопросам повестки допустим из зябнущих ласт
товарища в очередь за невозвратной канистрой
и если какая из спутниц согласие даст
злоупотребить под сосной благосклонностью быстрой
в смотря по условиям реалистической позе
так мы убирали морковь в подмосковном колхозе

как светятся мокрые их самокрутки в лесу
сограждане аж зажигалки в ладонях дрожат их
анфиса стояла анфас заплетая косу
и двое на поиски добрых пионервожатых
я вот что случайно придумал когда я умру
ну то есть не весь но частично и ящик мне впору
спроворят снесите меня одноклассники.ру
или однокурсники.ру на высокую гору
тьфу чертова рифма в тот лес где настала зима
и тысячелетней моркови полны закрома

так зябнут ладони так ясно что незачем греть их
на дальнем последнем свиданье в сосновом кольце
где мы пионеры мы дети рабов то есть этих
которые всех обшивают атласом в конце
нам разве не лучше собраться с канистрой у клязьмы
с той быстрой улыбкой теплей тополиной пурги
где нерасторжимы объятья и встречи прекрасны
постой благосклонное время вперед не беги
скорей распахни надо всеми лазурный атлас
и в прежней косе бесконечной анфиса анфас

ключицы

чужая повесть из чужого дня
сама успела или ты дождался
весь эпизод где не было меня
как будто умер или не рождался
как трепетно за тех кем изнутри
не побывал и глаз который сверху
вонзается ты у меня смотри
тела слепые торопя на сверку
по чипам где блеснут из-под белья
он точно знает кто из них не я

мы разве живы мы с тобой кино
шестидесятых или даже хуже
когда спешим сжимая полкило
трески и черно-белый ливень в луже
с экрана правде плыть наперекор
продрогшему где горько там и стопка
а там за дверью грубый перебор
реальности ее не нужно столько
здесь третье измерение мечта
в нем глаз горит сквозь пыль и слез ни капли
существовал же я раз эти кадры
у них в монтажной есть и про меня

она пришла но в теле не теплей
не донесется голос и не надо
теперь ее сыграла бы рената
литвинова но это не теперь
вся в кофточке с ключицами эфирно
пока живьем монтажный нож в куски
я полкило тебе принес трески
но совершенно из другого фильма
куда глаза без автора внутри
разъят на нестыкуемые части
непопадание в рукав руки
невозвращение рассудка к власти
и пустота как пульс в сплетенье лет
где свет мерещился но нынче нет

башня

когда собирали из всех городов
смотреть на чрезмерное чудо
стоял очарован к экстазу готов
и руку горячую чью-то
сжимал второпях в голосящей толпе
не глядя а может их было и две

но сорванный голос кричи не кричи
пощады снискал ни полстолька
когда в обреченных меча кирпичи
обрушилась с ревом постройка
так пыльно и каменно пела река
в которой навеки разжалась рука

мы древних зверей приутихший народ
с тех пор как победное небо
с родившихся тел языками берет
в казну себе подать и вено
улитка улитка в мозгу пустота
молчанье моллюска мычанье скота

ты помнишь в арыке багрово текло
удушливой молнии петли
и мертвой руки человека тепло
живой все мерещится нет ли
где корчась и знаменья звездам творя
лежала на камне вторая твоя

мы черная речь расчлененной земли
мерси за постой и покупки
потомкам поведали все что смогли
милосские наши обрубки
из лувра светилам сигналит мольбу
улитка улитка с культями во лбу

* * *

сеет небо густой цемент
головой в стекло пациент
смысла ждет из смежных галактик
чуя в космосе перекос
рой иридиевых стрекоз
параноик но твердый практик
к фактику подгоняет фактик
уж такой извольте психоз

порошок ложится до крыш
цепенеет в цементе мышь
но истлев оставляет полость
если влип схлопотав статью
персонажем в чужую повесть
то сегодня назад в свою

эх страдал бы за вашу всегда
жизнь без доктора и укола
но велит заменить судьба
подлинник меня на другого
жерди в перетяжках ремней
здесь такой поживет верней

дрогнет нервы от бурь храня
молибденовая броня
легче лития клетки мозга
кровь о ребра внутри как розга
космос крив и зубаст как фьорд
в перепонках парсеки рвутся
как же мир потемневший тверд
в нем живому не повернуться
только сзади свистит пуста
трубчатая свирель хвоста

игла

черную сестру зовут наташа
недоумение имени
тезка мата-хари из мультфильма
ни одна живая наташа не пострадала
в ходе эксперимента

жизнь изловили жгутом
в самом неувертливом месте
дрожит и ежится
в верховьях вены
игла из полого металла

в детстве во сне она летала

если даже не жалко жертвы
стыдно струсить до обморока
до губки с уксусом к губам
опустите пожалуйста синие веки
фальшивая наташа жалеет
но ей позарез для заклинаний
иначе застрянет на взлетной
лунное затмение зря

липко заклеивает
приглаживает края
сие есть кровь моя
нового завета
пейте ее за это

парламент пчел

сменить полет шмеля на честный улей пчел
экономический в синклите их усталом
прогресс присутствует как сам вчера прочел
в газете ветром припечатанной к сусалам
смотри как строем вверх когда рассвет костром
синхронных крыльев гром большой пердеж работы
а частнику вовек презрительный газпром
не отслюнит бабла за сольные полеты
пункт назначения где лбом в стекло и в рай
пой римский-корсаков в уме айпод играй

иль не осилить мне как желтенькие все
с лукошками в луга лишь отроится свора
косоворотки сплошь в трудящейся росе
с их плясками славян под стрекот медосбора
с балетом искренним по телеку в кремле
где в соты собрана питательная рвота
и все на одного блюдя в келейной мгле
честь насекомого червя и патриота
где уплетая мед и продлевая вид
медведев с царственной медведевицей спит

зачем я черный частным образом лечу
в полоску желтую уже незрима слава
и встречный ветер вывихом чреват плечу
четвертому нет врешь похоже третье справа
я стар и скоро ночь не покладая крыл
аэродинамичен точно мокрый куль я
но засветло не сбит и разве слаб я был
коль клал на медосбор и сторонился улья
где вечный пасечник придет собрать с ведром
парламент мертвых пчел их праздник и газпром

умиление зверей

спадал туман когда они пришли
из уст ручьем бежала речь чужая
рабы отстегивали в пыль мешки
натруженных животных разгружая
дивясь вовсю диковинным дарам
а мельхиор нейзильбер и вольфрам
цари премудрой твердости и блеска
посланники рентгеновских галактик
сочились внутрь внося свой блеск с собой
там впрочем гости нужные уже
механизаторы животноводы
сияли в резком свете сверхзвезды
как топоры наотмашь их портреты
текли и плавились от жара череп
топорщил уцелевшие резцы
обозначая радость лишь в одном
углу клубился полумрак в котором
терялось материнское лицо
и в куче одеял и полотенец
молчал младенец

всюду из щелей
ползли земли неправильные дети
блестя хитином те кто посмелей
теснясь к стене кто крысы или эти
тушканы например и скорпион
вертел хвостом свивалась в кольца кобра
иссохшим сердцем тюкая о ребра
стремился сцинк любой убогий гад
из негева вараны и медведки
которых в честь гаранта нарекли
еще до всенародных клещи к небу
молитвенно вздымали уховертки
и черви всех моделей рыли пыль
умильно шелестя мы тоже божьи
нам жалко жить пусть мы обречены
как тихий мусор смерти но звезда
любви сегодня всех свела сюда

вмиг плети визгнули взвились мечи
давили в камень мулами топтали

когда ты червь попробуй покричи
с ботинком на груди и без гортани
вольфрам рубил хитин нейзильбер нерв
сгребая нежить в ряд посмертных груд
ударники животноводства тоже
жезлами ударяли сям и тут
подошвы в липкой каше с чешуей
а с лезвий каплет кровь нечеловека
но невредим и окружен семьей
молчит младенец на лоскутном ложе

и я который был один из них
обоих и неправильных и верных
вздымая тяжкий жезл юля в пыли
головогрудью влажно созерцал
из сорванных фасеточных ячеек
свой состоящий из щелей и дыр
единственный как боль и нелюбимый мир

сватовство майора

там где ртуть в корунде роет
русло с целью вытечь прочь
воспитал старик андроид
электрическую дочь

часто баловал девчонку
собирать ей был готов
цифровую собачонку
или квантовых котов

хлоп рубидия три грамма
сетью датчиков светя
и в диапазоне гамма
любовался на дитя

если в схеме не поломка
нынче девочке года
индуктировать потомка
но без пары никуда

поспевай корабль скорее
не грусти моя краса
позитронные бореи
изодрали паруса

не гляди что я белковый
так и липнет пыль ко мне
я красивый и толковый
в герметической броне

нам скафандр старик андроид
обустроит на двоих
в нем коррозия не тронет
электронных рук твоих

будет мой тебе приятен
трансурановый набор
скромный дар тяжелых ядер
я космический майор

но тоска моя напрасна
в сердце девы ноль тепла
в твердом русле ртуть погасла
ночь молчит и дочь темна

скоро с маршем похоронным
в энтропию всем пора
где за карликом нейтронным
дышит черная дыра

зря питал такую страсть я
понапрасну к ней летел
видно нет у жизни счастья
для ее белковых тел

московское время

голодный тушинский постой
ненужный нож карман пустой
приборы жизни бедной
и кто в гостях у нас была
в пальто из мутного стекла
в железной шляпке с лентой

что я за диво был тогда
изгой всеобщего труда
в одной отдельно взятой
квартире на краю москвы
улитка липкие мозги
с ее спиральной хатой

поможешь гостье снять берет
прибит к столу ее портрет
стакан и ложка в каше
надел штаны сходил в овир
изъездил целый божий мир
уже небожий даже

штаны на стул и снова лег
к свече чадящей мотылек
прости моя святая
как тот в астапове толстой
твое лицо в его простой
оправе прочь сметая

гандлевский пьет кенжеев вслед
над тушином слабеет свет
заштриховала лица
последняя спираль пурги
и липкий с рожками внутри
молчит не шевелится

* * *

конь в горизонт зазубренным хребтом
сквозь приступ зрения саднит глазница
я нем на берегу а ты на том
возница клячу по хребту кнутом
откуда этот конь и кто возница
должно быть снится

так судорожно наловчился спать
так ощупью существовать без света
что сердце перескакивает вспять
как в малярийном сне челнок сюжета
что тщится значить этот млечный конь
в багровых струпьях но ничуть не прытче
следящему тупым учеником
в суфийской притче

на склоне ты чья страсть наверняка
впотьмах артикулирует без звука
внизу возница в розгах ивняка
молчания печаль и слов разлука
безумный нищце у себя в дыму
чистилищном соображал не хуже
тебя как больно может быть тому
кто завершает жизнь в колбасной туше
сапожник звук пожарник свет скорей
здесь время вдребезги как в стекла птица
хоть вздохом на минуту смерть согрей
но конь падет и сердце прекратится
где мы два штопора влюбленной пыли
так молча были

* * *

рисовала как росла
ива
с треугольником дрозда
криво
и с притоками река
слева
словно синяя рука
с неба
летний лес последний лист
порван
в черепе от мыслей чист
орган

лучше краски я раздам
детям
а мозги свои дроздам
этим
рисовала да нельзя
сбыться
иву в лапах унесла
птица
дымом в облако густым
лес там
просто становясь пустым
местом

* * *

как весело разглядывать синиц
поправ свои фальшивые несчастья
их клювы в центре деликатных лиц
их цепких лап фигурные запястья
вот и скажи на что нам эти мы
взирающие в небо неподвижно
когда из предков лучшие умы
резьбу сорвали а летать не вышло

и как же славно жить среди жуков
ликует дух что их всегда так много
что каждый расторопен и толков
вертясь в избытке воздуха дневного
нет не беда что даже есть медвед-
ки под землей душа им нежно рада
в них правда прелести излишней нет
но мы страшней нас здесь вообще не надо

приятно знать что все они везде
встречаются то есть не мы а эти
слагающие гимны в высоте
и слабые как мысли или дети
жить только ради них пускай летят
кому вся твердь чертог и ночь служанка
а если нас изловят и съедят
то поделом ни одного не жалко

я впрочем добр и даже тех прощу
кто груб за то что певчий вечер чуден
хоть человек подобен здесь прыщу
не зря трудились дарвин и мичурин
прекрасен мир и бесполезна злость
к тому кто мрачный но недолгий гость

* * *

река в ракитах спит сгибая берег влево
до перистой зари раскинув ребра дна
красавица вода расплавленное время
чуть время истечет а ты у нас одна

все резче к очагу внутрь в киноварь пожара
цветных царица недр нагая кровь травы
тех что почти вчера так нежно отражала
все меньше лиц людских они теперь твои

стрела в своем стволе где всем светло и жидко
всех участей раствор и на просвет с любой
бликует как любви доверчивая жилка
на золотом виске последней синевой

виски склонить и спать не напрягая репу
когда в страду устав от неба и камней
кому нельзя ступить в одну и ту же реку
войти себе в одну и оставаться в ней

пусть можно смолоду судьбы себе желая
жить поперек как мост над струями резвясь
но в ветхом космосе где ты одна живая
мы больше не нужны здесь хорошо без нас

* * *

лет что ли шесть мы были с ним знакомы
точнее семь но все прощальных три
он пролежал не выходя из комы
как дух кому безвыходно внутри

поди пойми вдруг там простор для духа
стоустый пев и ангелы пургой
а здесь на койке две щеки два уха
но не такой как ты совсем другой

пока в бетон закатывали утро
гвоздями крепко накрест свет дневной
как я кричал ему внутри мне трудно
мне здесь темно поговори со мной

стоял сезон яги и бармалея
с откоса в русло ужаса влекло
я жителем служил я спал болея
а он ушел и был из нас никто

но чем взрослей тем стискивало хуже
все шорохи в уме в душе щелчки
так было жить безвыходно снаружи
ощупаешь два уха две щеки

там у него внутри в огне мгновенье
вполнеба угольный неповторим
и чудится сквозь плеск крыла и пенье
здесь хорошо пошли поговорим

отец и офицеры мать на пляже
полмальчика под гипсом и бинтом
от силы семь ему нет меньше даже
и больше нет нигде меня потом

* * *

больше не вдохнуть детский сумрак цирка
впредь не жмурить жмурок не прятать пряток
потому что возраст такая цифра
что приводит в ужас хоть он и краток

с ферм с колосников перелетной зоны
за жерлом прожектора на манеже
видишь нелюдские из бездны взоры
это те же зрители только реже

ой ли вы в потемках лесные лисы
ой сурки вы суслики ли степные
пропускной контроль проходи без визы
где-то близко вместе все остальные

в месте где условились в точке той же
я иду искать ни подсказки больше

* * *

по ноябрьскому городу
тусклым зрением ниц
вычисляешь по голосу
вечереющих птиц

крепок бережным разумом
бьет на скате кривом
воробей одноразовым
невеликим крылом

терпеливые жители
тупика наверху
все немногое видели
на пернатом веку

верят правилу твердому
по фигуре петру
что отмерено федору
воробьи на ветру

вслед за слабыми мыслями
уноси и меня
ветер кем перечислены
этих птиц имена

выше к бирже и ратуше
за свеченье каймы
где они никогда уже
но живые как мы

* * *

мертвый март пришел из стужи
инвалидом без руки
окровавленный снаружи
как живые изнутри

сквозь торосы и преграды
стены снега линзы льда
мы ему не слишком рады
мы не рады никогда

мы весну имели точно
но не мертвый март в виду
он в ответ давайте вот что
я побуду и уйду

пусть апрель приходит пенный
в яблоневом вмиг огне
все равно я был здесь первый
помните и обо мне

* * *

если вдруг чего и жалко
напоследок это только
карусельная лошадка
шоколадная коровка

петушок из карамели
кто изгрыз его до древка
в детстве плакали и ели
но они живые редко

так за них обидно было
и вообще бывало грустно
чуть глаза прикроешь быстро
навсегда на свете пусто

вспомнится стояло лето
зной ковыльный у калиток
добывали в речке небо
легким неводом из ниток

кто живет мешая людям
понапрасну небо тратит
сколько неба ни добудем
все равно на всех не хватит

дверь

лепили потолки врезали дверь
гвоздей понавезли откуда знали
вот дом в котором заживем теперь
вручили ключ битком набили нами
кантаты жителей в окне звучат
про жатву лет и урожай внучат

что за пример в картинках эти мы
выпускники саванны скопом стая
понаведенных компасом из тьмы
модель приспособления простая
суп в пасть и рыльца быстренько в стекло
где луг в стрекозах и всегда светло

здесь правда отопленье не ахти
проводка барахлит и бабы дуры
но ничего приличней не найти
другой в округе ноль архитектуры
все современники с утра в дугу
им пофиг что стрекозы на лугу

тем временем прогресс поскольку мы
стекло долой и скоро все картоном
продвинутые все-таки умы
стрекозы бред есть только дом в котором
периметр стен цементный блок в земле
созвездия гвоздей где впрок забили
есть запись что предтечи на заре
врезали дверь но где она забыли
лишь в щель глядит безмозглое дитя
там бог живет и в зной жужжит летя

* * *

женщин с детства сажали к шитью
а мужчина в сражениях жуток
сам я редко на свете живу
только раз что и было без шуток
даже именем звали меня
узнавая по разным приметам
потому что дают имена
всем живущим и мертвым предметам
на всю жизнь чтобы проще текла
выйдут замуж споют и сопьются
а потом умирают тела
но от них имена остаются
дескать пожил но дольше нельзя
имярек и погиб в сорок пятом
вот и все твои сказки земля
все легенды твои о распятом
одиноко под гнетом гния
разлагаться в компост или силос
может даже и жил-то не я
это чье-то чужое приснилось
много проще не быть никогда
чем слепому зигзагом по свету
где пространство внутри как вода
только жажда но жидкости нету

* * *

дома уперлись в тучи и молчат
в них полночь отмечают человечью
в логу волчица вывела волчат
и мучится что не владеет речью

как объяснить что рождены в чужой
стране зверей как передать потомку
что через поле движется межой
судьба с дробовиком наизготовку

когда бы говорить она могла
и если б ей язык а детям уши
то речь ее как черная игла
пронзила бы их маленькие души

пускай в лесу барсук на речке бобр
лось на лугу и дичь повсюду летом
но если мир на первый взгляд и добр
ты волк ему не забывай об этом

* * *

однажды солнце село навсегда
особенно неистовствовал дворник
он клялся что взойдет-таки во вторник
но не взошло а ведь уже среда

мы поначалу стали делать вид
что в сущности не тяготимся этим
и лицемерно объясняли детям
что солнце есть и что оно горит

но вот работник лома и метлы
отчаявшись терпеть и как бы в шутку
нам объявил сложив приборы в будку
что жизнь прошла что мы теперь мертвы

и стало жалко тратить пот и труд
и стало слышно в тихом плеске леты
как маленькие детские скелеты
в песочнице совочками скребут

евразия

плотное прошлое в темени вещая брешь
время сочится как патока в черепе мглистом
шустрый родился мальчонка и личиком свеж
вырастет телеграфистом

или соседская только от пола вершок
нищим спешит пособить от чужого излишка
в питер конечно где знаний премудрый мешок
там и короткая стрижка

глупые добрые больше не сыщем таких
пусть хоть лесков хоть любой достоевский глумится
с совести время взимает обратный тариф
тленом ложится на лица

будущий свежую жертву привяжет к огню
пепел любых поколений развеет на травы
императиву который засох на корню
и револьверу расправы

вспомни россию она череда ноябрей
поздно взлетали да легок мороз на помине
нас как и прежних которые были добрей
тоже как не было в мире

только и вдавлены в липкое невдалеке
небо где всклень наливают последние в списке
телеграфист с окровавленной лентой в руке
всмятку глаза нигилистки

редкая гостья история в эти края
жизней до жопы у каждого жителя две лишь
родины эта и есть напоследок твоя
веришь не веришь
не веришь

день победы

умчаться в глушь пока желта в покое
по всей равнине рожь
бери себе правительство такое
какое унесешь

жить наугад невинно и нелепо
на нищие рубли
но это будет государство лета
республика любви

в такой разлуке тверже образ дома
то редкое родство
куда не вхожи ратники газпрома
и фрейлины его

вдали от удали поправить нервы
а то и мозг слегка
где родина шиповника и вербы
россия тростника

весь лес без лозунгов и рек пробелы
проштриховать стопой
здесь если и наступит день победы
то разве над собой

что общего меж их железом ржавым
и обмороком ржи
где в вечной дружбе жизнь не по скрижалям
со смертью не по лжи

контакт

пальмовая подозрительна поросль
юркие тени тюрбан борода
там анониму поправили пояс
смертника в потной руке провода
жизни похоже и не было кроме
мига пройти роковую тропу
вот поднимается облако крови
плотью парной поливая толпу

долго висеть в этом воздухе взятом
тенью взаймы неживому нельзя
что я спою остывающим взглядом
тем кто в пыли собирает глаза
что завещать очевидцам увечным
с гайкой в уме или в глотке иглой
зайчики в крестике что моя речь им
сказка кастрата о бабе былой
мечутся в неводе люди вы люди
слюбимся-слипнемся шарики ртути

правда не ложь но тогда это чьи же
жабры и лопасти в ромбе кривом
близко на бреющем нужно ли ниже
ангел с культей и багровым крылом
в небе ни голода больше ни жажды
божья ночлежка любому бомжу
разве не я уже умер однажды
но никому из живых не скажу
койки рядком в перспективу как были
в душ бы с утра но ни тела ни пыли
жизнь теорема итог ее факт
бей электричество
искра
контакт

ошибка

он думал все путем там бог и петр с отмычкой
умру себе чуток и электричка в рай
он полагал что жизнь была дурной привычкой
а вышло так что хоть вообще не умирай

здесь где в имущество превращены все люди
порочным был расчет на истеченье лет
где арфы эти все и созерцанье сути
ни звука и никто не зажигает свет

вот крупская его в трагической одежде
или дружбан в соплях печально кычет речь
а он совсем не там где представлялось прежде
он в месте где не встать кому однажды лечь

наслушался страстей о сказочном еврее
считал что жизнь трамплин а дальше все легко
вот он лежит в гробу и кто его мертвее
спросите у него он умер или кто

снаружи солнышко в траве шурует ежик
большой набор жуков вверху комплект комет
противно умирать давайте жить кто может
а кто не может жить того на свете нет

и разве плохо нам и разве так уж нужно
скончаться насмерть ради радости врага
как глупо умирать пока живые дружно
смешно воображать жемчужные врата

мы все выпускники нам больше бог не завуч
нет с ключиком ни буратино ни петра
пускай вся жизнь твоя была лишь сказка на ночь
она хорошая пусть длится до утра

* * *

чуть гормональная накрыла грусть
и в грудь кольнула
мне выучить мечталось наизусть
стихи катулла

в те дни я ничего не знал о нем
но был позером
и прозябать провинциальным пнем
считал позором

с любой из вас сойдусь на берегу
или в палатке
и лесбией игриво нареку
гамбит в порядке

пусть вертятся под окнами терпя
как сам недавно
ах лесбия любил бы я тебя
когда б не дафна

как щит персея зеркало давно
с лицом горгоны
с катуллом мы почти на равных но
в гробу гормоны

сегодня собран урожай в мозгу
а нивы голы
я выучил и наизусть могу
его глаголы

не потому ль с приплодом голова
что сердце в глине
и на устах все пристальней слова
иной латыни

* * *

мы гадость горазды сказать о морже
на зайца позорны наветы
охотник шпигует свинцовым драже
медвежье семейство с конфеты
с коровой наш дискурс кровав и непрост
змея возбуждает икоту
и если на шапке енотовый хвост
то с чем оставаться еноту
рабы распорядка носители брюк
лесных истребителей раса
все реже животных я вижу вокруг
но супа все больше и мяса
отныне вы мне никакие не мы
здесь узник родней персонала тюрьмы

подальше от всех обитаемых мест
где супа природа не просит
хоть волк этих зайцев местами и ест
он скоро заплачет и бросит
в раю где возляжет с шакалом барсук
волк примет морковку из заячьих рук
приветствуя дружбу как гостью
на вас же помет плотоядных лифтерш
и лордов положит презрительный морж
прибор с этой внутренней костью

* * *

так наступает простуда
или мигрень иногда
словно повестка оттуда
или путевка туда

жизнь коротка и ревнива
жалко что быстро отбой
вдруг развернется равнина
прежней земли под тобой

страсти ее и обманы
в солнечном омуте вниз
вспыхнут лесные поляны
искрами маленьких лис

в цинковой тусклой обшивке
город кивнет головой
там в дребезжащей машинке
мчит человек трудовой

сердце разлуке не радо
сердится и не поет
лучше ему бы не надо
в этот последний полет

заживо были в награду
радости разных систем
только вот смерти взаправду
не было с нами ни с кем

в нитках серебряных елка
легкие волки в степи
больно еще но недолго
жил а теперь потерпи

* * *

лишь начерно речь но уму неуступчив язык
он магма внизу чей резон не извергнется сразу
сквозь лживые зубы где звук уязвимо возник
как органы рта ни терзай терпеливую фразу

умели же прежде которые лучше чем мы
но жало точи и в хандру не впадай переросток
подлеска спуская в потемках слепые челны
случайные речи которым гортань перекресток

ты раб своей правды и должен стараться как те
сливая слова километрами в макулатуру
пока эта фраза в упругой своей прямоте
не прянет как скальпель сквозь шейную мускулатуру

пока не сподобишься ясного слова с высот
над их просторечьем над спрятанным в охру и сурик
подлеском такого что каждому башню снесет
хоть даун собой из низов хоть фенилкетонурик

пусть время кромешно вращает свои жернова
над местом в строке где насквозь прогорела страница
свидетели шрам и ожог что надежда жива
что сбудется правда и древний язык повторится

* * *

у фонарного ночью столба
из кромешного мрака
неожиданно сбилась толпа
дтп или драка

чем им отдых всеобщий не свят
объясни мне бабуля
почему эти люди не спят
скопом кровь карауля

или смена им выпала в ночь
с перспективой отгула
может загодя вышли помочь
но прознали откуда

или всякое горе свое
счет слезам и обидам
тянет к горю как в копны жнивье
как опилки магнитом

я над горем своим не скорблю
над чужим не ликую
я себе среди ваших судьбу
не хочу никакую

* * *

дуб шумит века
не пригнется
уплыла река
не вернется

отчий дом вода
легких капель
все лежит года
ржавый кабель

из железа жгут
гаек горстка
звезды вечность пьют
из наперстка

тень теперь легла
на полмили
где была игла
надломили

где скользила нить
оборвали
будем долго жить
но едва ли

в небе нет руки
шлющей милость
никакой реки
а приснилась

рапсодия в уступительном наклонении

мент животное бтр машина
во поле что ни береза то елка
спецприемник святцы где всякий тезка
пейзажисты шишкинского пошиба
утописты толкиновского толка
лабиринты розановского мозга

то ли запах век не изъять из навоза
то ли крен заложен в дизайн отвеса
отчего чужой и ни внутрь ни прочь я
чья в колючках изгородь ой ты роза
люксембург в цукатах и вся одесса
сорок лет топчусь на опушке леса
все блядь кычет в чаще аж печень в клочья

не жалею блядь не зову не плачу
по вопросам прежнего недолива
только б впредь почетче считали сдачу
глина б грудь убогую не давила
в печени стрекочет стальная птица
в избу бы с разбега и вдрызг напиться
побузил в сенях заглянуть позвали
лей аленушка в стопарь из копытца
все равно козленочком раз с козлами

парк

ныряло в пруд неловкое весло
с эстрады трель потрепанной певички
хотя в тот вечер мне с тобой везло
я нервничал страдая по привычке
парк был велик в нем бытовала боль
других времен в дубраве за эстрадой
но я не понимал я был с тобой
хоть вымок весь и с музыкой писклявой
я обещал тебе что не умрешь
соврал как мог но ты конечно знала
и умерла и все пейзажи ложь
за исключеньем парка и вокзала

вот полоса и всем она тесна
меж зеленью и рельсовым железом
там ширины в касание весла
дрожь искушения с дежурным бесом
возьми чуть вбок я здесь сходил с ума
пока цвело и липы подрастали
на берегу шумерского письма
чья глинопись сочинена дроздами
потом чертог свистка и чугуна
портал из пламени в слоях асбеста
откуда отбывала ты одна
оплаченное человекоместо

нам больше не доверят жить нигде
у них в запасе нет другого мира
где тоже отражение в воде
твое и лодка весла уронила
коль в кулаке плацкарта у меня
мент в кураже в буфете кофе редок
понять бы кто такая умерла
и на какой из предстоящих веток
сквер изгородь чугунные цветы
их поливали оловом наверно
и постамент на нем должно быть ты
с моим веслом и гипсовая серна

* * *

когда под кепкой гулкий купол пуст
вдруг различить в урчании забытом
песка в мозгу и щебня под копытом
отчетливый и симметричный хруст

ум умер но умолкший голос густ
как кровь живьем по кожаным орбитам
ночная лампочка пока в крови там
но не включить очей увечных уст

не отпереть и воедино двух
не слить надежда испускает дух
в конце чтоб первой околела память

где с титульного вся любовь листа
и та которая но нет не та
которая и это не поправить

угорщина

помнишь друже родину в октябре
ветер лют и хмара вверху лохмата
как с ребятами мокро мерз на угре
против стремной рати царя ахмата
у татарина конь быстр крепка тетива
но и наши душ не щадят пищали
день пройдет то ли месяц а то ли два
выпьешь ковш вся масть от цинги прыщами
ночью байки в дозоре с кислой слюной
как в орде черниговский кончил миша
и донской пусть к непрядве силен спиной
но москве устроил месть тохтамыша
мы стоим скоро бросили пить и есть
тыловик донес на руси вверх дном все
терпим друже теперь это наша месть
или снова лажа тогда вернемся

нас не пнешь от брода как ни бодр урус
если плеть столетий не вразумила
пособляй литва постоят побузят и пусть
день дотерпим до помощи казимира
им самим не сладко поди то ли пес завыл
то ли роздан паек на пасть по редиске
а касимовским крысам объясни кто забыл
как кирдык по-нашему по-ордынски
здесь в улусе раба у хана любая вошь
не погладят беглого по головке
поскреби татарина кого найдешь
врешь урус не того кто в твоей поговорке
предок мир копытом вытоптал и умре
так и мы ни вершка назад не давши
пять веков как вкопанные на угре
свист в ушах история мчится дальше

укоризненное

в темнеющих сучьях сова
рабыня привычек
к столу добывает сама
мышей или птичек
не жрет прихотливый хорек
хурму или груши
он многие на смерть обрек
куриные души
пусть верят попы в чудеса
им крестик приманка
но есть ли на свете лиса
вегетарианка

в шуршанье ночных камышей
на мусорных кучах
мучительно жалко мышей
включая летучих
на улицах наших столиц
меж граждан брезгливых
все меньше приветливых птиц
включая бескрылых
и я в этом редком строю
над божьей коровкой
ей реквием ныне пою
всей жизнью короткой

но нет и ее не люблю
ей плач мой не нужен
она безответную тлю
имеет на ужин
кого под конец пристыдим
в тех сумерках грустных
когда беспощадно съедим
всех кротких и вкусных
начнем тараканов трясти
срывая обои
здесь совести не обрести
духовной опоры

вся жизнь твоя голод и ложь
не правда святая

раз ради желудка живешь
животных съедая
настигнет насильника месть
и каждого рядом
чем друга несчастного есть
чем потчевать братом
чем дочери ножик стальной
чем вилку в мозги ей
пусть птицы владеют страной
и свинки морские

на пределе памяти

не в том беда что он покинул нас
семнадцать с чем-то лет тому назад
пожертвовав чужой какой-то жизни
оторванные от своей другому
нежданный дар который он не вправе
дарить а мы принять семнадцать горьких
лет миновавших сами по себе

постойте я скажу вам в чем беда
пора непрожитая им уже
столь велика что невозможно верить
всей этой памяти в чьих клетках меркнет
минувшее оно не существует
вне нас а что внутри нас это наше
там места нет для прошлого других
ведь мы не боги блядские опомнись
он лучше бы смотрел на светофор

как вспомнишь всех кого на свете нет
он в их толпе пропал она все гуще
теперь он вправду мертв вот в чем беда

как беспечальны боги в синем стане
им даже незачем существовать
и отличать от желтого зеленый
вдруг вспоминаешь он же был дальтоник
к чертям богов проблема мы одни
стоящие на мостовой январской
чужую жизнь в объятиях держа

* * *

растерянный стою перед лицом собаки
она не человек черны ее зрачки
здесь люди до сих пор по сторонам стояли
мне скоро третий год я к ним привык почти

собака на цепи она на взрослых злая
но для меня пока она одна из них
а кто из вас добрей я все равно не знаю
я собственно еще в глаза не видел злых

заря прозрения не всем известна в детях
сознание искрит в запутанных узлах
мне надо твердо знать кто я теперь из этих
никто не человек пока не подан знак

как проследить потом и доверять рассудку
когда не отличишь привычки от любви
она берет мой хлеб но тотчас мчится в будку
мне делать нечего я остаюсь с людьми

четвероногий мир с тех пор под корень вымер
но зла не убыло в пространстве небольшом
мне шестьдесят второй я проверяю выбор
который на бегу был сделан малышом

отбой

мы избегали огибать углы
хоть средств к сведенью ссадин не имели
поскольку были смолоду глупы
а к старости отнюдь не поумнели

в таких костях ни гибкости змеи
ни легкости под облаком орлиной
большой запас зеленки извели
круша очки в боях с кирпичной глиной

кому окольного пути домой
не предписать сбивались в стаи с теми
кто думает и ходит по прямой
копытами вперед и мордой в стены

теперь смешно залатывать очки
в анналы вписывать былую схватку
стен не осталось в целости почти
на финишной но ведь и морды всмятку

пространство стало под уклон ровней
и пульс внутри ценой рубцов наружных
но жизнь прошла не докричаться в ней
увечных от любви уже ненужных

логика у края гробика

неужели тебе не противно
что сложение коммутативно
а деление видимо нет
перепуганных предков обычай
сходств на свете искать и различий
проливает на многое свет

только в воображаемом мире
дважды два ежедневно четыре
есть такое одно дважды два
что в зависимости от погоды
до пяти поднимает доходы
или трех с половиной едва

по утрам отшвырнув одеяло
неприятно всегда удивляло
бесполезное небо в глаза
сумму матриц или обезьянку
выворачивай хоть наизнанку
только небо и землю нельзя

этот космос подстроен нарочно
он и прежде держался непрочно
там труха и термиты внутри
цель безумия знаки и числа
отсекать от налипшего смысла
рубль в квадрате без четверти три

правда

в час серебряной ночи в логу соловьином лечь
словно листья в лесу голоса повисают с губ
там русалочьи дочери ночью заводят речь
о сынах человечьих которой который люб

вот забытыми снами всплывают они со дна
лунной плоти заря за столетье не обагрит
этот будет моим навсегда говорит одна
это суженый мой та что слева ей говорит

а которая справа молчит но ее глаза
как вода вековая в реке как зыбучий ил
заглядишься в зрачки и уйти никуда нельзя
и которого выберет тот ей и будет мил

в деревушке за логом сыны человечьи спят
каждый крестик нательный спросонок стиснул в горсти
а в углу где лампада спасительный образ свят
но из спящих ему никого уже не спасти

потому что серебряный им наколдован вред
потому что любовь у русалочьих дочерей
вековая вода из которой побега нет
горше крови людской человечьей тоски черней

если солнце взойдет если чары разгонит прочь
в одночасье русалок сразит смертоносный свет
и к которой притронется та умирает дочь
а которая рядом за ней умирает вслед

но оно не не взойдет и с небес не сиять ему
кто в черненом уснул серебре тот и ай люли
потому что в подводном давно сыновья плену
те кого эти дочери выбрали по любви

сам свидетелем не был но вам рассказал как мог
если правда то вечное обречено червям
а неправду сказал отведите меня в тот лог
и верните без слова русалочьим дочерям

после бога

хрясь ебальником в глину наш сельский бог
мел и уголь облез облупились сурик и охра
всю последнюю сотню лет стоял как мог
но без прежней лютости шибко дохло
мы ли пиво ему не таскали несли еду
танцы в солнцеворот все жопы в саже
чья невеста вестимо первая ночь ему
ну и первенцев тоже без этого как же
у столба собирали траву от сглаза и бед
а теперь хоть всю ночь скачи эффекта нет

хоть соседка и сука но тут как есть права
если рухнул лежи назад жмура не вроешь
может прежнего нам теперь пустить на дрова
сам от рева ослаб пособи-ка кореш
так и лопается от топора в груди
прикипают к прошлому человеки
тихо плещет жена тоже жопу моет поди
так отмоешь разве за вечные веки
лучше сопли утру и издам по избе приказ
замеси старуха погуще краски
у меня бревно с позапрошлого дня припас
надо ножиком зубки ему и глазки
лучше прежнего встанет у врагов на виду
только косточки коленькины соберу пойду

* * *

сентябрь трава по круп нетронутая с лета
без ветра взвизгнет дверь на траурных гвоздях
ты молча входишь в дом не зажигая света
но блик былой луны неугасим в глазах

я все равно не сплю и сослепу что ближе
нашарю зрением стакан и стопку книг
ты у стены а кто другой ведь это ты же
вот только нет луны тогда откуда блик

все правда и джанкой и пегий пес-приблуда
кипела молодость и жизнь была смешна
но здесь же нет кругом ни тропки ни приюта
там не живет никто откуда ты пришла

чуть время грянет град от грома до амбара
но пуст в стекле простор всей ночи остальной
что пользы вспоминать что я тебе не пара
не исчезай скажи что ты пришла за мной

слепа твоя стена лишь блики в ней двоятся
пока не пробил град из налетевших лет
рассказывай уже раз опоздал бояться
мне все равно теперь живая или нет

родина

не с цепными кто кычет у миски к утру
где вождя на притворной гимнастке женили
если выпало с теми кто умер умру
чем шептаться с живыми

мне сирена тревоги с младенческих лет
сладко пела о ненависти и помосте
а у казни в строю даже выживших нет
заманить меня в гости

видно в метрике выжившим жребий таков
за вождями в трясину возвратных столетий
и в пустыне своей после двух сороков
оставаться на третий

тем кто любит любовь велика и в аду
если тело в уплату и гибель на сдачу
всю последнюю совесть какую найду
я на гибель истрачу

ты гори мое гори глазами огня
ниоткуда не видно на горе ответа
много родин теперь на земле у меня
пусть побудет и эта

обожженные болью увижу края
и прольется как свет в перелетное тело
вся на свете любовь или гибель моя
и твоя
сакартвело

* * *

здесь когда-то была страна
а сегодня растет трава
сеет небо мелкую воду
раньше горы торчали вверх
но снесли потому что вред
псам и гусеничному ходу

стала местность ровна как стол
отовсюду достанет ствол
и до каспия плоско лента
чуть притихнет марш в голове
что промолвит трава траве
гамарджоба мшвидоба тквенда

голова говорит внутри
текстиля теперь штуки три
всю в шелка разодену шуру
штуку зелени под матрас
и скатерку в зало как раз
как ясон золотую шкуру

говорит голове трава
видно ты голова права
а неправ кто не вышел ростом
кто в шипах тот и ввысь расти
а кто без тому до кости
на клинке изогнуться остром

там на родине лес высок
меж евксинской водой мысок
и гирканской висит как хочет
сладок в сумерках соловей
кличет мать к столу сыновей
да клинок над кадушкой точит

брат 2

чуть полночь с лязгом поползла ограда
надгробье тетрисом на весь погост
мы в августе закапывали брата
а в сентябре там ясень в полный рост

нашли ничком средь скудной пасторали
все в камеди глаза как монпансье
с попом над свежей ямой постояли
вернулись в дом и выпили на все

гляжу в упор не зная в чем неправда
бригадой бы с камазом не смогли
мы в августе здесь зарывали брата
а в сентябре он дерево смотри

все пришлые кого кричать на помощь
им кривотолки воблой не корми
топор проворен по стволу наотмашь
в суставах звон и лезвие в крови

ни ссадины в стволе и узкий лаков
лист на запястьях узловатых рук
ну ясень да его и звали яков
и тетрисы кровавые вокруг

жилец полей где за сто лет ни злака
лишь этих листьев жуткие флажки
я знал что ты и ты конечно знала
что знаю я что ты когда нашли

вернусь к тебе и слов неловких трата
бессмысленна и ясень как свеча
чадит в ночи где погребали брата
весь долгий август заступом стуча

спокойной ночи

ни гомона с веранды ни родни
сидели вместе а стоим одни
окна в зигзагах гнойная глазница
к ручью случайно голову нагни
ни дна внизу ни сверху отразиться

пустые десны щерит створ дверной
где общий стол гудел перед войной
теперь дыра в непоправимых звездах
из разноцветной жизни надувной
здесь без возврата выпускали воздух

умолк вчерашний плач проглочен смех
старались строили один на всех
и за холмом заветные могилы
но черный луч наставил за ночь вех
где с ними лечь совместно не могли мы

вчера челны куда любовь текла
сегодня пятна слабого тепла
ненужных дружб разрезанные звенья
луна сквозь наши полые тела
протягивает лапы без зазренья

колодец сух мертва в кадушке мышь
пространство пущено под пар и лишь
сердцам внутри до финиша короче
ты верно рядом все еще стоишь
а если нет тогда спокойной ночи

попытка марша

станем жить вполсебя а не то нам
не вполне поясняли за что
заливая гортани бетоном
и железное солнце взошло

голова на размер маловата
но кираса под горлом тверда
к обгоревшим частям агрегата
не подводят теперь провода

не о всех ли до слез беспокоясь
и в прицеле спрямив перекос
нам полярный полковник по пояс
свежий ягель из тундры привез

скромный завтрак простую работу
без единого в пясти гвоздя
потому что не выжить народу
если чьи-то не в землю глаза

чтобы гордость в груди не угасла
озаряя маннгейм и мадрид
наша совесть из нефтеюганска
ослепительным газом горит

пусть этнически чистое тело
за которым хоть с места к венцу
марширует с кем страстно хотело
маневрирует с ним на плацу

и крылато на ангельской дудке
семь голов золотая броня
чтоб железное солнце в желудке
из жерла не жалело огня

* * *

короткое время они на цепи завели
то рысью стремглав то садится и воет ужасно
а тело то в воздухе чуть ли не метр от земли
то в землю по самое то что хоть брось где увязло

добро бы и рыскало если бы речь не ушла
на сверку просроченных дат у полярной параши
голодное время свирепствует из-за угла
где навзничь под камень мослы финишируют наши

хоть в горькую ночь искричись собирая ребят
к столу из заветных душе не поверженных наземь
но жилы на рожах от прожитой водки рябят
и жизни собачьей сезон умножаемый на семь

кто помнит трахеей твои вековые клыки
кто крови покорно подмешивал в твиши предтече
надорванной мышцей не держит пожатой руки
конечность увечную за спину прячет при встрече

в подстеленном воздухе ворвань рывком отстегну
и речь обесточу во рту чтоб мычать не мешала
пусть полуподземное тело пустую страну
червем населяет посмертно беда небольшая

рубиново вверх напоследок лингамы москвы
ее телеухари в стороны света стоусты
кастрюли на стартах конфорок где наши мослы
и маленький мук порученец с корзиной капусты

* * *

до свиданья с гусями
мальчик нильс
на щите написали
jesus lives

адреса на заборе
перечту
шлют в цхинвали и гори
и в читу

мозг для скорости чтенья
облегчен
каждый пункт назначенья
обречен

гром над городом вроде
типа зевс
или вот на билборде
jesus saves

к минимальному риску
понесусь
пусть спасает по списку
иисус

пепел беслана

вдоль стены стены высокой в сумерках совы
ходит петр дозором проверяет засовы
ходит петр с ангелами летучим отрядом
на бедре ключ золотой борода окладом

тверда райская стена только стража тверже
бережет сон праведников и явь их тоже
оглядел петр божий мир закатную тучку
видит дитя перед ним протянуло ручку

видно ищет мать-отца да найдет не скоро
троекратно обошло вкруг стены-забора
только с севера с юга ли все никого там
и подошло в третий раз к жемчужным воротам

не горюй дитя говорит петр не печалься
пойдем глядеть мать-отца кто б ни повстречался
спросим хоть ночь лети напролет хоть вторая
берет дитя на руки и ходу от рая

вот идет петр по миру в калитки стучится
ищет мать-отца дитяти где свет случится
четвертый год ходит слез в бороде не прячет
на плече у петра мертвое дитя плачет

и где упадет слеза что младенца что старца
порастет земля цветом из чистого кварца
светло насквозь горит пламенем камень луг ли
а сорвешь только пепел в ладони да угли

все голоса в сумерках то ли совы кычут
то ли дети кричат во сне мать-отца кличут
вой ветер-ураган райская стена гнется
ищет господь сторожа а он не вернется

* * *

на что уж блохи сучьи пассажиры
или на стебле желтенькие тли
но как и мы дрожа на свете живы
хотя быстрее дня примерно три

тем пламенней любовь вскипает в каждом
животном ставя жребий под вопрос
тех юношей хитиновых под кайфом
и девушек с глазами летних гроз

фасеточными факт но тем усердней
всосавши сок иль выпив крови литр
знакомишься с красивой тлей соседней
создать семью или затеять флирт

тут только второпях не перепутать
блохе не выбрать тлю в подруги дней
как мы допустим любим воблу кушать
но никогда не женимся на ней

любовь любовь таинственная сила
то аппетит а то союз сердец
вчера блоха флиртуя укусила
потом чума и ты уже мертвец

я не мертвец чужой любви вчерашней
мне чувство общей близости острей
пока рука лопаты рукопашней
с латинскими названьями костей

блоха целует суженого влажно
трепещут страстью органы у тли
а завтра гроб и им уже не важно
кто автор книги имена любви

* * *

вдруг на шлее у трепетного древка
нам винограднЫ с гелием шары
мороженым торгует в голос девка
и жители желтеют от жары

всем сердцем к ним но медленные мимо
чуть сумерки наискосок семья
как всем наедине с погодой мило
как жарко жить но хочется всегда

долой глотками перелетной пыли
в пространства утешительные швы
спасибо всем что мы такие были
и следующим славно что пришли

кто испытал но юношеству сложно
уж как бы кажется любил вон ту
когда бы жил но и отсюда можно
хорошую с мороженым во рту

в сень лесопарка искреннее это
в ее альбом вполголоса давно
у года гость единственное лето
из всей зимы второго не дано

еще с колен мольбой и всплеск олений
в слепую опрометь сквозь воск в зевке
там на лету из всех исчезновений
последнее как снег на языке

* * *

спросонок ни имени в мире ни рядом родни
как будто продрогшее пригоршней сердце разжалось
и к зеркалу рысью но голые звезды одни
дрожат в промежутке где прежде лицо отражалось

неважно чужим что живое и жалко его
слипаются птицы в зрачках расступаются сосны
в лесу только зеркало тычет слепое жерло
наружу смотри как созвездия в нем кровеносны

так явь убеждает объекты в разлуке с собой
в пустеющем смысле стекла после птиц и растений
нулем в знаменателе сном в сердцевине самой
системы отсутствий сломав распорядок осенний

авральный архангел отбой веструби на губной
гармонике грома в искрящем зазоре контакта
обеих реальностей сердцу из двух ни в одной
не вычислить нынче чью полночь качало когда-то

отсюда вопрос на засыпку начальнику дней
в любой из действительностей где в зените десница
с гармоникой как относиться к отсутствию в ней
которому снилось бы снова но нечему сниться

рассказ очевидца

Zbyt stary żeby nosić broń i walczyć jak inni —
wyznaczono mi z łaski poślednią rolę kronikarza
zapisuję — nie wiadomo dla kogo — dzieje oblężenia
Z. Herbert, Raport z oblężonego miasta

на солнечных часах четвертый век
до нашей эры мобилизовали
большое войско и вперед на персов
я состою историком в строю
описывая ход событий скоро
царю придется не по вкусу тон
моих записок он себе придумал
культ личности придворные на брюхе
к нему ползут он азиатский дух
вселил в свободные сердца а мой
крамольный стиль сулит немилость персы
повержены но побеждают лежа
меня швырнут в темницу здешний зной
похлеще пыток скоро мне хана

я впрочем время изогнул не в ту
из двух наукой признанных сторон
проклятый зной вначале был вильгельм
завоеватель а за ним альфред
великий и вторая половина
империи прилипла к первой так
заподлицо что семеро держи
как будто и не распадалась дарий
мчит прочь от гавгамел пока великий
завоеватель в пелле на горшке
агукает таблетку бы от боли
они такие блин изобретут
с пяти колес экстаз неописуем
я молча мертв

о путник передай
когда вернешься в грецию народу
вернее деду или лучше дяде
внучатому он академик минц
я знаю дорогая угадайка
по сколько кубиков они за раз
здесь вкатывают за такие чувства

я описал все в точности но жизнь
случилась как могла и вот народ
молчит и море черное как вакса
полным-полно бумажных кораблей
взгляните на часы они стоят

змея

когда наш бриг швырнуло за гебриды
и гибель подступала велика
все были злы и третий день небриты
кромешный шквал несло с материка
сломайся грот ничто бы не спасло
но штиль настал как серое стекло

мы за сент-кильдой сеть бросали с юта
все снасти в клочья чертова зима
потом на палубе в бреду как будто
плашмя лежала женщина-змея
вся влажная в ожогах поздних звезд
и радужный стучал о мачту хвост

я знаю зло я раз безделки ради
убил и нож не залежится вновь
но лезвие в ее зеленом взгляде
срезало звук створаживало кровь
смерть пустяки смешно считаться с ней
коль страх на свете есть и пострашней

нас вскоре вынесло из мертвой зоны
и бригу бы ни горя ни вреда
но шкипер спятил и открыл кингстоны
там кабельтов от гавани едва
ни мы вверху ни мертвые со дна
не видели как уплыла она

теперь не пугало ни шквал ни плаха
лишь вспомню и до судорог струхну
она как будто в самом центре страха
у каждого потрогала струну
стыд извела испепелила честь
пожалуй что-то в вашей смерти есть

а впрочем как подумаешь однако
вдруг нам кресты надгробные сулят
не пустоту до истеченья мрака
а этот пристальный зеленый взгляд
навек в незатворимые глаза
уж лучше жить
нет
умирать нельзя

бутылка в море времени

это конечно не ты никакой
который является на работу
и протягивает вахтеру пропуск
с фотороботом предъявителя
даже если и вылитый точь
в точь потому что оригинал
обитал вчера и между вами
в сознании кровоточит прорезь
все твои остальные тоже
дружные пришельцы на службу
не вполне оттуда где
полагают себя уроженцами
матрица это конечно кино
только мы его смотрим
лицом с экрана в зал

настоящий ты существовал
вчера и завершенный день
словно древняя цивилизация
о которой никто не скажет
правды никто не упомнит
достоверного факта на улице
нигде не встретишь вчерашнего
человека я может быть из всех
единственный кто выдал секрет
в приклеенной к монитору записке
завтрашнему во избежание
рекуррентной ошибки но тщетно
время подобие шлимановой трои
с топологией слоеного пирога

если не веришь положи
этот якобы пропуск ночью
на подоконник сядь спиной
к зажженной свече и увидишь
как образ расслаивается
на тысячи узурпаторов
это нужно непременно делать
в полнолуние но ты уже
опоздал полнолуние пришлось
как раз на вчера и контакт

разомкнут все сказанное
тебе все равно без пользы
спроси меня откуда я знаю
и я спрошу тебя почему
ты поверил что я не другой

забегая вперед если спросишь
про летающие тарелки тебя тоже
ожидает разочарование они
прилетают из дней которых никогда
не было поэтому правды
не знает никто

* * *

рисовал небеса
бог
ярых недр в глубине
гул
захотел океан
смог
шквал чтоб пену с валов
сдул
нескончаемых лет
бег
карася в синеве
рек
росомахи в лесу
след
сверху вечный горит
свет
человек бочком у ларька
сигарета и пиво
тут у бога набок рука
получается криво
но как бог ни старается
человек не стирается

от попыток в поту
трех
от бумажных в углу
груд
как собака устал
бог
бесполезный прервал
труд
что ни делает бог
брак
неудача ему
в лом
напоследок творит
мрак
пусть им будет темно
в нем
лишь небес не отдаст
псам
станет жить в небесах
сам

рисованью подучится
может лучше получится

перепало с тех пор
крох
ради волчьих во мрак
морд
с белых круч где живет
бог
в угол где человек
мертв

ахейская песня

я рос внутри троянского коня
играл в войну ходил к соседям в гости
хотя впотьмах сдирали кожу гвозди
и плотники сновали гомоня
мы даже выпив пели иногда
вполгорла за столом в натекшем воске
где сквозь неплотно пригнанные доски
заглядывала редкая звезда
там в небесах она жила одна
внизу была холодная война

звезду несло куда-нибудь за крит
там нивы целы и скоты рогаты
потом пришли из центра делегаты
с известием что наш проект закрыт
так я увидел город на горе
где афродита поднимала пену
багровую и саша любит лену
оружием холодным на коре
нет стороны которая права
конь юности разобран на дрова

здесь взгляд пристрастен сверху он верней
когда-нибудь и я взойду в светила
в зенит откуда столько лет следила
за мной звезда моих минувших дней
в зазор где мать как раньше молода
друзья поют вполголоса рябину
в холмах увижу прежнюю равнину
где обрекает ревность города
конь у стены как был и мы внутри
не исчезай за крит гори гори

* * *

утром с кашей а в сумерки с водкой
оказалось что жизнь не страшна
как снегурочка в сказке короткой
пролилась над костром и прошла

высоко на поляне скакала
веселилась со всеми детьми
а осталось воды с полстакана
в ковш ладони сложи и возьми

столько совести даром и разум
под конец не умнее камней
если вскачь со снегурочкой рядом
пожалеть не успеешь о ней

почему только к старости старший
а сначала как все молодой
тем скорее над пламенем ставший
быстрым паром и мокрой водой

наблюдал бы как было на свете
саламандрой в костре на ветру
а вокруг настоящие дети
не растают и сам не умру

* * *

чем ночь темней тем пристальнее снится
столетие ветвистым устьем вспять
к истоку лет и с нынешним не слиться
минувшему я начал чаще спать
там стол накрыт в саду там все друзья
в надежде ждут но мне туда нельзя

ребенком в лабиринте одеяла
в слезах жалел что жизнь обречена
мысль молодость мою не осеняла
что осенью темнее вечера
сон в сумерки как правильная рыба
он в русле от подушки до обрыва
отваживает сердце от труда
остепеняет мозг и каждый орган
но у обрыва бег времен оборван
я здесь живой мне нужно к ним туда

столетие назад пока разлука
сидят друзья не издавая звука
без воздуха где не слышны щеглы
их больше нет они уже пришли

проснуться в русле сна остаться с теми
кого любил когда и я войду
в их тесный свет тень из кромешной тени
умолкший голос пробуя во рту
горит свеча они должно быть вышли
сочти на пальцах звездное пшено
в саду как выстрелы навылет вишни
здесь зелено здесь все разрешено

* * *

от московских мостов до излучин античного тибра
человеческий час под расческу столетий ровней
за глаза выбирал потому-то наверно и выбрал
эту землю в крови и безрукое небо над ней

где без ропота житель проворными розгами порот
где кругов на распиле аж в летопись лезть не смешно
как волчата в норе прижимается к городу город
стиснув в челюстях время покуда совсем не прошло

чем с примерами проще тем жестью учебник богаче
шелест летосчисления ночь огибает дугой
кто нам жуков жестокий у стен фьораванти на кляче
или марк совестливый аврелий орлом на другой

слишком густо мозги боронило у зеркала гребнем
не пристало ристать на маневрах минерве совой
раз в таверне на сретенке или в трастевере древнем
в траттории потомок ложится костьми под собой

номер третий с вещами на станции сплит или сочи
или вспомнишь в грозу расчехлить звездолет в гараже
чтобы к небу побегом в ком нет человеческой мочи
но оно отслужило живым не поможет уже

определение поэзии

приложить к зубам ободок жерла
траектория ровно в район затылка
потому что живопись умерла
сладко пела музыка да затихла

антилоп в альтамире нагнать не мог
беден бубен у капища вот наверно
почему себе ухо состриг ван гог
вот какая оса укусила берга

или в сторону ствол и обратно в дом
ни престолу отныне ни ржущей черни
в топку тряпки паяца остаться в том
что вернее со временем снимут черви

не как нежный уже укротитель лир
а библейских кровей проедатель плеши
жалить в жопу штырем онемевший мир
динамитом из дыр выгонять ослепший

жить без умолку зверем за дверью выть
шатуну в декабре вся земля берлога
во вселенной где кроткому трудно быть
богом надо быть больше бога

змея в конце осени

где волшебная змея
из лукошка пляшет
хнычет дудочка в горсти
стынет мостовая
станет впредь трава расти
не переставая
если скоро не зима
если снег не ляжет

впрочем не исключено
что зимы не надо
кобру в ночь несут в сачке
дудочник не в теме
без нее черным-черно
в печени от яда
как белым-бело в зрачке
у песца в метели

змеи вмятой в немоту
музыке не снятся
навсегда в сибирь мозги
ссылка декабриста
мы плясали как мальки
перестали быстро
здесь в потемках никому
слов не доискаться

прекратили длиться дни
чередой ученой
году в горло не пролезть
глаз не нужно даже
хоть обоими моргни
из метели черной
весь песец каков он есть
в копоти и саже

* * *

срок пробьет испарится река
только ветры повадятся с юга
здесь вода и сегодня редка
камень мелок и с воздухом туго

постепенно растает и лес
где пустоты пространство расставит
лучше пусть он останется весь
лучше пусть никогда не растает

если вспомнить начало начал
там не существовало природы
только демон протоны качал
растопырив клешней электроды

я люблю чтобы было как есть
не дадим чтобы жизнь опустела
и посмел из расщелины лезть
за молекулой демон максвелла

надо воздуху быть и воде
хоть в глазах облаками одними
городам чтобы было нам где
обитать со своими родными

даже если все небо огнем
и судьба по нему полосами
иногда вспоминайте о нем
если вы существуете сами

элегия не без аллегории

ударил экскаваторный черпак
вмиг многолюдно с непривычки в луже
там жил на берегу один червяк
теперь их стало два и это хуже

откроем правду он гермафродит
ну то есть чтоб ни деверя ни зятя
бывало в тыл себе же поглядит
а там другой зовут допустим катя

или наоборот он был двупол
я в ихней зоологии не дока
кто за двоих работает как вол
тот и в любви не соблюдает срока

порой чем бог перекусив в земле
набравшись романтического пыла
они встречались с катей на заре
и разное тогда меж ними было

теперь они друг другу не семья
а были ведь как в капле две кровинки
вот так и нас разлучница-судьба
на трепетные режет половинки

кто состоял из двух материй встарь
наутро вдруг продукт утраты горькой
он червь еще но он совсем не царь
не генрих грубый с римскою восьмеркой

так человек заходит в туалет
внезапный болт под диафрагмой крутит
вдруг грохот глядь назад а кати нет
прощай любовь другой уже не будет

биполярное

в окне с малышами мамаши
авоськи с кульками крупы
мы мирные люди но наши
надбровные дуги круты

ты помнишь как явь наступила
завоз долгожданного пива
запой до заречной весны
в три вахты накатами пота
пока вдоль аллеи почета
рабочие лица честны
зазнобу с цигейкой на вате
в кино сорок первый патрон
и мы не рабы на плакате
а кто мы такие пардон
до выписки самой до срока
руин новогодним огнем
в испарине конусы сока
соседний светил гастроном

мы вышли из прежней икая
и в лучшую вечность вошли
так вот она значит какая
о чем рассуждали вожди
расправила члены стальные
страна отмыкая браслет
стакан бы сюда ностальгии
но тара пуста на просвет
приют на конечной трамвая
где двести на грудь принимая
томатного люди равны
добры санитары в палате
они нам опять на плакате
напишут что мы не рабы

* * *

пес на песке невысок как с реверса в трубу
тучи отчетливы плавленым оловом в форму
чуткие чайки сбиваются к ночи в гурьбу
к шторму

мнимый сеанс если фэйсом к буфету в фойе
самый в уме маринист айвазовского толка
скоро с порога мороз и орехи в фольге
елка

в памяти ветер которым до ребер продут
властвует налысо липы ноябрьские брея
пса позови на ночлег даже если продукт
бреда

буря притворна из воздуха выпущен газ
след в канители где елка погасшая стыла
елка была наяву это знание в нас
сила

с детством в прощальной коробке собой невесом
сквозь паутину куда ни пощада ни почта
полуисчезнувший с несуществующим псом
точка

шенберг в брентвуде

давай долой умляут из фамилий
как древле гендель новой честью горд
среди парадных пальм и бугенвилий
здесь путнику вергилий верный форд
вот на одной из мутных фотографий
тропические признаки везде
садовый шланг свой силуэт жирафий
в пейзаже жадно изогнул к листве
не нас ли скопом подстрекал спеем
предтеча в purgatorio своем

тогда и тот живущий в полумиле
глупей соседства в баснях не найдешь
кого сперва народы полюбили
а после освистала молодежь
уже душе по жабры ожиренье
а сердце плотно к прежней славе льнет
на берегу где небо в ожерелье
двенадцати зодиакальных нот
кто жаловался зря что жизнь страшна
ей год едва и вся она прошла

тринадцать бьет в одном отдельно взятом
раю под сводный хор небесных орд
там цру там царь зверей над златом
а утром умер от инфаркта форд
беда в ком скоро шестерни шершавы
и шустрых пассажиров ни души
там у ворот свидетель из варшавы
он говорит что все уже ушли
спуститься в сад где быстрый вывод прост
вдруг вспомнишь что не помнишь этих звезд

никто не вождь а сухожильный шорох
в синайском пекле брошены одни
двенадцать нот какой там в жопу шенберг
ты в зеркало и в паспорт загляни
не в старину на диспуты в сорбонну
лечить мозги всю голову долой
есть родина где труд сулит свободу
есть моисей но нет пути домой

и рожки микельанджело увы
умляутом торчат из головы

то не ветер

мы маленькие мы каждый лежим в постели
стрижены под ноль на висках синие жилки
мне дали книжку и я читаю про степи
и леса которых в глаза не видел в жизни
люся спящая слева помнит что ходила
в ясли но смысл воспоминания неясен
как ни описывает все темна картина
не могу себе представить никаких ясель
мы больны но ничего не знаем об этом
потому что болели всегда сколько были
многие взрослые добры кормят обедом
взрослые для того чтобы детей кормили

после тихого часа делают уколы
приходит важный завотделения в маске
справа дурно пахнет оказалось у коли
открылись пролежни и он на перевязке
коля когда ходячий важничал и дулся
видел жука и лошадь говорит большая
как слон но после операции вернулся
в гипсе и как мы с люсей молчит не мешая
в книжке пишут про партизана уверяют
что сражен фашистской пулей книжка похожа
на правду одно хорошо что умирают
взрослые а дети знай себе живут лежа

в день когда умер сталин нас носили мыться
плачут а все же моют банный день в палате
люся на топчане как на тарелке птица
ни косы никогда не носила ни платья
пока мы так лежим с ней рядом в голом виде
нас намыливают а санитарка верка
поет про то не ветер ветку поднимите
руку кто не забыл на языке вкус ветра
помню играли резиновыми ежами
почему именно ежами этот день я
запомнил поскольку сталин и мы лежали
в мыле дети эдема в день грехопаденья

домой дороги нет

плохо он присмотрелся этот ваш еврейский профессор
там поперек каждой из четырех осей очень четко швы
ну не иглой конечно а в высшем смысле эфирно
я-то сам не сильно в формулах поясню как сумею

у вас допустим теперь кризис долговые обязательства
ничем не покрыты и деньги оказались фикцией
тут я немного понимаю ситуации бывали
вот и здесь как бы брали в долг под залог
сам залог не объясню в языке для этого нет слова
и не бумагой вот этими измерениями брали
три пространство одно время как лот под застройку
а потом кварки нейтроны гелий туманности все как надо
ну и мы продукт эволюции только не мы как таковые
другое местоимение посередине между мы и они

погоди еще не закрывают а дальше совсем просто
залог в результате лопнул и все изымают за неуплату
изымают если понятно сам этот убыточный лот
только мы то есть они уже внутри и больше нигде
нет не люди как вы себе льстите совсем другие
опять не найду слова или пожалуй библиотеки
попробуй посуществуй за пределами неопределенности
обивали как могли пороги представили план преодоления
ведь и просили всего-ничего убогих два-три триллиона
световых лет в кубе и дважды переточенную вечность
посовещались и отказали

теперь прикинь как из мира удаляют сектор реальности
причем тут лазерные пушки скажи еще водяные пистолеты
смонтировали черную дыру и все мигом втянуло
закоротили вероятность только время взвизгнуло на излете
не звук а посередине между звуком и [нрзб]

хорошо последняя я разумеется не существую
в вашем смысле и никогда не существовал
потому что в остановленном времени нет прошлого
и дороги ни в какую сторону пространство свернули
но иногда брежу что существую сегодня особенно остро
и будь у тебя не глаза а вот эти не могу объяснить
видишь шов по вырезанному месту здесь прямо над стойкой

и другие которые остались не от нас не от нас не от нас
а ты мне все кризис впрочем ты даже и не еврей
гыа ахфф стуыы оугггг как же он мне опостылел
этот ваш человеческий якобы язык
то есть не мне а им то есть вам

вариация на тему энигмы

вот лествица вот колесо с глазами
докатится поди и до казани
до спасских звезд резва звезда полей
сперва в ступицу маслица подлей

кого кругом про местность ни спроси я
у них на все один ответ россия
край говорят победы и труда
согласен факт а лествица куда

а лествица премудрое устройство
для телеграфной эстафеты душ
чтоб трибуналу меньше беспокойства
чуть приговор и глядь исполнен уж

там сверху бог в ермолке лучезарной
диспетчер солнц и машинист луны
устроит медосмотр перед казармой
кто русский в рай а кто еврей увы

но колесо глазастое со смыслом
свистит себе все бег считает числам
обкатит по обхвату тридцать раз
иссякнет в недрах веселящий газ
под трубный глас долинами валдая
на суд скелеты побредут рыдая
за призрачным с державой вожаком
ржавеет вентиль лед в проломе комом
звезда пустых полей над отчим домом
и аисты в гараж порожняком

* * *

в окрестном лесопарке ни души
где с таксой встарь таскался
там наверху они уже ушли
к столу а ты остался

нет никому обители теней
чей срок под солнцем прожит
неправда что становится темней
темней уже не может

свод в стеганом атласе голубом
чертог большой ночевки
но купол впредь полпяди надо лбом
а челюсть на бечевке

не сорок лет а насовсем синай
скрижаль пуста приказ на
все времена скитаясь вспоминай
что жизнь была прекрасна

amor vincit omnia

у меня в незапамятном детстве
одна елкина валя была
я носил ее образы в сердце
но она не любила меня

а в какой-то из смежных вселенных
если мысль эверетта верна
в заведенье для старцев степенных
гардеробщицей служит она

или может она санитарка
там для гигиенических нужд
ради чувству такого подарка
я мечты дерзновенной не чужд

и меня в этот госпиталь скажем
привезли отравившись едой
при последнем свидании нашем
я лежу совершенно седой

старику эта елкина валя
ставит клизму дрожащей рукой
а потом встрепенувшись узнала
и рыдает что боже ты мой

здравствуй валя мы встретились снова
я известный писатель цветков
в тихом образе старца седого
вот скончаюсь и буду таков

на тебя изводил я чернила
с той поры пролетели года
что ж ты елкина чувств не ценила
и меня не любила тогда

у руин моего организма
ты как перст санитарка одна
и расколется вдребезги клизма
и опять зарыдает она

но седой я и есть в самом деле
а пишу среди ночи хуйню
лучше лягу вон там на постели
и наверное все же усну

* * *

на кольце где последняя самка трамвая
случки ждет электричеством в ночь остывая
провидение прогнуто в форме седла
там вожатый в оскал соискателя пойман
чей чугунный искря эрегирует орган
отвернемся пока возникает семья

в декабре у судьбы искривляется форма
в смысле жертвы саженями снежного шторма
продвиженья предместий в пургу на аршин
в непосильном за скрежет либидо ответе
черно-бурые плачут звериные дети
и на рельсах железные дети машин

но останется сколько в бетон ни возьмете
после злых машинистов и шпал в креозоте
тишина обведенная в мае огнем
электричество сердца спасенное в громе
и земля меж опорами радуги кроме
метров двух на один остальную вернем

мельница

ветер ветлы треплет вода в горсти прохладна
знойно в полдень у быстрой реки с утра росно
там один от любви утонул ну и ладно
не его беда первая горевать поздно
не его последняя утешаться нечем
говорят из вечных ключей течет-струится
мельница брошена черны окна под вечер
а все вертится колесо скрипит ступица
скрипнет раз и на свете живой душой меньше
выйдешь к мельнице не уйдешь вернешься к ней же

жутко да любовь сильней тут к повернигоду
сходятся девицы как страда отлегает
пляши себе жги костры лишь не гляди в воду
кому припрет замуж утопший помогает
а глянешь в реку не девичий лик увидишь
сверкнет радуга сквозь столбы водяной пыли
позади город узорчат весь в башнях китеж
там он и князь над всеми кого не любили
так говорят поди знай что на самом деле
в камышах колесо вертится еле-еле

и кто глянет в бездну та ему и невеста
среди немолчной воды на зеленом ложе
а поутру проснется нет такого места
стоит мельница пуста и жизнь вокруг тоже
а в прошлой ушедшие пропавшей не помнят
никому не расскажут никто и не спросит
зачем трава почернела где платок поднят
кто любил забудет кто за кем ходил бросит
насытится ненависть а любовь не прощает
знай течет бесконечно колесо вращает

* * *

синий кобальт желтый хром
горький город за бугром
рай припадочный ван гога
мертвой радуги каркас
у последнего вагона
счетчик щелкает как раз

летом сумерки прохладны
полдни зимние теплы
от полыни до лаванды
плоть исподняя стены

синий кобальт желтый хром
мир в котором все умрем
труп лавандой убирая
роной матерью рекой
нет у них другого рая
соглашайся на такой

любоваться мертвым ухом
положив на полотно
как оно пунцовым пухом
вдоль ущелий поросло

* * *

показалось внезапно что кто-то другой
узурпировал бронхи дыханием хилым
раздвигая мозги фигуральной рукой
пусть бы снился а то я действительно был им

посторонняя память плескалась внутри
где на дне оголтелые годы слоями
так в фонтане блестящие ищешь рубли
сомневаясь в чужой нищете не своя ли

весь автобусный рейс из нью-йорка в ди-си
затаился и жил по возможности реже
сколько образом прежним в мозгу ни виси
не вернешься в того кем казался себе же

есть у томаса нагеля странный трактат
каково ощутить себя мышью летучей
но любых убедительней чтений стократ
настигающий в жизни фактический случай

отпускаю с другим пропадай ни за грош
роковая в подпалинах кукла из пакли
если в штурманы телу теперь нехорош
в ком запасы dasein'а внезапно иссякли

тот который внутри манекена молчишь
изучай по трактату искусство полета
бестелесный теперь я летучая мышь
или черная мошка в луче эхолота

домашнее чтение

почти в младенчестве три ночи кряду
с фонариком листаешь илиаду
родительскую бдительность дразня
там близок зевс там полыхает грозно
копейная гекзаметрами бронза
и из-за баб ревнивая возня

или еще была другая книжка
от школьного евклида передышка
о несусветных подвигах войны
о мертвом камне выбранном посланцем
ступай мол друг и передай спартанцам
что вымерли не персы а они

так сладко в юности читать неправду
что дескать топал александр к евфрату
все ерунда герои и вожди
а старость слизь любая память тленна
и поделом когда бы не елена
не куковал бы в чердыни поди

а впрочем черт минует боль и лихо
все станет одинаково и тихо
жизнь к старости на случаи скупа
давно бы скис и уступил погоне
когда бы не елена в илионе
не яблоко не ксеркс и не судьба

* * *

человек не прекращается
исчезая без следа
просто в память превращается
и собака с ним всегда

прежнего лишаясь облика
словно высохший ручей
остается в форме облака
в вечной памяти ничьей

ничего с ним не случается
просто прекращает жить
там собака с ним встречается
или кошка может быть

мертвому нужна попутчица
тень ушастая в друзья
без собаки не получится
одному туда нельзя

к портрету

живешь ужасаясь повсюду враги
простор для веселья все уже
от серого волка до бабы яги
в комплекте с кощеем к тому же
по ягоды шасть а по курсу изба
на крыше конек и по ставням резьба
тропинка на холмик поката
прилечь бы намаявшись тут в уголке
но грозно яга в материнском платке
глядит со стенного плаката

здесь впору от горя белугой реветь
но больше не чувствуем боли
вот третий на машеньку лезет медведь
в чем дело там очередь что ли
я правду животным открою в лесу
и девичью честь от медведей спасу
а после хоть в скит богомольцем
но глядя со стен на пустую возню
яга мне перстом указует в меню
иди запишись добровольцем

избушка избушка старушка в окне
мы так никуда не уедем
давай по-хорошему задом ко мне
а передом лучше к медведям
я понял что дальше в лесу не могу
покинул кощея оставил ягу
соблазны ее сеновала
пускай хоть в гренландии я эскимос
чтоб кто-нибудь в иглу мне выпить занес
чтоб нерпа меня целовала

* * *

вспоминай откуда ночь на свете
шепотом домой с продленки дети
тьмой беретик к темени прибит
в горле глупая на мир обида
в луже неживой комок карбида
пахнет и шипит

в этом стираном тебя дебила
мать пока жива была любила
уж на что отец терпел как мог
жизнь лежит притворно как чужая
только в луже лжи не отражая
все шипит комок

чтобы память не вошла в привычку
подноси смелей к карбиду спичку
глубже в темень голову нагни
мать с отцом мгновенный фотоснимок
сам в соплях с детсада до поминок
синие огни

вспышка

вся в черно-белом в советском за миг до угона
трап в стратосферу с востока слоистая льдина
рейсом в одессу пора выходить за другого
из запорожья где редко во двор выходила

просто сначала соседка а после невеста
прочь в одночасье в пучину селедки и вальса
что же так прошлое в кадре корежит нерезко
словно пропеллер взревел и угон состоялся

виснет сосульками свет передержанный с неба
мертвая в кадр на полвека вонзается птица
плохо снимала нас подслеповатая смена
глыба слоистого льда искалечила лица

долго мы блеклые будем глядеть друг на друга
ты с фотоснимка а я из проклятого края
издалека из девятого дантова круга
где исполняется вера неверных карая

пуст этот космос расколотый эта страна ли
древняя в дантовом пламени в пепел сгорели
годы где мы не любили а просто стояли
друг против друга у трапа и просто смотрели

сумерки

быстрый как сон
след истребителя в небе зеленом
заячий гон
панцирный взвод за элейским зеноном

слабо видна
тускло на стеклах распластана светом
в раме окна
женщина в образе полураздетом

если бы я
стал обитать в человеческой коже
мне и моя
так бы мерещилась женщина тоже

вечер велит
телу в тисках похотливой неволи
пусть оголит
или теплее оденется что ли

грудь и рука
в гулком бинокле смеркаются сутки
явь коротка
глазу что сну не идет на уступки

сердце к торцу
к сколу стекла и капелью на китель
богу-творцу
мстит атакующий бог-истребитель

игра

у тебя была подруга
у нее была игра
с виду верности порука
на поверку неверна

у нее глаза с закатом
грудь упругая в тепле
что мы делали за кадром
видно не было тебе

жизнь прошла с двойным сюжетом
под поверхностью ковра
я живой тебе об этом
не признался никогда

там внизу пазы сквозные
закоулки пыльной тьмы
жаль что мы такие злые
отчего такие мы

нас лепил из глины лишних
ваш в косматой бороде
ветхий бог который в вышних
больше нет его нигде

высоки за гробом травы
проще ангелов пасти
мы наверное неправы
ты наверное прости

* * *

памяти в. п.

что ни старость то ходики глуше
к горизонту прохожий прижат
раньше страстью туманило души
а теперь они тихо лежат

там за садом за створом ограды
угомон уготован душе
и проснуться притихшие рады
но увы не умеют уже

утром славки свистят утешая
ночью мышь прошуршит или еж
просто жизнь оказалась большая
за ограду с собой не возьмешь

за рентгеновским горьким кордоном
прощены все утраты давно
только зной медоносный которым
мы дышали забыть не дано

только воздух пчелиный твердея
за прощальными дорог дверьми
как рептилия в пойме эдема
мы мудры с той поры как мертвы

если славки с повестки обряда
не собьются за пару монет
больше нас утешать и не надо
все равно утешения нет

вердикт

уже никого не накажут
опричь журналиста за труд
лишь белое черным намажут
и красное в лифте сотрут

с востока срывается ветер
но бункер не дрогнет стальной
где спрятан клистир и катетер
для нужд управленья страной

пока не сгустится над спасской
метелью вороний помет
и карлику карлик с опаской
протяжное карр пропоет

пусть пойменным жителям низа
рабам нефтяного сверла
паролем шенгенская виза
а отзыв отъезд навсегда

осанна сердцам обреченным
но честным в отчизне такой
где мажется белое черным
и красное льется рекой

эклога

в древнем греческом отечестве на поляне
гуляют овечки сплошь обшиты овчиной
мальчик подбирает полечку на баяне
попадись ему девочка станет мужчиной
допустим выйдет нимфа спортивно одета
в ожерелье проследим за этим моментом
но пока из лесу на вокал нет ответа
пыхти продолжай овладевать инструментом
ой колосс мой родосский в гизе пирамиды
пой гармонь на опушке вжарьте пиериды

в некотором царстве в греческом государстве
ходят овцы подбиты цигейковым мехом
а пастух пропал просто музыка в пространстве
мечется по пустошам рикошетным эхом
империя в период полного упадка
скоро турки толпой от вены до севана
дуракам если ослепнут поется сладко
на манер кальпурния и немесиана
надо взять себя в руки жить до нашей эры
не пробовал но приму экстренные меры

или как некий китс видишь пейзаж из веток
и жертву а вблизи лишь гончарный обломок
передвинули время ты полагал предок
а сунешься к зеркалу там полный потомок
галоперидол в глотке голова обрита
турки порвали баян из живота вата
говорю врачу сам читал у феокрита
что нимфы им давали за полтора такта
китса вон выписали и шелли уже там
врач мимо но мигнул мол следи за сюжетом

ладно слежу еще не теряю надежду
приобрел гармонику marine band c-major
гляжу нимфа в одном ожерелье а между
ног но об этом потом и говорю ей же
вот мол песня в вашем древнем греческом духе
лад лидийский изволь скулу свело от боли
но не дрогну подобно маклаю-миклухе
мужествен животновод со свирелью в поле

поспевай турнепс наливайся соком свекла
на холме храм свищет ветер вдребезги стекла

слово о слонах

сидишь в кино какао пьешь в буфете
все время мысль преследует одна
как хорошо что есть слоны на свете
как жизнь без них была бы здесь бедна

когда тревога в воздухе вечернем
в печальный час для мира и страны
смахнешь слезу но вспомнишь с облегченьем
как славно что на свете есть слоны

пускай на службе выбранит начальство
но стоит лишь оставить нас одних
все мысли о слонах о как же часто
и с нежностью мы думаем о них

возьмите все морских допустим свинок
летучих рыб подземных ползунов
но в сердце есть запечатленный снимок
слона и вы оставьте нам слонов

нам скрашивают подлости режима
отцы и дети жены и друзья
жить без жены уму непостижимо
жить без слонов практически нельзя

нет я не тютчев

обитель двух светил над головами
и весь синхронный свет
пересекает медленными швами
инверсионный след

ты скажешь небо в голубой ливрее
но тело в ней черно
а впрочем бред ведь ты всего скорее
не скажешь ничего

уставить в землю взгляд и в незабудки
раз неба не обнять
ты скажешь смертный слаб а впрочем дудки
ты промолчишь опять

как след небесный мы живем редея
не размыкая рты
вот мой последний шанс подумать где я
и кто такая ты

песня страха

погляди осторожно в окно
так ажурно дождя волокно
только вверх рыбаку не свети
мы плотва в его зоркой сети

мы в пучине грустны вырастая
но удача насмарку не вся
если ночь выручает простая
от печальной судьбы карася
здесь на дне где ковыль и калина
не достигнет поверхности весть
сверху искры видны из камина
но камин не у всякого есть

посмотри сколько снега в окне
как черны на его полотне
пешеходы но пальцем не тычь
это божья добыча и дичь

распластал свои бельма лугами
в бликах лунной как ноль головни
будут птицы летать оригами
ты и с птицами не говори
эти жуткие сторожевые
в рамах ужасом стекла свело
потому что они неживые
но и это не хуже всего

лучше лечь и согнуться в дугу
лучше нам о любви ни гу-гу
спрятать сердце в суставе тугом
от нейлоновых ливней кругом

тайна времен

бывало смолоду среда
как ясень пнями
окружена была всегда
другими днями

махнешь с соседом по второй
плеснет брательник
глядишь то пятница порой
то понедельник

не так чтоб вторники одни
но вдруг под старость
повыпали другие дни
среда осталась

сидели пили без вреда
года летели
зачем пропали и куда
все дни недели

мы как на острове стоим
нам нет спасенья
ни брата с вермутом своим
ни воскресенья

* * *

снег на земле на ветке сойка плачет
жизнь теплится но ничего не значит

промчится чье к полуночи слабея
последнее лицо в стекле сабвея

тоннель сбривает кожу точно лента
наждачная на нужды документа

ложащегося на черпак перчаток
в нем черепа и крови отпечаток

душа ушла и телу поделом бы
раз врозь глаза и в дуплах набок пломбы

с платформы вслед пока в своем уме я
всей костью силясь быть но не умея

в поисках диагноза

я бросился исследовать себя
что твой набоков бабочек упорно
за брачными повадками следя
сверяя стул с дневным составом корма
смотрел с кем пил с кем горе горевал
по графику чертил температурку
и наносил на карту ареал
но исподволь чтоб не забрали в дурку
а свой объект именовал в конце
в четвертом грамматическом лице

как просто сжиться сироте с людьми
носи штаны и будешь им парнишкой
но все-таки не бойся и уйди
мерси за все и градусник под мышкой
когда объект отправился в бега
я бомжевал с сачком и микроскопом
как дон жуан без женского бедра
и весь в снегу как русь перед расколом
постичь обмен веществ развеять грусть
знать всю температуру наизусть
пока он ночь в канаде или в чили
чужим наречием изрезан рот
пусть хоть со словарем но не соврет
где ночевал и чем его лечили

жить без себя стараясь быть внутри
двумя людьми вести себя культурно
на публике движение руки
отлаживать под метроном котурна
знать назубок с конца или вразброс
текст биографии с которой рос
пока не смерть полна простых намеков
тогда сачок в чехол и спи набоков

муравьиный лев

в кармиэле на площади столики полукругом
чтобы млечная ночь отовсюду текла видна
мы разлитое наспех давясь допивали с другом
сам я брезжил не шибко а он и вообще едва

он пытался сказать что автобус назавтра в девять
а где рвется время там выйдет и нить тонка
но зачем же настолько я тоже не мог поверить
или это сказал не он и вообще не тогда

я ему возразил хоть язык в колтунах как вата
дескать время внутри потому что кругом края
самый анкер земли в получасе езды от цфата
или что-то другое сказал и вообще не я

был он тучен в ту пору и еле отлип от стула
круассан над поселками друзов сиял высок
а наутро шуршало в ушах я решил простуда
как сухая листва как в песочных часах песок

эта память на дни как на рыбий парад акула
но и другу пробоина в календаре не в упрек
он тогда не сказал да и вспомнить ему откуда
было что не пройдет полугода и он умрет

вспомнил школа на стенке часы чернила справа
книжка с членистоногими не прозевай звонок
муравьиный лев анкер мира воронка страха
и песчинки послушные с шелестом из-под ног

* * *

остывает юности пыл
если вместе десятки лет
с тем который однажды был
но которого больше нет
а всего как минуты три
жил почти у тебя внутри
тот которого нет с тобой
за тобой ходил по пятам
тихой сапой верной стопой
но однажды остался там
где туман или тьма густей
и откуда нам нет вестей
почему он сошел с пути
почему он расстался весь
с тем кто тоже хотел уйти
но вздохнул и остался здесь
и кому не составит труда
изложить в паре дюжин строк
жизнь того кто вышел тогда
но потом не вернулся в срок
всей судьбы его на пятак
это жизнь была или так
шанс на оттепель в декабре
малый вред на земной коре

* * *

временами бывает и рад бы
починить где кривое на глаз
но запасы шурупов и дратвы
в мастерской истекают как раз

и поэтому надо мириться
с тем что есть и трепещет в руке
даже если от силы синица
а не прежний журавль вдалеке

разложи свою утварь на травке
понапрасну слезой не соря
жаль не движется дело к поправке
раз такие в лесу слесаря

слишком бережно память копила
а потом отдала за пятак
все что больше не будет как было
даже если и не было так

слишком верила вечной удаче
сочинять почитая за честь
все что раньше мечталось иначе
а теперь уже будет как есть

в устье дней если гравий и бревна
поперек вспоминать о другом
как любили стоящее ровно
а не это кривое кругом

* * *

сквозь зной из глаз по воробьям и вербам
зарубку выгрызая на коре
сообрази что дальше делать с ветром
и кровяные реки в рукаве

в черемухе в очередях пчелиных
чуть рвется время тотчас отруби
по вечерам нетопыри в чернилах
синицы днем сильней любой любви

апрельский воск напрасно не прольется
пока ракиты в трос не скрутит грусть
пусть лучше так всегда и остается
или уже нельзя но лучше пусть

будь ближе рукокрылым небо бреда
ночь рытый бархат в стразах и под ним
те на кого в груди надежда грела
те из которых сам я был одним

всегда на крайнего короче список
кто в луже обнаруженный малек
так к челюсти исчезновенья близок
и так от божьей жалости далек

и жалость ложь и блажь надежда эта
в излучине кровотеченью вслед
когда из-за стрекоз не видно света
но тьма в лицо еще быстрей чем свет

фламмарион

проговорили вечер ни о чем
точили лясы в диспуте ученом
о вакууме им пересеченном
когда он был космическим лучом
ты разговаривал с разумным газом
он возражал и речь его текла
ныряя в твой желеобразный разум
как мотылек в препятствие стекла
раз вещество порабощает дух
здесь важно выбрать верное из двух

когда поверишь притче и умрешь
преодолев телесные преграды
предстанет ли душе двойная ложь
рядясь в изнанку поправимой правды
пристало ли кто мозгом нездоров
космическому уступив маразму
так соблазнять материю миров
в особенности слизь и протоплазму
учить что мироздание резня
и требовать чтоб каждый божий атом
был остальным соратником и братом
недурно бы но в жизни так нельзя
где шелестит бесшовный черный шелк
и в нем антифотон фотону волк

вот говорят за тридевять земель
еще не перейдя порога смерти
подобный нам одушевленный гель
пришел к сращению земли и тверди
проткнуть лазурное стекло жезлом
наружу из кустарного мирка бы
там все пропорции добра со злом
соблюдены там колесо меркавы
и колесо второе в колесе
хоть в этом здесь убеждены не все
вдоль обода рябит узором глаз
четырехзевный зверь в крылатой нише
не человек а вразумленный газ
но он теперь течет из мозга тише

* * *

каждый раз когда светало
тело темное как ночь
с крыши ратуши слетало
и отчаливало прочь

дни в полете проводило
польза людям и скоту
так приятно проходило
наше время на свету

но однажды это тело
наша общая беда
утром с крыши не взлетело
и осталось навсегда

как понять его повадки
чем от немочи помочь
наше зрение в порядке
только свет черней чем ночь

тело видимо устало
высоты не наберет
или время перестало
погонять часы вперед

золото рейна

пели по-немецки но на кресле экранец
с титрами кому понятнее на котором
сперва девки плясали павелецкий танец
для разогрева публики да пели хором
все как по нотам и сюжет крепко сработан
subprime mortgage актуально и каждый в теме
имя не уловил все восклицали вот он
будто неясно где всю дорогу на сцене
этот вот-он с кучей родичей и прислуга
присмотрел домик своим а родня и рада
домик просторный взял ипотеку но туго
с деньгами у кого с ними не туго правда
дали домику имя валя-галя вроде
популярные имена в ихнем народе

можно въезжать но прежде заплати банкиру
то есть банкирам их два а кризис крепчает
дает взамен денег свояченицу фиру
фигуристая пусть обоих привечает
банкирам в кайф но родня отвела в сторонку
возражает прямо от жалости рыдая
мол здоровые лбы затрахают сестренку
пусть по дискотекам покуда молодая
если честно у нее шесть соток на даче
сортир одно название все стены набок
но сад плодоносит что ни год то богаче
каждому брату в подарок кадушка яблок
видит вот-он как дорога родичам фира
решил с напарником потрясти ювелира

старичок ювелир фамилия рейн что ли
арик рейн которому они пасть порвали
с детства света не видел не учился в школе
все копил сокровища у себя в подвале
взяли все подчистую самого схватили
заложником чтобы родные кому любы
седины деда принесли у кого были
предметы роскоши кто часы а кто зубы
и кольцо отобрали или там подвески
внучкины им все равно чем платить за хату

дед их приложил по-нашему по-одесски
чтоб вы говорит жили на одну зарплату
а те марш с добычей банкиров склонять к миру
вот вам золота от пуза верните фиру

тем все мало вдруг видят на пальце колечко
бросай велят до кучи и будет все четко
вот-он жмется с камушком оно жаль конечно
но тут вдруг из подвала выскочила тетка
экономический консультант и пугает
кризис дескать грядет еще нет и начала
вот-он ее почем зря сквозь зубы ругает
но кольцо отдал чтобы тетка не кричала
банкиры шасть к кольцу игнорируют тетку
один другому на месте перегрыз глотку
тут похоже только хитрый напарник леха
без понтов проникся что и впрямь будет плохо
и в кусты а народ с фирой марш к вале-гале
решив видимо что хуже будет едва ли
не веря что за дверью грозят те же грабли
там еще три серии но я уже вряд ли

* * *

в темном ливне людей из которых не ты ни один
но свербило в промежности паспорта тусклое фото
чуть погаснет сеанс испарять в небеса никотин
сказки костного мозга и финский форсирует кто-то

телевизор кремлевскую в грабли объятий гурьбу
вешать блесны на грудь чтоб от бодрости в обморок оба
черви чистого разума часто их видел в гробу
и родных чьи ночные черты неразлучны до гроба

отсыпаться по разные стороны метро-моста
в долгоруких зимовьях подкидышами куковали
изо всех подземелий трезвела мозгами москва
златозубая челюсть но с выбитыми куполами

помнишь ленина в ступе он сам из простых поселян
но без воли его не падет ни единого пейса
с головы рыбарей на киннерете всем просиял
и вернется назад на осиновый кол не надейся

а по совести вспомнить из нас не вернется никто
слишком трудно мертвы и кому из простых по карману
это место где пеплом светило на землю легло
чтоб в лепешки его сорок лет запекали как манну

все что было не жизнь а евангелие от луки
от лукавого то есть нас в морг только с визой пускали
где безглазые с визгом в припадке последней любви
отдирали парное от остова мясо кусками

ты не ужаса ждешь даже если орбиты темны
в горле голос простыл но снаряд на последние куплен
чтоб на стенку с отвесом когда времена истекли
вылетать на шарнире шальном и куку блин
куку блин

считалочка

свет гасите раз два три
кто не спрятался умри
кто не умер будет хуже
у жука скелет снаружи
у тебя скелет внутри

сложим детские стихи
про уклейку из ухи
где в четверг червей копали
корни ссохлись и пропали
запаршивели верхи

поступать привыкли так
на глаза кладут пятак
типа музыку играют
от любви не умирают
умирают просто так

прежде женятся вдвоем
обзаводятся тряпьем
в бочках мучают селедку
жалко девочку-сиротку
мячик в речку и убьем

результат всего вреда
зев беззуб мозоль тверда
на звонки не отвечают
свет погас и не включают
это где же мы тогда

новый круг считаем раз
открываем на ночь газ
а у них в квартире коля
околел от алкоголя
света догу отдалась

видишь правду мигом спрячь
будешь нем а я незряч
тишина на белом свете
тише мыши тише дети
тише танечка не плачь

фигура умолчания

вначале нас лучом несло к тельцу
как журавлей на зимний юг лечебный
ажурную протонную пыльцу
с искрой на срезах квантовых сечений

все сходится здесь пусто и черно
но не толкуй метафору превратно
есть многое на свете для чего
не сыщешь слов на вашем эсперанто

ты говоришь внизу мы были сном
но что такое сон что значит были
колонны душ пошедшие на слом
мертвы вернее чем автомобили

как жаль что раньше речь текла терпя
и тишину изнемогала людям
теперь земля где я любил тебя
оставлена но тосковать не будем

нет лучше луч в ничто до чьих глубин
тьмы ходиков не достучится дятел
я угадал я так тебя любил
что весь язык на умолчанье тратил

в толпе автомобилей и планет
где плакали в плену и жили в коже
лиха беда что воскресенья нет
важнее что исчезновенья тоже

пора искрить в бесшумной пустоте
раз прежний мир притворной жизнью занят
и спят в разлуке временные те
кем были мы и кто о нас не знает

гауссиана

за последней пустыней стена
а за ней где пустыни пустей
на престоле сидит сатана
среди сора и битых костей
вот знакомый осколок бедра
вот червивые чьи-то грешки
только это не наша беда
мы сюда не за этим пришли
просто прожили жизнь как смогли
пили воду и ели еду
а в конце договоры свои
на проверку приносим ему
нам не видно лица но оно
как в чернильную полночь окно

мы не ровня ораве ворья
возвратимся домой без потерь
среди подписей есть и моя
хоть ей резус хоть группу проверь
пусть заверит обратный паром
через сернистый стикс и везде
он единственно вечным пером
и уплочено в нужном гнезде
хлеб не тело и кровь не вино
повелителю льда и камней
мы о главном не спросим его
мы не верим тому кто главней
обернешься лишь кости крестом
да пятно на престоле пустом

лучше наглухо в сейфе мозги
шутовской приноравливать смех
мы вернулись откуда могли
мы одни из обманутых всех
станем снова сновать в суете
лицемерную пестовать месть
в преисподней империи где
пуст престол но восстание есть
будет битое с хрустом стекло
в переулках где солнце зашло

мы не выдадим сколько всего
уплатили ему и за что
мы и сами не вспомним кому
погружаясь в хрустящую тьму

он должно быть сидит на холме
наизнанку воронкой в земле
и того кто пройдет по кайме
за веревочку тащит к себе

весть

из башни в центре всей москвы
столицы наших родин
нам проебали все мозги
втемяшивая как могли
что человек свободен
мы долго думали и вот
подкреплены обедом
пошли туда где он живет
в краю умеренных широт
сказать ему об этом
он нам не шурин и не зять
но ведь имеет право знать

мы шли три дня мы шли толпой
тревожа песней груди
не зная сна гоня покой
и видим дом стоит такой
в каких бывают люди
вот баба что в расцвете лет
поди ласкал он пылко
а больше утвари здесь нет
лишь у кровати на просвет
пуста его бутылка
а сам вкушает потный сон
не зная что свободен он

мы говорим что мы отряд
из добровольных сотен
мол делегаты от ребят
кому по ящику твердят
что человек свободен
и если ты мол тот и есть
предмет такой награды
то мы тогда имеем честь
и эту радостную весть
тебе поведать рады
забудь про бабу и уют
иди бери пока дают

мы долго шли кругом леса
забросив сев и дойку

пусты с харчами туеса
а он на нас спускает пса
и снова лезет в койку
пора домой колоть дрова
и сыпать гречку в пашню
пока душа в мослах жива
пока стоит себе москва
и ей не сносит башню
с которой можно передать
что век свободы не видать

жара

жара на пасеке и пруд
в пруду кувшинки
кругом пунктир кротовых груд
и жаб ужимки

взмывает певчая пчела
в зенит ретива
от сотен тысяч пчел черна
вся перспектива

отхлынут крыльями вертя
отливом в улей
я там с отцом гостил дитя
потом он умер

трава в овалах жабьих ртов
вся жизнь и сложность
фортификация кротов
ужей возможность

я тоже может быть умру
раз жить так жарко
лицом в пчелиную пургу
уже не жалко

так лучше может быть шагну
чем в дырку дула
в тоннель где в прежнюю жару
черно от гула

нью-хемпшир

памяти л. л.

вливался сад в окрестные леса
глаза купая в зелени по локоть
внутри которой птичьи голоса
имело смысл увидеть и потрогать
был сад высок до вековых светил
вино и сыр оправдывали скатерть
где я его с разбега посетил
и соглядатай влип в видоискатель
теперь никак не подойти к столу
и даже дрожью кадра не нарушу
все с камерой как врытый столб стою
ни внутрь к нему ни от него наружу
стою себе а он решил уйти
растаять в негативе звездной пыли
кто жив еще считаю до пяти
о тех кто есть однажды скажут были
сад двух миров на доли не деля
уже на спуске пальцам не разжаться

выходит вот куда они ложатся
так вот где принимает их земля

вконтакте

а помнишь пинкисевича илью
который теннис обожал настольный
и в сумерки последнюю игру
под соснами в забытый год застойный

у вас на даче был слепой чулан
с лопатами а может и не ваш но
я там с одной наташей ночевал
или с другой теперь уже неважно

или постой я путаю тебя
и конькобежку рыжую с ногами
движок сдает но будем жить терпя
тряхнем еще а доктора солгали

устроили на речке смотр невест
стрельцова кошку шпротами кормила
я ничего не сдвинул с прежних мест
пусть в голове останется как было

вздремнешь в такси но память как ожог
твой пинкисевич в пароксизме жажды
не плачь ведь мы не умерли дружок
ты разве рыжая была однажды

была и плечи девичьи белы
в саду с настольным теннисом на даче
а если кто-то думает иначе
ты убеди что не было беды

что встал и навестил тебя в сети
беседовал как с лестничной соседкой
щелчок и мячик в паузе над сеткой
пластмассовый игрушечный свети

* * *

связь восстановлена сверху внахлест провода
чудо молчания было бы с кем и когда

кабель струит сквозь удушливый космос к тебе
столько всего электричества точки тире

телу брести до соседнего в соснах села
если пространство потрогать оно навсегда

сладко с орбиты рентгеновский высветит луч
место где может быть еж меж корнями колюч

или мечтать чтобы жизнь получилась своя
из человеческих атомов вся состоя

столько под звездами необъяснимой возни
если ясней из села небесам объясни

провод провис по которому детство текло
жил бы как миленький жаль что я не был никто

разве не мыслью над соснами космос изрыт
ток постоянный и в месте контакта искрит

спи станционный ларек роковые рубли
счастье мое электричество крови внутри

черемыш

и еще вот такое
в пыльном свете св сквозь прощальное сало людское
ты как азбуку смысла безмозглое слово твердишь
келебыш телемышь черемыш

я тебе не отвечу
повстречаю ночного таксиста прощанья предтечу
с колокольчиком черных ключей и спрошу его лишь
что за адрес чудной черемыш

эти суки таксисты
словно топями выпи и к случке ослы голосисты
нам стеклянная радуга в горле вагона тверда
вот как мы расставались тогда

я и сам если надо
сочленяю фонемы без вящего смысла и лада
небывалого бога взашей заклинаньем гоня
чтоб отлип к ебеням от меня

это вещь или место
человечина член чевенгур чебурашка челеста
перочинным ван гоголем смазана кровь и сурьма
в час когда ты сходила с ума

я юлю на платформе
точно кольчатый чукча в пургу в человеческом шторме
в чемоданчике юкола впрок мертвечины куски
пост не сдан отпускайте такси

пусть бы ты перестала
отовсюду гранитно прощаться со мной с пьедестала
всей немилостью глаз и во рту как клыки у моржа
это жуткое слово держа

обольщаться не надо
черемыш это чушь в лучшем случае пригород ада
где над водкой граненой как штык и при всей колбасе
никогда мы не свидимся все

птица

Нам эти варвары казались выходом.
К. Кавафис

сенаторы эквиты и квириты
я вижу в этот черный час тоски
что многие пришли сюда небриты
и на ногах непарные носки
поскольку обстоятельства прижали
согнав с постелей к форуму гуртом
прошу хотя бы застегнуть пижамы
доспехи будем доставать потом
я объясню вам вкратце в чем беда
доходчиво и внятно как всегда

я тут впотьмах спускался подкрепиться
холодной бужениной и угрем
как вдруг стальная прилетела птица
в дверях уполномоченные лица
и говорят что нынче мы умрем
тут слово лица не вполне на месте
взопрел как мышь и ходу к алтарю
вы с транспарантом в центр пока не лезьте
товарищи кому я говорю
мы рождены для песни и борьбы
мы не рабы одни рабы рабы

о чем бишь да садится птица наземь
прошу без лишних реплик и соплей
давление сравняли и вылазим
из амфоры аргоновой своей
у них везде какой-то тальник ельник
патруль угомонили на суку
какой я консул я ребята мельник
пространство растирающий в муку
младенца в майонез форшмак из старца
взять угол восхождения и в путь
не рыбы мы а рождены для танца
чтоб вентилировал головогрудь
начальник навигационной группы
координаты выхода из тьмы
всем прочим марш и штабелями трупы

хотя смешно что эти трупы мы
кто не согласен чемодан вокзал
рудник на денебе
я все сказал

* * *

осталось несколько событий
неисправимый скоро срок
и жизни медленный строитель
уже отложит мастерок

тогда наступит настоящий
один обещанный тебе
печальный космос состоящий
из четких точек и тире

над этим типографским полем
повиснет может быть одно
наперекор глазницам полым
магическое полотно

и луч в котором мчится мимо
с какой отметки ни начни
все что с тобой при жизни было
и все же не было почти

скажи еще

а скажи мне еще что там за звезды стадом
дребезги радуги в глаз если слаб от слез ты
и такой от них запах над лугом над садом
разве это возможно разве пахнут звезды
кто их сбросил наземь чтобы от песен света
разрывалось сердце кто им позволил это

я скажу тебе что за звезды сны дневные
в саду и в поле и светом сочатся часто
их зовут цветами одни весной иные
летом и даже зимой горят из-под наста
или просто ради напрасной славы или
чтобы мы любили землю чтобы здесь жили

а скажи мне теперь что за лепестки праха
что за цветы в синеве трепещут двукрыло
и поют так сладко что не устрашит плаха
и топор лишь бы пели и всегда так было
кто их поднял в небо чтобы от их полета
разрывалось сердце словно влюблен в кого-то

я скажу тебе что там за лепестки плоти
это горние наши сестры птицы ветра
рожденные из персти но живут в полете
как рыба призрак низа птица призрак верха
поют и в синеве раствориться стремятся
чтобы нам с земли радоваться чтоб смеяться

а скажи мне еще скажи мне правду что за
птицы что за ангелы там чередой к речке
голос горлицы и ярче лицо чем роза
жизнь отдать за каждую как мотылек в свечке
жить вечно чтобы глядя как идут мостками
разрывалось сердце синими лепестками

я скажу тебе что за ангелы земные
сходят к реке на закате с печальным пеньем
вот дочери человеческие иные
нам невесты и даже жены долог день им
коротка ночь но с ними мерещится раем
те кого мы любим а потом умираем

тогда скажи мне вот что скажи без обмана
почему случается лишь то что случилось
цветут цветы птицы поют поутру рано
просили солнце сиять оно научилось
сходят девушки к реке рождаются дети
а меня нет почему я не жив на свете

бог с тобой уж если не жив то и не надо
кто не видел дня тому и ночь не настанет
нерожденного мать не оплачет и рада
цвет если не расцвел вовеки не увянет
не упадет птица раз в зените не вьется
у кого нет сердца оно не разорвется

дизъюнкция

за деревом за кочкой
в пейзаже нечужом
то беглый зэк с заточкой
то зоркий вохр с ружьем

а до потопа было
гораздо лучше тут
то поп возьмет кадило
то экзекутор кнут

пока народ не вымер
пока не спился в дым
он вправе делать выбор
меж первым и вторым

зовет завод турбиной
во рву россия спит
ей снится бунт с дубиной
и соловецкий скит

никто не скажет детям
когда идут играть
что между тем и этим
не надо выбирать

призраки

к концу творенья к истеченью дней
нам призраки становятся видней

вчера гуляли с галей у запруды
в ту сторону у хаты нет окна
то-се затем довольные заснули
а разбудила в этот раз она

попридержите ваши аргументы
я видел сам касался их руки
в ком кости как туманность андромеды
неоново светились изнутри
рябит рукав реки кругом коровы
неужто это сами мы когда
в геенне отбываем приговоры
но отойдя от адского котла
и вечность одухотворив на треть
свищ вещества решили осмотреть

здесь есть ученый фельдшер из района
его догадка вкратце такова
в коллайдере у космоса родного
сорвало квантовые якоря
и мчится он навстречу неизвестной
стране существ роящихся в щели
а мы кому судьба была невестой
их постепенным сном поглощены
и разжигая в животах огни
мы им являемся не нам они

мир долго тлел историей болея
прощайте барселона и тамбов
на каменной опушке мавзолея
закончен сбор велюровых грибов
а мы как призраки не покладая
ума впотьмах не обретем покой
покуда кровь струится молодая
в наш вакуум неоновой рекой
в траве горят две пары глупых глаз
кто в очереди обесточьте нас

но часики стучать не перестали
еще ржавеют ножницы у норн
и третий пионер на пьедестале
еще латунный не подъемлет горн
настанет день из-под семи вуалей
последний смысл проступит между строк
но время есть и мы на речке с галей
отпущенный доматываем срок
еще до дна не вычерпали ночь
эй там с фонариком ступайте прочь

* * *

печальный человек не пьет вино
но бережет и впрок не режет сыра
он столько лет в глаза не видел сына
ушедшего с ребятами в кино
с блуждающим сюжетом как давно
уже бежал такой же и как сила
сеанса центробежная носила
вдали но возвратился все равно
как собственно и этот время врозь
в спираль свернуло собственную ось
полжизни проблуждав сын стал философ
постигший все и каменеет смех
во рту отец не задает вопросов
то сыр нарежет то откроет мех

ночь

тогда мы вышли на периметр тьмы
вернее вышли видимо не мы
а отраженья в световые лужи
с желанием пощупать ночь снаружи
она дрожала как чернильный куб
и поцелуй явившегося в гости
грозил ему исчезновеньем губ
развинчивая челюстные кости

мы ерзали пока она росла
брешь совершенства в мире некрасивом
уже без дня недели и числа
проставленных в календаре курсивом
вздымался мрак где пропадали прочь
дерзнувшие губами тронуть ночь
которая и так всегда согласна
стать средоточьем каждого соблазна

там в проруби подросшие щенки
глазами тяжелея вполщеки
но к поцелую никакого средства
а в жизни ни замужества ни детства
сигналь отбой единственный солист
локомотив в ажурный мозг вокзала
медь голоса раскатывая в лист
в гнилые зубы мундштуком вонзая

когда бы медь не становясь трубой
простой рудой в утробных недрах пела
и брезжил рейс последним нам с тобой
пробить поверхность и спастись из плена
обители гиперборейской тьмы
теперь нас нет зачем стремимся мы
теряя четверги в канун китая
чернильную черту перелетая

мнемоническое

принимайся перечислять что забыли
пионерское в лагерном туалете
проводы в парадной заря на заливе
только ты навек пока свет на свете
молоко тетраэдрами в картоне
отрубиться в тамбуре электрички
на перроне в рыло печать в конторе
до получки пост не завозят спички
сутками прикуривал от пропана
формулы протокола статьи ареста
что на ч исчезло что на с пропало
всем иксы стальные вставили вместо
в парках после рижского силомеры
как мы жили странно до нашей эры
станем старые неприглядные видом
запивать забвение формальдегидом

если столько выстлано простора глазу
расставляй утраченное где свободно
зачисляй не сбывшееся ни разу
скопом в существующее сегодня
елочные черепки в колтунной вате
клятву обернувшуюся ошибкой
честь на чистой водке из-под кровати
совесть с лагерной номерной нашивкой
доставай старье с антресолей в носку
чучелу на проволочные плечи
от формальдегида забава мозгу
от мечты метиловой члены крепче
если звон в тетраэдре не оса ли
скулы в кровь компостером искромсали
в усиках заря синевой по коже
только ты навек вот ведь скажешь тоже

скала

генерал-губернатор пускает рысью войска
легендарный рейд на испанскую батарею
третий год как свернулась кровью густая тоска
ночью чистка стволов утром очередь к брадобрею
из досугов в пасти цинга в голове обман
солонину в зубы с утра сухари в карман
командирская лошадь в котле и к ужину пара
жеребцов лягушатник шлет им повестку с кормы
даже яйцам поклон в гарнизонном супе но мы
не сдадим гибралтара

в пятьдесят восьмом батальоне один за бугром
приспустил паруса облегчить на природе тело
сверху свист над бруствером бошку к чертям ядром
остальной организм орлом продолжает дело
или дамочка тоже чулки надевала в шатре
разнесло в неизвестные брызги по здешней жаре
в гроб на похороны не утрамбуешь пара
из чулок лишь один говорят нашелся потом
на позициях мат но мерещится шепотом
не сдадим гибралтара

эх бы к молли домой да в йоркширские края
тут с соседом как раз об этом текла беседа
вдруг шарахнуло кто-то убит это он или я
но кого спросить если нет ни меня ни соседа
к нам плавучие крепости мчатся член положив
на военную честь неважно кто мертв кто жив
от дурного ядра или солнечного угара
чуть не четверть к вечеру корчевать врачу
все конечности в кучу кал сдадим и мочу
не сдадим гибралтара

генерал-губернатор элиот тот над кем
нынче нет в творенье ни авторитета ни власти
искривляет вселенную в нужных местах систем
в поврежденных атомах переставляет части
мы и мертвые тверже чем небо и эта скала
в штиль словно под стеклом ширина стола
и когда нависнет последний уран удара
испарится время и вечность покажет дно

мы сдадим где положено ветхие души но
не сдадим гибралтара

curriculum vitae

потом они устали пить и петь
над всеми как и встарь свистела плеть
крепили упряжи пенькой и жестью
вождя изображали над страной
везли в сучан определенных в жертву
не тронули беременную мной

не заводя друзей я был один
чужого организма господин
что твой гельминт ютясь внутриутробно
не возгордясь и не впадая в грусть
фактически я мог родиться в ровно
но стал станислав родиной и пусть

те в чей меня зачислили состав
от европейской роскоши отстав
имели тело в орденских полосках
с гармошками на шее ростом с пса
на шарикоподшипниковых досках
осипшие возили голоса

я пел как все и шанса не терял
употребить короткий интервал
не азимут избрал до магадана
а чуть благополучнее края
но на беду цыганка нагадала
что я умру и вот она права

куда влечет овчарку и пчелу
там гармонисту члены ни к чему
в отличие от ссыльных под сучаном
здесь отдохнет от песен и ходьбы
чьей матерью в станиславе случайном
мы рождены чтоб сказку сделать бы

aus der tiefe

страх уподобиться сланцу застыть вещами
а не жуками жужжать и цвести как вишня
так утешители пели так обещали
сами надеялись тоже только не вышло
ужас очнуться в утлой коробочке пеплом
сердце где кровоточило вдогонку ноет
вместо того чтобы добрый навстречу в белом
кто-нибудь даже ладно пусть не гуманоид
после паралича вечным пером в пенале
тлеющим фитилем утонуть в черном воске
тщетно старались зачем тогда распинали
зря изводили гвозди зря тратили доски
и с кем спорим если поздно кому перечим
все это можно подумать но думать нечем

и тогда начинаешь вспоминать как будто
существуешь снова или еще неважно
у забытой тетки на хуторе под утро
завалинка музыкант бандонеон банджо
матерок подпаска горит радость на мордах
коров созови детишек сыграй с ними
в дочки-матери в доктора в живых и мертвых
жужжат журавли в жбане серебрятся сливы
молочно-восковой спелости везут манго
подводы с полей с минаретов рев корана
сколько ни живи на свете все равно мало
когда ни умри отсюда все равно рано
зубцы не лезут в пазы неизбежен вывод
угодили в каменноугольный период

примешься играть микрочип не держит хода
можно петь но не проси аккомпанемента
расколоть кайлом внутри плавники и хорда
система замкнута на себя словно лента
мебиуса одна сторона свет другая
фантом или бутылка клейна у причала
с запиской внутри купил мужик попугая
это считалочка для глупых но сначала
провернуть шестерни назад начертать символ
с хвостом в челюстях вернуть завету гаранта
сойтись толпой и завопить распни распни мол
снова чтобы алгоритм сработал обратно

в пользу старого ада где напомнят черти
мертвым что тайна любви глубже тайны смерти

взятие христа под стражу

как же все-таки отважно
на пределе смертных сил
живописец караваджо
нам христа изобразил

почему его иуда
опаляет болью глаз
автор взял его оттуда
где живет любой из нас

сами с близкими любезны
к власти с рапортом спеша
автор знал в какие бездны
опускается душа

мы в глаза пылаем людям
точно черный водоем
тем любимых крепче любим
чем скорее предаем

страшно слышать стук наутро
горло в петлю и умри
автор вычислил как будто
кто такие мы внутри

все художники убийцы
хоть висят они везде
в прадо лувре и в уффици
а не в поле на кресте

римляне или испанцы
кровь ручьями со стены
алой липкой болью пальцы
перед казнью сплетены

* * *

там винный магазин там вечный дух
свободный русский рубль взыскует двух
кладя на лацкан пару пальцев грубых
и можно жить нарзаном но нельзя
кремниста двоеперстия стезя
мы за него века горели в срубах

в одиннадцать откроется сезам
партнеров опознаешь по глазам
с кем коротать минутную отраду
сосчитана посуда и сдана
но как стакан надтреснута страна
где жили мы по старому обряду

ты помнишь пору этих скромных трат
сосед по зоне евразийский брат
с отрубами в полоске лесопарка
стеклянный скит где сталкивало нас
изведать быстрой святости экстаз
без метрдотеля и без патриарха

и разве вся страна обречена
чьим знаменьем была не ветчина
но не страшась ментовского навета
два пальца вознесенных над толпой
прилавок тесный где моя с тобой
легла орлом счастливая монета

* * *

старик напротив у кого внутри
сто пятьдесят за желтозубой щелью
свой алкоголь движением руки
приносит в жертву кровообращенью

сам близорук в глазах узор ковра
и личности урон нагляден жалкой
хотя желает света и добра
орудуя китайской зажигалкой

он стар как мир который был всегда
но вряд ли мудр нам ум увечит печень
добро в корчме истратил без следа
прикуривать больному больше нечем

и если в лоб ему не прямиком
сугубо собутыльники косятся
в надежде не стеклянным стариком
на склоне лет за стойкой оказаться

как быстро боль в стакане истекла
а в зеркале она себе чужая
и плавится лицо внутри стекла
наружных ужасов не отражая

пьета

на заре земля красива
птицы светятся летя
баба господа спросила
где теперь мое дитя

в муках я его рожала
только видела давно
выносила из пожара
тельце мертвое одно

если в малого ребенка
пулю меткую вогнать
покричит дитя легонько
а потом молчит опять

и стоит на зорьке баба
в сельском штопаном пальто
голосит но слышно слабо
не ответит ей никто

уж такая здесь эпоха
не сыскать концам начал
мы всю жизнь кричали плохо
нам никто не отвечал

лишь молчала в звездах башня
снежной ворохи крупы
отчего нам жить не страшно
неужели мы глупы

ошейник

я встречался с тобой в приозерном тумане хмуром
возле старого kresge's на перекрестке huron

и state street а затем к риверсайду вместе на спуске
где из встречных в ту пору никто не умел по-русски

мимо вяза в свищах где додж ободрал лишайник
мы гуляли с собакой которую звали шарик

часто билл попадался навстречу от спида взвинчен
на коротком пробеге от borders до olga's kitchen

только шарик давно в неизвестную даль отшельник
у меня если что сохранился его ошейник

и еще на марию из ипси наткнулись у рынка
ты не помнишь наверно она была филиппинка

с полуфунтом стейка в кульке с полуфунтом сердца
это наша страна насовсем никуда не деться

и ливанец валид у рояля руссель соната
сонатина верней ну и как ты жива сама-то

* * *

вы антиподы выпили и спите
сгорели фонари
пока скорбит кенжеев в джерси-сити
по эмме бовари

слепые пальцы тянутся к мобиле
как птицы в путь к зиме
вдруг оторопь ведь абонент в могиле
лежит в сырой земле

не с ним ли что ни год с тверской на невский
за дачной каланчой
уснул восток не спит один гандлевский
средь умбрии ночной

запомнить мир где вниз глазами город
в надир ветвями лес
куда летят когда отсохнет провод
пустые смс

в чьем человечестве в чьем ритме редком
из личности простой
в чьем воздухе нам подниматься ветром
кому гореть звездой

вся полночь в черных пузырьках как сода
но в стекла мотылек
тень может быть того кто там с испода
земли в могилу лег

чем смыть судьбу какие выбрать темы
пролить ли не тая
с кенжеевым слезу над гробом эммы
но эмма это я

* * *

если божья коровка в дороге не тронет ни тли
стиснет зубы и не прикоснется к любимому блюду
у нее загорается свет трансцендентный внутри
и она превращается в будду

если вдруг стрекоза на росу перейдет и овес
расцелует цветок перевяжет кузнечику рану
восьмеричную правду откроет собранию ос
стрекоза обретает нирвану

как же выпало нам суетиться уныло внизу
от кровавой еды поднимая лишь нехотя лица
не затем чтобы лить над сурком сиротливым слезу
или с дятлом над истиной биться

мы не божьи уже наши крылья присохли к спине
истребитель добра ненасытного брюха носитель
даже лучший из нас далеко не товарищ свинье
и скоту своему не спаситель

чем утешится тело когда избавленье хваля
устремятся из мира в канун окончательной жатвы
вертолетные ангелы в венчиках из хрусталя
семиточечные бодисатвы

* * *

какая творческая свора
на толковище у реки
добыча радия из сора
ахматовские рудники

добыча мелочи игра на
гроши душой не покривлю
но не урана для ирана
и не полония кремлю

чье божество щедрей на жесты
а жребий сад и соловей
для нужд треножника и жертвы
приставлен если послабей

кому оружие пергамент
и если муза не ушла
она патроны выбирает
для принтера а не ружья

для паники а не покоя
строка устроена своя
когда б вы знали из какого
предсмертия растут слова

лишь выговорившись не горько
умолкшему семь нот не крюк
пасть выполоскав кровью горло
раз жил не обагряя рук

наведение на резкость

волхвы норовили в проулок нырнуть сторонясь
но заднего хвать не промешкав за охабень князь
ответь мне геноссе кудесник чего я хочу
зачем себе сердце от черной бациллы лечу
по-шведски волхвы встрепенулись а ну как пизды
отвесит но после смелеют в ночи лопоча
в предложенных мальборо пачку вложили персты
и чиркая спичками поняли без толмача

друиды молчат но внутри приготовлен ответ
их вождь ротовое отверстие вытянул в шнур
над скулами кожа на нем помертвела от лет
чьи челюсти жадны до смердьих и княжеских шкур
дымок из ноздрей упирается в тучи верстой
ладонь его сложена в жест непостижный уму
где загнуты палец четвертый и палец шестой
а с тыльной изнанки зрачок отражает луну
и конунг на кобре стоит не имея стыда
такой представлял он себе эту встречу всегда

а в баре напротив народ занимает места
похабные ветер развесил по стенам лубки
там голая девка танцует всю ночь у шеста
и зрителям это приятней чем грусть без любви
небесная в огненных жалах сверкает слюда
налогоплательщик ресурсы несет на пропой
на пирсе дозор принимает морские суда
груженные маковой камедью мудрой травой
другой из друидов в дверях с номерком на груди
он членские с членов уплаты взимает поди

становится ясно что волхв цепенеющим ртом
молчит не в ответ на вопрос и вопрос не о том
что зря в неурочную ночь из гортани возник
великий могучий но в сущности шведский язык
князь гость в этом сдвинутом мире где жало сверла
вгрызается в горло героя он пал на войне
где слабый по полной пизды получает сперва
а сильному против того достается вдвойне
ладью снаряжают дружинные богатыри
от волхова волоком с трупом варяга внутри

я тихое сердце лечу на чужом берегу
то щи с люминалом то в борщ пощипать белену
с плеч свинченный череп снимает привычно рука
в нем умыслу тесно но мозг потемневший терпи
коль мальборо в пачке еще остается пока
и пушкин ангорский хвостато идет по цепи

осенний крик бродского

пока вальсирует над бездной
питомец птичьего яйца
запас энергии полезной
не увеличивается

так обстоит любое дело
закон любого ремесла
чуть в чайнике перекипело
вмиг энтропия возросла

пора внутри сознаться честно
на птичью щурясь молодежь
что есть внизу такое место
куда однажды упадешь

не загодя и без сигнала
подскажет в сумерки тоска
что не звезда в зрачке сияла
а два крест накрест волоска

туда и отчисляют квоты
чьих привидений не боясь
берут земные звездолеты
безлюдный космос на баланс

здесь водород кругом и литий
там только тяжесть и покой
за горизонтом всех событий
над сингулярностью такой

метод исключения

харитоненко сыч фролов
марьникитишна крокодила
в стаде численность доходила
часто до сорока голов

ручеек чернил из карьера
сплошь бараки да корпуса
и какая-то сразу вера
по фамилии ковбаса

наводил небольшую ретушь
эту сыч истребить дотла
за злодейство ее но нет уж
пусть останется как была

потерпи все что на дом устно
ты один заглянул в ответ
если вырезать станет пусто
а другой чтобы вставить нет

гость из гомеля горло в йоде
тюрин в дверь зарастет хуйня
больше не было у меня
никаких фотографий вроде

гипнотопология

без выдоха или
истратив его на суглинок в горсти
с прожилками гнили
в котором багульник бастует расти

измерить поверхность
пустой континент с колыбели по гроб
где сослан за вредность
скитаться с котомкой последний микроб

раз вспыхнула птица
не вне стекловины зрачка а внутри
то это не снится
а правда хоть смертью в постели умри

так генисаретский
фарватер андрей озирали с петром
когда бы не резкий
поступок ни в сказке сказать ни пером

но если на сутках
повисла печать бесконечного сна
а слабых поступков
подробная сумма всегда неясна

то может быть проще
свет зрения внутрь направлять поутру
где лиственно в роще
как прежде снаружи и хвойно в бору

попытка разобраться

раз точней не могу то скажу как умею
что прошло то случилось жалей не жалей
не подбей этот ирод на вальс саломею
было б дольше одним человеком живей

пострадали бы правда сильнее акриды
их в страду на плантациях невпроворот
но поля оказались бы гуще покрыты
той пшеницей которую любит народ

и похоже идея не так уж нелепа
что народ к потребительству склонный в душе
ел бы больше гораздо пшеничного хлеба
а духовного меньше гораздо уже

но какая же польза тогда от предтечи
он кому проповедовал бы я спрошу
если тесто без устали мечется в печи
и мука в магазине за фунт по грошу

и приходится честно признать что природа
состоит из событий полезных для нас
а идеи по поводу дикого меда
я в другой изложить вам попробую раз

если в прошлом копаться с отверткой то каждый
сам себе оказался бы деверь и зять
я скажу тебе вот что живи и не кашляй
а точнее никак не умею сказать

комплекс кассандры

им проще коснуться сути
сквозь видимость напрямик
они ведь не очень люди
с кем врать наугад привык
где надвое делишь трату
грамматики смысл вдвойне
но я говорил им правду
никто не поверил мне

я выполз из недр под купол
в зеленом свище травы
и глядя на них подумал
я тоже умру как вы
диагноз взимает плату
язык в золотом огне
я вам открываю правду
попробуйте верить мне

свободны слова от плоти
на срезе горчат мозги
но если язык возьмете
стигматы везде мои
полезная в звуках сила
но слишком для слов просты
их ушки в зенит и с тыла
извилистые хвосты

их бусины в сером ворсе
не очень для чтенья книг
они же не люди вовсе
что мне симпатично в них
в траве как живые пятна
их время учить пришло
а как объяснить понятно
когда говорить смешно

как выразить что в ответе
за случай и порчу в нем
все плюшевые медведи
и каждый садовый гном

у робких проверка тока
мозги превратит в дымок
кто пробовал правду только
на вкус а сказать не мог

* * *

отступали к плетню и вишням
в травяную ныряли шерсть
нас там было четыре с лишним
а фашистов почти что шесть

жутко в сумерки жить на свете
кычет пугало пень в пальто
мы известное дело дети
а они непонятно кто

никакого другого детства
не замечено вновь за мной
но и старость не сыщет средства
от испуга в судьбе земной

по оврагам набег и бойня
ближе к пугалу мы одни
и ныряешь в траву не помня
кто здесь наши а кто они

ни добра не принес ни зла им
не желал но из-за бугра
мрак а мы до сих пор не знаем
что здесь правда а что игра

* * *

биаррица и ниццы
упромыслить не чаял дары
но порой проводницы
на дистанции были добры

можно быстрым наброском
рассказать обнажая прием
о себе и сопровском
как мы в питер катались вдвоем

угодишь в бологое
по дороге на горе оно
всюду недорогое
угрожает изжогой вино

но наутро на невском
забивать в беломор анашу
сверить сумерки не с кем
лучше все-таки сам опишу

а еще как на бис ты
перед свиньями в рифму алкал
разбитные гебисты
подливали нам пива в бокал

всюду литература
мир велик да держава одна
эта родина дура
за кого нас держала она

ни глотка не осталось
кроме нежности или стыда
эта станция старость
доезжает не каждый сюда

на разрезанном фото
расставания схема проста
словно лошади клодта
с двух сторон у пустого моста

* * *

уроженец ноябрьских широт
не имеет запасов
там червяк в натюрморте живет
а в ландшафте саврасов

плюнуть в грязь и раздуть паруса
на смоленом баркасе
пусть умеренная полоса
экономит на квасе

только памяти с голень длиной
отпилить и не больно
не бывает страны под луной
чтоб любить подневольно

неподвластна валдайской возне
из-за моря незрима
жизнь огромная словно во сне
словно правда без грима

за пределом где воздух не мглист
где дождю не ужиться
и ноябрьский обугленный лист
на ветру не кружится

* * *

встреча ничего не значит
что за женщина такая
почему она заплачет
в миг когда меня увидит
в слепнущем стекле трамвая
времени присущ эпитет
если будущее время
вся история кривая
в голове ревниво рея

назову ее людмила
или вроде бы варвара
взгляд ее напрасно занят
не меня она любила
постороннего узнает
пусть ему бы и давала
бес пойми который век там
снам на смену на смех курам
все мерещится futurum
где давно plusquamperfectum

наше будущее было
наше прошлое ловушка
эта женщина любила
не меня и мне не нужно
не меня и я не помню
где и чья с тех пор могила
с остановки к стойке сходу
припаду угрюмо к зелью
дождь воды отмерит квоту
и стекло трамвая в воду
как иллюминатор в землю

муха

он полюбил обилие травы
в прогулах рам и никель вертикали
с нее свисала ампула в крови
откуда в вену мысли вытекали
любил сестру с дежурного узла
с боекомплектом острого металла
и муху что по куполу ползла
но к пациенту в гости не летала
он ей диагноз умный изобрел
и процедуры прописал в журнале
но верил что она вверху орел
а он земля и в ампуле журчали
короткие как руки времена
когда он думал кто ему она

тому зрачку и мир в упор упруг
кто коротая детство отставное
все полюбил что наблюдал вокруг
зеленое багровое стальное
жизнь завораживала кровь была
клепсидрой жара даром что чужая
над ним палата плавала бела
в известку зренье жадно погружая
он знал что за стеной жила сестра
уколов совершившая десятки
в чьих автоклавах детские сердца
скучали в ожиданье пересадки
и одинокий но крылатый друг
на потолке имел шесть ног и рук

там ощущая в венах вещество
и в устьях жил железные поленья
он разве знал что мысли не его
а ропот крови доноров с похмелья
зато о мухе знал до боли все
на тумбочке с таблетками лежали
как с воли припасенное свое
чуковского привычные скрижали
все жаловалась нянечка белья
сменив набор что мол жужжу и ною
как будто мухой наверху был я
или она в хорошем смысле мною

звенящим в небесах зовущим ввысь
земля земля я сокол отзовись

юта

в грейхаунде на запад у одной
что твой маяк малец гудел грудной
с тех пор как мельком в линкольне стояли
но в молодости нервы не сдавали

а справа нервам тоже не во вред
дремал продутый ветром прерий дед
небраску напролет со старым хреном
лимиты алкогольные деля
я обсуждал злокозненность кремля
а умирать он начал за шайеном

покуда я стоял над ним в степи
водитель помудохался с cb
а гребень гор держал словно плотина
за горло ночь и скорая пришла
как из гиперпространства в два прыжка
но деду смерти за глаза хватило

мы тронулись и пламенем росло
с востока с жизнью вычтенной число
скажи всерьез серега буду гадом
чтоб человек вот так сидевший рядом

ты помнишь юту лунный полигон
иллюзий азимут на орегон
земные мускулы в пазах асбеста
где вслед ступившему в слепую тьму
умолк ребенок видимо ему
освободилось в переписи место

маленькие

ночью в непролазной золе за дверцей печки
жили маленькие черные человечки

руки ноги в норме только черные сами
только маленькие а с виду как мы с вами

а впрочем не поручусь никто их воочью
не видел потому что черные и ночью

но точно помню что были до сих пор грустно
что в прессе не описал не рассказал устно

как их матери рожали плача о чем их
мечты томили в печи маленьких и черных

а когда они умирали что бывало
часто потому что таких смерть убивала

легче чем больших живущих снаружи печки
уж очень маленькие были человечки

тогда садился один с крохотным баяном
петь о жребии черном часе окаянном

о маленьком мире а в нем маленьком горе
пока не заскребется кошка в коридоре

прогонишь кошку кышь навостришь уши или
громыхнешь вьюшкой пусто слишком быстро жили

сквозняк шевелит золу серый пепел реет
были да вымерли и кто теперь поверит

что маленькие черные а столько боли
или их тут не было ну и ладно что ли

* * *

время солнышку садиться
в ручейке рябит водица
тихо в дальние края
плывет милая моя
на лице печаль разлуки
в воду свешенные руки
далеко за острова
а вчера была жива

здесь не может быть ошибки
здесь от правды не уйти
только радужные рыбки
с ней целуются в пути
вся судьба сложилась криво
как излучина реки
кто столкнул ее с обрыва
и не подал ей руки

там средь волн в пучине водной
далеко от мимолетной
нашей радости мирской
встретит царь ее морской
он невесту ублажает
ей навстречу выезжает
на стремительном морже
не моя она уже

молчит мельница не мелет
ветерок по ковылю
подожду пока стемнеет
вслед за милой поплыву

артериальное

вдруг из-под груды электронных книг
и пыльных dvd забил родник
густого времени куда мы кружки
совали под струю а в стороне
от жажды умирали три старушки
над прялкой и горилкой в стопаре

в любом году однажды есть число
когда глазной коросты вещество
смещается когда раздор и ссора
из устья в пропасть снесены стократ
и наши сны из пустоты раствора
беспримесному свету предстоят

из новогодних с просинью глубин
вдруг бредится что я не тех любил
кто золотым пунктиром пусть и редко
вкруг родника и трупы мойр в пургу
а под землей устроенных как репа
и огурцами грубыми вверху

из двух времен здесь дорого одно
артериальное когда оно
однажды в жизнь пускается навстречу
венозному сезонам вопреки
за чье течение топчась отвечу
начальнику баркаса у реки

живи на вдохе а потом умри
с минутой умолчания внутри
на всем снегу в который мойра мордой
и прялка с ней но из-под снега свет
тому в ком если снова год аортой
пройдет мы вспомнимся когда нас нет

* * *

а она с налета в толпу винтом
у нее там кровь под тугим бинтом
там ожог кинжала
сорок лет саднил незаросший след
в инкубаторе тайном где ртутный свет
сорок лет лежала

как весной понесло в водосток струю
человечьей ночи а сам стою
у простой бабули
все пытаю положенных прав и льгот
застолбить места растолкать народ
постеречь баулы

а она вонзается как пила
по спирали в толпе пополам тела
опустело стадо
ни живому жена и жмуру не дочь
подвяжу баулы и рысью прочь
слишком страшно стало

я-то знаю как себя поведу
я лет сорок закапывал в грунт еду
не грусти утроба
чемоданы вязать не концы сводить
вот бы пару глаз чтоб за всем следить
да закрылись оба

стансы

если вдруг умереть и очнуться
где пылает огонь и смола
нехорошие чувства начнутся
раздадутся плохие слова

очень мудро что мы умираем
наповал как любое бревно
а у жизни за порванным краем
неподвижное время одно

разве лучше чтоб нас наказали
за отсутствие в сердце стыда
и набитыми пеплом глазами
наказание видеть всегда

это голову встарь моисею
из куста конопли голова
на синайскую всю одиссею
заморочила бред говоря

там куда не проносят и пыли
даже плотно зажатой в кулак
не жалей что мы заживо были
не такие хорошие как

не костры скипидара а ветер
там вращает кристалл в пустоте
а которые верят как дети
как сапер ошибаются те

про предсмертные личности чувства
все в учебнике честном прочти
и не жалуйся больше что грустно
потому что не грустно почти

пепел гаити

опять не в духе
в живые лица
вонзает когти
неукротимый
директор мира
верховный хрен сам
слезая утром
спеша к престолу
с небесной койки
и трупный запах
ему приятен
над порт-о-пренсом

мы состоим из
кровавых пятен
мясных волокон
в разверстый гравий
рожаем в муках
кривых потомков
от слез и лимфы
ему лишь ярче
лазурный кокон
когда мы смертным
исходим криком
из-под обломков

слаба в разлитых
мозгах на грунте
тверда в граните
земная память
прибоем крови
гробы отпеты
пора припомнить
когда на карте
горит гаити
кто автор смерти
и нашей мнимой
над ней победы

видение варвара

чуть не шерсть до ушей но возник изнутри как живой
всей изнанкой вникая пространству в надрез ножевой
в протоплазменный паз роговицы под створками ока
вертикальные ноги и полый мешок пищеблока

саблезубому племени леса поверить смешно
в человеческий мрамор и башен его большинство
как пришелец с периметра в рим озверел озирая
сам вестимо с охоты в зубах землеройка сырая

говорил им один что любите друг друга всегда
остальное на свете фактически секс и еда
но гвоздями к кресту и в пещеру молчать поместили
вот такое однажды случилось у них в палестине

если жить как живут умножая зарплату на труд
перемелется мрамор а стражи на башнях умрут
вспыхнет воздух пустой где пузырился в зареве замок
унаследуем без суеты всю скотину и самок

оставайся без тормоза время пока пищеблок
потребляет внутри углеводы свои и белок
и вчерашнее кроет пожарище пологом вьюга
и под камнем того кто учил что любите друг друга

попытка оптики

приснилась староместская а сам
как бы стою на траверсе орлоя
меж ним и тем кто видит это все
со стороны целетне тем кто спит
туристская братва само собой
увековечивает дигитально
но из живых я все же там один
приклеенный подошвами к брусчатке
а не свидетель дремлющий вдали
не тот который смотрит или спит
трещат цифровики от их стараний
но прорези воздушные черны
в мозгу жгуты порожних расстояний
звенят как выстрел как полет пчелы

или наоборот приснилось мне
что это он лежит в заморском квинсе
а сам стою на площади и сплю
но стало быть в затылке есть глаза
раз так часы отлично различимы
песочные в костлявых пальцах смерти
дублоны у еврея в узелке
трескучие цифровики туристов
у смерти череп чей-нибудь знакомый
он может быть мой собственный законный
но я его не видел никогда

когда тысячелетняя вода
сошла в две тысячи втором жена
однажды вышла в карлине ошибкой
метро уже открыли но дома
все в трещинах и в иле пустовали
там было тускло как в конце времен
на улицах истлевшие шкафы
случайный слесарь или мародер
фантомный растворялся в подпространстве
есть выстрелы но пуль на трассе нет
пчела обман но каждый дюйм жужжанье
и черная чей череп на плечах
спит на посту с песочными часами
с песчинками рабочими внутри

квантующими числа дней а сами
мы даже и не жили посмотри

приснилось мне что снюсь но не себе
и видимо совсем не я поскольку
свидетели всему отнюдь не мы
а цифровые фотоаппараты
в которых жизнь взаимно отражаясь
иллюзию себя притворно длит
на свете нет не только демиурга
но и всего творения а есть
взаимный сон на смежных площадях
в котором направление зависит
от символа и заданных условий
от могендовида и пентаграммы
от мастерка и молота в серпе
есть инструмент но кисть руки истлела
есть стереоскопическая миля
вдоль влтавы невъебенная краса
там тынской богородицы два шпиля
как скальпели в слепые небеса

* * *

кожа ли в пролежнях лет или ребра грубы
сыпью стожар обложило к закату губы
сердце как кролик в сытой грустит змее
просекой света сны ковыляют криво
первый с кремнем и кресалом сиречь огниво
пламя его в зените зола на земле

скоро четвертый день немоты и жара
чья-то в потемках на коже ладонь лежала
тумбочка ручка ключ в хрипоте дверной
челюсти вспять уже отворить не смея
встать навестить в жестяном фюзеляже змея
сердце с ушами которое было мной

ночь заточит но случайные звезды света
под черепными балками носит где-то
тень сколопендрой сползшая со стола
рыбьим хребтом по спине пролегала вроде
аэрозоль этих зим шипит в пищеводе
снег под ступнями уголь гель и зола

там где вязанка глаз со стропил свисала
первый в шеренге искра с его кресала
в кроличий трупик испепеляя в нем
сектор загрузки файлы разлук и пряжу
лжи и тщету обещаний вминая в сажу
крикнешь огня и тотчас придут с огнем

неправильные собаки

правда что раз уж мы сюда рождены
значит проекты кем-то утверждены
но изучите сами хоть свет в окошке
сверьте со всем что нам твердили о мраке
все наизнанку они обманули нас
это же ходят ненастоящие кошки
это совсем неправильные собаки
а про людей я лучше не в этот раз

сядь и подумай откуда мы здесь оказались
разве мы им на свете жить обязались
ухо во лбу а внизу ни ноздрей ни рта
кошки такими решительно не бывают
жесты их и ужимки нас убивают
и у собак совершенно внешность не та

вспомни навскидку наши оригиналы
так ли уж мы земноводны и шестипалы
гибче ли в черном хитине головогрудь
станешь печалиться вывинчен из патрона
вообрази себе вечных кошек платона
тех же собак но ярких и быстрых как ртуть

кто проверял лицевые счета творенья
в наших словах неграмотные ударенья
грубые морды аж в жабрах вскипает злость
кошек ли верный дизайн проморгали где-то
ненастоящие все и неаутентично это
что ли собак поточнее у них не нашлось

* * *

каждый февраль из кристаллов простых вырастаем
слово даем что теперь никогда не растаем

изморозь в рамах просторы узорами ретро
звезды из воздуха окаменевшего ветра

избы из инея ставни конек и стропила
прорубь где снежная бабка котят утопила

вскачь ледяные собачки лошадки и санки
сын человеческий в поисках водки и самки

детские рожицы в оспинах солнечной пыли
всем сочинить имена чтоб они у них были

разве не март у ворот карандашной резинки
росчерком скоро сотрет ледяные слезинки

слово не сдержано даром лошадки гордятся
выдуманные не им имена пригодятся

седьмая судьба

о любимой седьмой уцелевшие шесть говорили
как снесли кладенцом и в латунном тазу отварили

мы-то шесть увернулись да с краю сестра оплошала
и безглазо в сражениях вражий штандарт украшала

раньше проще жилось большинством все вопросы решали
если мнения врозь разногласия нам не мешали

если надвое нас разводила упрямая гордость
за премудрой седьмой сохранялся решающий голос

нынче сиднем на месте сидим с голодухи опухли
и не можем придумать куда нам на север на юг ли

чтобы там огнедышащей жизни испробовать снова
в этом мире где всем одиноко и так безголово

так мы четные шесть ни за что пропадаем впустую
что пожалуй возьми кладенец и снеси нам шестую

тут я взял узелок и покинул окрестности змея
безутешные шесть беспокоить в дальнейшем не смея

чтобы им не мешать в неподвижной от горя вселенной
тосковать о любимой седьмой о седьмой незабвенной

двенадцать

рассекал пески помечал года городами
истоптал чешую земную эльдад га-дани
побывал в краях где в небо врастает суша
где река-оберег горит по границам леви
уверял что правда что сам пришел из-за куша
на последней нередко воде и последнем хлебе
раньше с ним путешествовал ашера тучный отпрыск
но в котле каннибала выбыл на вечный отпуск

торговал чем придется а новости не в цене ли
все изгнанники живы твердил мы все уцелели
и куда бы детей завета судьба ни бросала
помни северных братьев пропавших списывать рано
мы ушли от меча и стрел тиглатпаласара
и манассия цел и ефрем и колено дана
все кого извергло на свет патриарха лоно
хвалят господа на золотых берегах гихона

и дивились такому странному гостю евреи
а эльдад умолял их дивитесь но поскорее
если справка нужна от гаона лады пишите
подтвердит гаон а не то от магога свора
на последний погром почему же вы не спешите
мы уже почти опоздали на место сбора
возвратимся в сион предстанем совместной доле
станем все двенадцать ждать машиаха что ли

но пока в вавилоне ярлык оформляли эльдаду
календарь проскочил какую-то важную дату
грохот гойских кирас и лязг сарацинских сабель
в палестине темно от пепла от крови жидко
весь от дана до беершевы вечный израиль
прозвенел и рассыпался в воздухе как снежинка
и в хазарских степях где гаснет в сумерки оклик
затерялся эльдад и его кругосветный ослик

мы еще понемногу блуждаем по этой суше
наши очи померкли наши сердца все глуше
в погребах закатаны на зиму помидоры
во дворе вколотили кол и коза по кругу
на погосте кадиш над гробиком рваной торы
и гефильте фиш в облаках косяками к югу

у костра в руинах стеклянные пальцы греешь
и скорее бы надо и знаешь что не успеешь

коридор

здесь ходил по коридору
очень старый человек
а теперь его не видно
потому что нет в живых
я наверное как этот
очень старый человек
если кто-нибудь заметит
что меня на свете нет
опирался на каталку
головы не поднимал
все ходил по коридору
а на улицу не мог
я живу в кирпичном доме
в трех минутах от метро
но из жителей соседних
я не знаю никого
всюду мусоропроводы
крысы быстрые смелы
человеческой работы
безуспешные следы

этот старец обреченный
не заглядывал в глаза
иногда он ездил в лифте
но не помнил этажа
а еще по коридору
в самой дальней из квартир
весь декабрь кричала птица
но теперь она молчит
я ходил по коридору
головы не поднимал
мне о чем-то говорили
ничего не понимал
у меня вообще проблемы
счеты вечные с собой
постоянные пробелы
между словом и судьбой
я живу в долине жажды
здесь не так уж и смешно
как мы думали однажды
как вам в голову пришло

здесь ходил по коридору
а теперь его не видно
если кто-нибудь заметит
опирался на каталку
я живу в кирпичном доме
всюду мусоропроводы
иногда он ездил в лифте
весь декабрь кричала птица
мне о чем-то говорили
у меня вообще проблемы
я живу в долине жажды
здесь подобен помидору
неживой как чебурек
все ходил по коридору
очень старый человек
мы живем в огромном доме
и в упор не видим зла
притерпелись к этой доле
а на улицу нельзя

* * *

я оставался а ты уезжала
черная полночь на липах лежала
с фланга крикливому поезду вслед
рос в рукаве у смотрителя свет

я напросился а ты понимала
чью накануне судьбу поломала
петли сюжетные клоун в конце
с вилкой в петлице и фейсом в яйце

рижское с хлопьями хек порционный
весь поминальный фуршет станционный
в месте где навзничь упала страна
ночь расставанья вступала в права

там за плутоном где мчишься одна ты
зрение тычется в координаты
сыпь персеид леонидов орда
пристален блеск роговица тверда

щучье чудовище звезды глотает
в точке на карте где нас не хватает
долгий дозор в кумаче голова
свет источающий из рукава

* * *

ненужный шахматный урок
апрель снаружи
из детворы один игрок
гораздо хуже

он лихо жертвовал ферзя
еще в начале
не понимая что нельзя
а все молчали

мусоровоз въезжал во двор
ведро на вынос
другие выросли с тех пор
один не вырос

от рифмы пил и топора
мужской и женской
кренили кроны тополя
над этой жертвой

над тем кто хуже всех играл
со всеми вместе
и в миттельшпиле умирал
в моем подъезде

но жил наверное не зря
однажды к лету
отдав им все когда нельзя
но больше нету

краткий курс

я рос в аккадском городе шумеры
пропали как болотные огни
они однажды многое умели
но мы пришли и где теперь они

теперь в ходу аккадские идеи
чтоб свет цивилизации не гас
потом наверное придут халдеи
и что они подумают о нас

но в эти ограниченные сроки
нам жребий заодно так нужно жить
чтоб журавлиной клинописи строки
на обожженной глине уложить

и видеть постепенно холодея
как время выгибается дугой
но отличать шумера от халдея
ты сам не должен кто-нибудь другой

электрическая лирическая

город вывернут нутром
искры шустрые в системе
на шкафу в коробке гром
вместе с молниями всеми
если спутник пассажир
втайне руку положил
на колено пассажирки
бурно дрогнули поджилки

этот грохот и весна
бередят как спектром призма
всех лягушек естества
гонит сила гальванизма
по бокам возникнут ушки
если отпустить лягушке
лет немалое число
вспухнет мозга вещество

уходя в свое метро
навостри на резкость уши
как устроено хитро
электричество снаружи
обесточат встрепенемся
в рой родительский вернемся
головастики мои
луж бумажные бои

робот родом из камней
жизнь из воздуха берется
со всех ног стремятся к ней
сколопендра и березка
город-оборотень длится
луноходов лисьи лица
жить на свете не смешно
много времени прошло

сон с обнаженной натурой

приснилась мне голая девушка n
мираж из космической пыли
плохих не заметил я в ней перемен
хорошие кажется были

она неохотно водилась со мной
мы виделись редко и мало
вот только одежды на ней ни одной
а что под одеждой совпало

зачем на излете удушливых дней
с обратного берега леты
внезапная грудь оказалась на ней
и все остальные предметы

вот спишь себе скажем внутри тишина
уже насмотрелись всего мы
как вдруг эта n на рассвете пришла
и сбила мозги с аксиомы

среди беспросветного снега в окне
когда на будильнике девять
зачем она голой является мне
и что с ней прикажете делать

исторгну сознанье из сна как блесну
над кофе склонюсь и газетой
и впредь хоть убей никогда не засну
назло этой n неодетой

душа безутешна хоть свет не туши
раз телом тщеславно гордимся
и если мы мертвые так хороши
на что мы живые годимся

а если мы точно лишь копоть и слизь
оставь меня призрак в покое
такое пожалуйста больше на снись
а что-нибудь снись не такое

оставь испаряться в последнем огне
где в горле у времени кость я
а мнимое тело покойник вполне
и вся его голая гостья

чаепитие в конце тоннеля

пришел управляющий с чайником чая
и долго молчал на вопрос отвечая
касался возможных чувствительных тем
а чай на столе не кончался меж тем

гадал я водя по столешнице пальцем
зачем я в конце притворился китайцем
хозяин смеялся держась за бока
но чая обоим хватало пока

миндальный побег за окошком качался
свеча догорала но чай не кончался
ручей измельчал но на четверть подрос
в нем месяц с тех пор как я задал вопрос

был горд управляющий горным именьем
заваривать чай благородным уменьем
а я из последних поддакивал сил
пока не забыли о чем я спросил

в краю куда тени отпущены наши
мы все персонажи из нежной гуаши
нам нет кроме плесени в мире угроз
где смерть не ответ но и жизнь не вопрос

он понял похоже что я из россии
но стол убирали и чай уносили
а мы тосковали в компании крыс
и каждый китайские палочки грыз

ландшафт с чайками

тишины прошу и тени я
где трава топорщит усики
линзы лопнули от чтения
запеклись мозги от музыки

знать дает себя старение
годы прожитые попусту
и такое настроение
как от опозданья к поезду

на бегу лоснится лысина
грудь с волосиками чахлыми
пот блестит на морде бисерно
серебрятся брови чайками

надо больше жить растительно
без вот этой вашей мистики
дубу голым быть простительно
если облетели листики

а не то стоишь тут в тапочках
с огурцом в зубах надкушенным
и вагон в прощальных лампочках
уезжает вместе с ужином

вечером

вносим светильники в дом собираем в саду котят
бедные крошки скоро стервятники прилетят

золото кость зола в сторожевых кострах
запах острее ночные цветы источают страх

меры не знали в вине прозевали за лютней страду
скудные злаки овина робость котят в саду

прошлый в желудках иссяк а ведь тучный был урожай
но не отвадить треклятых чем им ни угрожай

пал с погремушкой на горке ангел глухонемой
всех сосчитали цветы бы тоже созвать домой

первые сумерки смрада серые перья с небес
был я любимец с песней теперь я без

рухнул в сенях светильник всю опалил седину
в воздухе свист постепенные крылья гасят луну

лаковый глобус глаза подернут дырами тьмы
бедные наши котята бедные мы

женщина из которой улетели все птицы

ее нашли изубранной в шелка
вся в стилизованных чижах пижама
и пепельная в руслах слез щека
прощальному молчанью не мешала

еще над ней атласный полог вис
точнее даже паланкин не полог
созвездия обрушенные вниз
и поручни чей узкий путь недолог

нет лучше не об этом но тогда
окрестный стыд словами нарисуем
где жадно ждет опарышей толпа
и всех червей чей вид неописуем

ночное средоточие теней
из-под ресниц землистый выплеск пены
храм пустоты в котором нет теперь
крылатых горл что нам однажды пели

пока в руке притворный кубок тверд
в котором тризны отзвуки сольются
давайте пить за этот павший форт
и устоявшие что не сдаются

одна печаль в уме одна беда
что может быть душа утраты мнимой
не птицей человеческой была
а полуящерицей полурыбой

* * *

в стороне где в замученных песнях
славен главный гонитель пурги
пассажиры похожи на прежних
повстречавшихся раньше в пути

мимо тундра гробами горбата
вот и виснешь а спину прогни
на оконном ремне как когда-то
помнишь были такие ремни

и такая была суматоха
что в дверях защемило пальто
и авоську ты помнишь алеха
неужели забуду а то

что с мимозами ужаса гаже
чье-то чмо в габардине пришло
там сегодня не насрано даже
это марта восьмое число

там у женщин кровавые жилки
на цветной роговице видны
пассажирки пропущенной жизни
это март это месяц войны

повинуясь надсадному эху
ледяная по роже крупа
и куда же я господи еду
даже если не боже куда

* * *

в последний раз ты помнишь все слова
там мысли не слышны работай ртом
она ему подскажет их сама
сначала да подскажет а потом

запомни вера истина семья
любовь страна родители цветы
а как узнать что это вправду я
все сходится не можешь быть не ты

вот здесь на сто двенадцатой смотри
на незаметной станции в глуши
но если вдруг невмоготу сотри
а если все получится впиши

ступай где сухо степь дорога двор
не по воде постой ведь это пруд
она его научит договор
нет не летай неправильно поймут

мы остаемся здесь мы смотрим вслед
но пеленга молитва не берет
щипцы твой первый крик твой белый свет
спасибо я запомнил все вперед

* * *

ночь в кирпичном горле колом
проходные дворы ходы
ртутно рдеют в глазной пролом
автоматы мертвой воды

ни души вокруг ни мента
ставни заперты на винты
в автоматах вода мертва
в ней зрачки твои не видны

где косили во рту траву
там из десен острей стерня
гуще алая соль во рву
чем в желудке глоток стекла

время мертвую воду пить
оловянную рыбу грызть
волочить свою немочь в нить
костяную расправив кисть

сколько страсти на сны ни трать
как ни вейся струя тонка
от ладони не отодрать
ни копейки ни пятака

клубок и прялка

это с брустверов блядь горсовета ракурс такой
чей портфель с недожеванной алгеброй мой или витин
это мать в гастроном на свиданье с потной толпой
но в отъезде отец моему отъезду не виден
опознал бы его если скоро внизу парад
по симметрии звезд и фуражки серого верха
если весело всем транспаранты вовсю парят
там висело сто лет миру мир и с подлинным верно
отслужившему миру сложившему в стог сердца
вместе с алгеброй всмятку и сразу отъезд отца

там где соки и воды висело что саду цвесть
и цвело бы как миленькое хули не поливали
там в портфеле карбид историчке страшная месть
и расплющенный гвоздь и заначенный рубль в пенале
мы и сами цвели словно грузди в саду таком
радиатор в подъезде для секса и двор с грачами
мы построили парусный как парфенон обком
чтобы господу было на чем отдыхать очами
то откусит от ночи господь то от дня отъест
то отлучка в булочную то вообще отъезд

я над городом висну не ведая отчего
золотая коса наотвес а душа в темнице
у меня в тылу на три четверти небо черно
если три с половиной четверти в единице
тут бывало с горынычем в парке один на один
после чмок царевну и вмиг обернется жабой
витязь в луже в дугу погляди лежит нелюдим
там где соки и воды но ведь не от них пожалуй
сколько раз во сне на косе вертикально вис
столько раз на постель в тоске опускался вниз

ты теперь как театр только сцена внутри тебя
но темно и куда ни сунься в занавес мордой
это кажется жизнью но прежняя жизнь текла
а другая промерзла насквозь и осталась твердой
возвращается с прялкой мать и отец с клубком
вот умрем все вместе и примемся жить как жили
здесь проспекты из яшмы из халцедона обком
многослойный сон сколько дыр уместилось в шиле

с минарета господь распыляет дуст в небеса
до земли висит золотая его коса

кем быть

к чему ли нам простора чистота
весенняя уборка роговицы
и под пернатой ивой у моста
со стиркой в старину отроковицы

семь судеб в ночь она связала нам
аж пряжа в фарш изжалила фаланги
пока стекало время по стволам
столетий и луна спала на лавке

стекло и есть но ты прости сестра
что миновали место приземленья
когда страна раскинулась пестра
и островов разорванные звенья

стекло и соль и сажа и смола
твоя земля мы оборотни кроме
одной внизу но если ты смогла
мы семеро такой не стоим крови

кому ни кинь крапивы на крыло
для тяготения скелеты хрупки
одной любви пожизненной клеймо
и нежных рук сожженные обрубки

кто жертвой уз теченье отмерял
ночных небес травы не ладит к перьям
к чужому ложу и другим дверям
вернутся в срок отроковицы с пеньем

на сердце власянице не налезть
здесь в северном тысячеверстном чуде
мы лебеди какие ни на есть
и на заре уже давно не люди

* * *

под накатами вглубь этажи
нелюдская сподобила сила
отчего их так много скажи
почему в них так стремно и сыро

замурованы горе и грех
в огнестрельных поместьях стрекала
чтобы кровь убиенных не вверх
а в геенну по стенам стекала

там над пенным потоком с моста
с голубком погребального бланка
кто хотел тебе боли москва
и когтил твое лыко лубянка

кто живет под бетонной горой
подземелье рычаньем печалит
но потребует крови второй
полный чан из метро получает

не исчерпан лимит годовой
сталактитами в челюсти скользкой
по рождественке в грунт головой
и от спасской ручьем по никольской

katyń

кости в лесу выстукивают ритмы гимна
то ли исчезла то ли еще не погибла
призрак молвит призраку czekamy za długo
jedna moja martwa ręka tęskni za drugą
второй молвит первому boli mnie podeszwa
z prawej nogi a lewa gdzieś całkiem odeszła
первый второму już głowy mi brak zupełnie
a kiedyś była przystojna w brunatnej wełnie
nie ma nas przyjacielu gdyż oni przylecą
kto je tutaj spotka czy zostanie z nas nieco

хрен блядь суки отроют только говна груда
вдоль речки mówi ułudzie druga ułuda
мы васек ебеныть отбились от отряда
столько лет без бациллы pierwsza odpowiada
затворы в ржавчине хуй напасешься масла
аж зло берет rzekła druga i raptem zgasła
a i pierwszej nie ma tylko oczom pokusa
puste naboje pysk generalissimusa
na zdjęciu albo wcale nie bylo to zdjęcie
tyle jescze ułud znaidzie się na tym świecie

вот снижаются моторы подобны грому
первый призрак тычет пальцем в небо второму
говорит dobrze że nas nawiedzają wiosną
ptaki nam śpiewają przebiśniegi nam rosną
tylko nikt z nich odtąd już nigdy nie odleci
będą mieszkać z nami więc to są nasze dzieci
конвойные в хвое на века великаны
бестелесны души и мысли в лес как мыши
tam ojciec do swej basi mówi zapłakany
woła matka jasia ale on jej nie słyszy

* * *

в горле сгустится голос
песня споется
нам ничего от песни
не остается
нищая жатва слуха
наша беда
мельница крика
ночь суеты и тряски
в пыль перетерла
голосовые связки
в небе черно от света
сажа бела

голосу слово
снова вступает соло
так трансцендентно слуху
так невесомо
все поправимо
если услышишь ты
звездные в воду
неисцелимы капли
с тусклой изнанки
как золотые карпы
мы открываем
и закрываем
рты

* * *

приборная доска в груди ночной
стрекает огоньками
плевок луны в кювете щелочной
шипит за облаками

сощуриться и горизонт широк
но ум всему обманщик
вот девочка она еще щенок
нос в молоке вот мальчик

когда среди сгустившихся огней
вдвоем в прокатном порше
он обещал что женится на ней
кто ошибался больше

ведь если есть по слухам верхний дух
кто шепчет в оба уха
то надо выбирать одно из двух
но не хватает духа

пускай гнездо из лунной пены свив
щенкам поищем корма
там в сущности уже засчитан слив
и огоньки из горла

понять пока не кончена возня
под звездными весами
к чему в такую ночь щениться зря
и чьи щенки мы сами

голоса

голоса в голове это чья у тебя на плечах
аварийный ремонт не проверена после примерки
будто ветхие духи толпой на последний причал
но впечатаны в череп навечно и в нем не померкли

и окно на задвижку и дверь норовил на засов
запивал вопреки истечению срока таблетки
но живому не скрыться от мертвых своих голосов
как в светелке от пятен стенных после спешной побелки

здесь на свете пространство для слов и нужда велика
для подробных доклады для пламенных реплик заборы
но когда голова не прошла у врачей отк
то сама изнутри затевает со мной разговоры

так случится с любым если памятью ум повредит
вхолостую молитва печаль твоя незачем отче
там одни о любви убеди что любовь победит
и любовь убеждает как может но ненависть громче

даже в зеркале рябь на висках как мерцает стекло
одеяло в клубок и во сне начинается снова
голоса полбеды но молчащий страшнее всего
с голосами управимся но о молчащем ни слова

я теперь после смерти наверное стану таким
не из тех в простыне примитивно жующих мякину
а молчащим прозрачным насквозь если скажешь покинь
промолчу как получится и никогда не покину

ночные нивхи

внутри тумана где маяк орет
весь мокр до нитки
живет необнаруженный народ
ночные нивхи

оттуда к нам не вырвутся огни
и люди тоже
похоже нивхи все-таки они
в моржовой коже

туман сворачивает вспять сигнал
сюда не слышно
я сам бы ничего о них не знал
случайно вышло

я сплю во сне их судьбы мне ясны
все правда или
на что бы мы годились если б сны
обманом были

там из-под ног кончается земля
а небо схоже
с небытием но им уснуть нельзя
ночные все же

они живут где если видит глаз
и если глаз нет
пространство прерывается как раз
и время гаснет

хоть распинай пророка на кресте
хоть камень ешь ты
там люди есть но как у нас везде
там нет надежды

пиктограммы

был в хлам в стратосфере но ближе к снижению ожил
в центральную рысью и груз на ура растаможил
врачуя похмелье в гостинице выпил с одним
и вышел на двор и пустая страна перед ним

он видит безлюдье на ржавой земле ни травинки
латунное небо с бесплатным набором планет
с ворот космодрома где створок снесло половинки
слепое табло извещает что вылетов нет

он здешних кровей на капотнинском обе могилы
покуда судьба в кругосветную с мест не смела
нашарить бы номер на тусклом квадрате мобилы
но там пиктограммы в зрачки нелюдские слова

обратно под кровлю отеля где медленно между
пилонами вход мельтешит круговыми дверьми
а память трусливо скулит об оставьте надежду
какую надежду он верку оставил в перми

задраена дверь над толчком вентиляции дыры
подушкой стакан с умывальника в сумке еду
он здесь с образцами продукции вез сувениры
теперь распакует и все остается ему

он выпьет сперва на столе аккуратно расставит
фарфоровых кошек драконов слоновой кости
стекло подморозило больше оно не растает
прощай за порталом надежда и верка прости

как если бы

в пользу бедных совался к соседке
обольстительно стыл у окна
соловьиные ночи в беседке
не с тобой коротала она

а с каким-нибудь тем коротала
кто заглядывал в польском плаще
к ней совсем из другого квартала
да и к ней ли допустим вообще

или шел с коксохима рабочим
ради позднего в пасть посошка
и беседки там не было впрочем
но для рифмы как раз подошла

даже если соседка и правда
то еще неизвестно кому
измусолено время как тряпка
не расправить его по уму

голове навредим но расскажем
перед финишной ленточкой лет
эту жалость к любым персонажам
у кого биографии нет

из которых особенно раня
если даже другое вранье
там была эта девочка аня
только раз и заметил ее

над собой бы горюнился кто ты
выгребающий прах из земли
аппарат для предсмертной икоты
благо вовремя изобрели

и не то чтобы стал попригожей
с электрическим шилом в груди
видишь зеркало злится в прихожей
вот проснись и к нему подойди

холмы

счет меняется в пользу умерших
нас дождаться живьем не умевших
на земле безымянной холмы
а когда-нибудь были как мы

там внизу населенье пылится
чьи навек бесполезные лица
никому не любимы из нас
ни единого подвиг не спас

может быть у творенья в наборе
ограничен запас вещества
и подземным любимым на горе
мы все те же что были сперва

если странствуем с внутренним слепком
от которого сердцу беда
но в надгробном затмении светлом
образца не найдем никогда

я лицом твоим бредил с пеленок
очертаньем ланит и чела
а покойного тела потомок
сквозь тебя просочился вчера

отчего мы укрыты сугробом
поколением всем наповал
чтоб живой неживому за гробом
равнодушную весть подавал

ни любви за холмами побега
и в зрачке на закате ни зги
ни к чему им такая победа
стисни зубы и мертвым не лги

* * *

побеги ртутных вен все с просинью виски
покойникам с лихвой подвержены законы
тем упырям чьи голоса в мозгу резки
и незнакомы

подписаны на семь десятков доз зимы
в акрополь копоти с таким утесом возле
где раньше скит стоял и разве в нем не мы
все зимы мерзли

теперь кто умерли трахейный хрип трубы
воспитанникам снов и стайерам саванны
последняя страна в которой и гробы
обетованны

кто первым ступит прочь пускай погасит свет
там за пределами и полночь не свеча им
мы остающиеся есть он или нет
не различаем

островитянка

i
время в голове вяло вьется дымом
день проспишь под кронами в тесной ванне
дня как не было привыкаешь к дырам
в чередованье

суток и когда раб неторопливый
вывалит на столике фрукты кучей
в лунный циферблат запускаешь сливой
в контур летучей

мыши здесь вообще из земных животных
то что пресмыкается и летает
мелочь занесенная ветром вот их
и не хватает

тень материка не достигнет марта
и потом на убыль бореев песни
здесь тебе не корсика и не мальта
тесно и если

штиль и на флагштоке увянет вымпел
выбеленная в кость в отливе планка
спустится в долину хоть сам не видел
островитянка

ii
я сюда не сослан но сон на листьях
липы плотен всплыл в нем и оказался
рядом с той к кому и в укромных мыслях
не прикасался

в жестяном суденышке как найденыш
острова на склоне прощальной мили
если шквал нашлет без воды утонешь
в воздухе или

здесь заранее стерегла и пусть ей
осень гостья не прекословит лето
я ли не острей остальных присутствий
чувствую это

даже соглядатай ненастоящий
прочь исторгнут римом или китаем
есть островитянка иначе спящий
необитаем

обреченные умирают слаще
смерти нежные примеряя лица
собирает раб ежевику в чаще
раб не боится

iii
время тоже море и чувство то же
что у тонущего у каждой твари
водоросли бережные по коже
жабры едва ли

приплыла однажды большая рыба
спал еще но в веках прорезал щель я
капсула в желудке письмо из рима
милость прощенья

плаваю в корыте но мокр от пота
кто сойдет в долину ко мне такому
отдых это гибель любовь работа
даже к фантому

липы липнут к небу луна ни с места
шелохнула воздух пришла без слова
остров это область где яви тесно
выспаться снова

отошлю раба за грибами в горы
римлянин-шмимлянин да хоть китаец
надо мной в саду завершают годы
медленный танец

* * *

знаки узнаванья
вестники разлуки
в зеве организма
резы и черты
из земных гортаней
возникают звуки
твари на рассвете
разевают рты

яркий щекот птичий
плач с полей овечий
раковина в руку
в ухо гул веков
темная певучесть
варварских наречий
агглютинативность
диких языков

в поле голод глины
в ветре привкус серный
в небо нет пролома
в голову окна
криво нас придумал
бог немилосердный
для сердечных жалоб
речь во рту одна

замолчали сойки
в черных сучьях острых
не подмога крику
глаз величина
если из вселенной
выкачали воздух
звуки в ней забыты
речь обречена

перечнями плачей
требниками кличей
в русле антрацита
ребра и торцы
иероглиф треска
бестолочи птичьей

каменные руны
блеянья овцы

* * *

где постриг приняла и канула в русалки
умалчивая ночь стеклянный сея смех
иссяк в сухой листве на дачном полустанке
источник ласточек и чаепитий всех

я протяну во тьму редеющую руку
чтоб кружево костей сквозняк луны продул
тогда мы были кто пособия друг другу
по арифметике как подглядел катулл

я тело выведу на пряничную площадь
что и к полуночи печалью не полна
до чьей грудной черты где ласточка наощупь
или не ласточка но бьется как она

в лесу среди его густых растений пестрых
серп из-под синего наката молодой
стрекает усмотрев кто принимает постриг
с прельстительным хвостом для правды под водой

пускай бы вспомнила и всплыть сюда хотела
что чай вскипел и мчат паучьи поезда
из горних гнезд звездой по глобусу но тела
теперь не трогает а ласточек всегда

я первый вред воде и сам веслом табаню
по клеткам кафеля вдоль плесени скребя
там было правильно про пауков и баню
что отключили кран и стыдно без тебя

так стены стиснуты и времена проворны
чешуйницы в щелях в мозгу крестовики
с их пыльным неводом и если жест с платформы
то все равно уже невидимой руки

* * *

помашет кадилом из требника мантру прочтет
не будет вам чуда чудес не берите в расчет
трясины окрест непролазны и в нищем селе там
пастух на погост подрядился работать скелетом

под вечер из речки анальные ангелы дна
снесешь на анализ от них гонорея одна
у старосты цепень с экватор длиной обнаружен
в кадушке подлещики шустро дежурят на ужин

по требнику дряблому лесу и тусклой воде
молебен бубнит агитатор в сусальной голде
а дикое диво из чащи баском подвывает
и девку дерет на куски но чудес не бывает

на мельнице бесы но это в порядке вещей
на майбахе бодро в район устремившись кощей
подмятую местность в окне беспросветную эту
осмотрит сверяя последние дни по брегету

и брызгами в рыло взорвется брегет и хромой
скелет возвратится со смены в могилу домой
леса испарятся и речку обуглят лучи
сверхновой но чуда не будет кричи не кричи

* * *

прячемся на ночь ульи на ключ запираем
день предоставит свой невеликий срок
мир это мед который мы собираем
пусть не погибнет все что мы жили впрок

в воздух стремимся путь пролагаем сами
речь очевидна там где черна черта
мы для того едим этот свет глазами
чтобы словами всем сиял изо рта

радиус стиснут сном в острие спирали
время в конце точнее сочтет число
но не забудем как мы тогда собирали
жизни в раю золотое все вещество

гибель крылата господи горький боже
с грунтом сольется сбитый любовью влет
мира так мало ночи гораздо больше
все утешенье собранный за день мед

скоро нас всех не станет и время мимо
речь медосбор а на свете не быть легко
только глоток навеки меда и мира
большему пчел ничему не учил никто

* * *

непригодным к любви ребенком
только воздух в слезах протру
всем вниманием лип к лебедкам
к кабестанам в ночном порту

и годами потом томило
что надежда сбылась не вся
на маршрут пролегавший мимо
детский ялик на риф снося

но удар и очнешься снова
в фиолетовый мокрый свет
у которого нет мясного
фарша в теле и шерсти нет

айвазовская гидра страха
шевелилась в уме с утра
что челнок направляет пряха
и с веслом у нее сестра

словно с пирса спорхнув котенок
в перепонках проявит прыть
чтоб из мокрых одних потемок
до последних своих доплыть

вся возня не длинней недели
сноса клюву или крылу
тут и вспомнишь зачем вертели
жестяной кабестан в крыму

а на суше где в поле рожь вся
та что лепит в коржи семья
лучше все-таки не проснешься
или жить но в земле всегда

адресат выбыл

становясь человеком которого
все труднее совместить с предыдущим
я кладу у постели листок с женским именем
чтобы наутро сверить с тем которое вспомню
и оно до недавних пор совпадало
но от этих моих ежедневных упражнений
лишилось лица

я теперь не уверен что это действительно имя
просто слово просыпаясь я спешу убедиться
что такие дают человеческим детенышам
я листаю портреты детенышей кто из них ты
я учу наизусть телефонный справочник я помню
имена но никто не подскажет которое чье
я забыл алфавит фотографий

мне сказали что люди вполне умирают
но в этом нет ни малейшего смысла
потому что смотри как пересохла память
а листок у постели терпеливо перечислит
сметана капуста средство от плесени
каракули кактус полить понедельник
лицо уже никому не подсказка наутро
забываешь все что обещал себе вспомнить
потому что не знаешь кому обещал
и забываешь то что непременно хотел
забыть но уже не помнишь зачем

корпускулярно-волновое

на совести гиря на темени глаз
до сфинктера взглядом пронзающий враз
рейсфедер в руке в рукаве ватерпас
родитель всемирному диву
гефест ли в мозгу громыхает хромой
улисса нептун не пускает домой
а волны бегут от винта за кормой
под острым углом к нарративу

раскинулось море и мирно шуршит
не лыком и наш путешественник шит
туда где маслины растут и самшит
стремясь за увертливой сушей
но гнев августейшей старухи самой
годами не шлет ему ветер прямой
а волны бегут от винта за кормой
к чему тебе волны послушай

вот снова с рейсфедером сверху возник
истерзанных зноем мозгов истопник
он знает все беды внизу из-за книг
но ум капитану не велен
где шквалом сдувает рассудка слои
у смертных одни предрассудки свои
ученый внутри не хитрее свиньи
хоть будь он еврей или эллин

кто чачу античную гнал из точил
кто фрукт преткновенья блуднице вручил
не так поступает как вечно учил
ильич листригонов с тачанки
не он ли рейсфедером тучи зажег
и в сущности жидо-масонский божок
а сам с женихами садился в кружок
вокруг симпатичной гречанки

так просто историю сном охватив
убогую похоть впихнуть в нарратив
пока взгромоздившись на шаткий штатив
шальной нивелир прободает

всю местность сквозь сфинктер лучами журча
в окошке семейная меркнет свеча
а радиоволны бегут от ключа
и мысль в голове пропадает

дочь гастарбайтера

птицы поют на иностранном языке
мы не слушаем когда говорят не с нами
деревья растут несмотря на то
что их никогда не любили родители
деревья не поют а птицы плодоносят
иначе но сходства между ними больше
чем между ними и нами
и они мирятся с этой разницей
которую мы толкуем в свою пользу

с нами говорит учительница
она говорит на неизвестном языке
но мы неизвестные дети нас научили
в классе на краю последнего континента
эта учительница делает вид что интересуется
кем мы будем когда вырастем
было бы странно если бы она спросила
деревья но никому не приходит в голову

континент истекает и в окне
мы видим свет адресованный деревьям
а не тот который нам предписали
птицы поют на иностранном языке
потому что каждый язык иностранный
если сравнить со всеми остальными

самая глупая девочка в классе
втайне знает что не будет никем кроме
той какая уже оказалась сама по себе
но в этом предосудительно признаться
при всех ей уже намекали про птиц
которых она не хватает с неба и может быть
она вообще тут дочь гастарбайтера

человеческие дети сидят в классе
и учатся не думать о времени когда
они окажутся чижами и шелковицами
когда вымученный учительницей вопрос
встанет в непредвиденном смысле
только предвиденные смыслы безопасны
этот континент последний но от нас скрыли
это чужой свет но мы не заметили

пири

высоко и страшно в мире
время вертится с трудом
непреклонный роберт пири
ищет полюс подо льдом

подминают нарты мили
пири прется на рожон
век почти как спит в могиле
но маршрут не завершен

мнимый полюс только точка
компас в космос увело
от старанья сын и дочка
эскимосы у него

неподсудна гибель сглазу
быстрым псам она не крюк
сын и дочка вышли сразу
полюс выскользнул из рук

а при жизни было хуже
полыхало как в аду
синий газ в небесной луже
искры бритвами во льду

наги мы и в стужу босы
всей судьбы на полчаса
сослепу как эскимосы
упускаем полюса

все чьи ночи в мире пестром
так арктически черны
полюсам как прах погостам
насовсем обречены

двор

когда не ставало соседа
он раком был болен своим
тоска над подъездом висела
где сонно мы с братом сопим
был громок наш двор и огромен
в нем бабы орущие зло
древесных раскидистых бревен
тогда еще там не росло
я даже вам дату найду
в одном забубенном году

сосед александр иваныч
болел своим раком тогда
но врач уверял его на ночь
что эта болезнь без вреда
а я проповедуя брату
вопрос избегал поднимать
он жизни соседской утрату
был молод всерьез понимать
не знает дитя наперед
что кто-нибудь в муках умрет

наутро соседа не стало
и мать наваривши борща
реестр телефонный листала
оркестр и машину ища
чтоб музыка зычно пропела
хотя и не всю до конца
вторую сонату шопена
над скудной судьбой мертвеца
мы видели все из окна
а взрослые пили до дна

соседское кончилось время
но двор оставался как был
потом посадили деревья
и кто-нибудь столики вбил
пока пацанов забривали
в чужую сибирь без следа
отцы их козла забивали
а бабы орали всегда

и мозг неизбежно ослаб
от всей этой водки и баб

мы жили тогда по ошибке
мы зря колотили козла
одна шестеренка в машинке
чеканящей время сползла
быльем поросли постепенно
как дачный участок ничей
могучие такты шопена
покатые лбы трубачей
им грыжа награда за труд
и бабы надсадно орут

лесопотамия

на площади где взгляд скулит от зноя
впадая устьем северным в тоску
нам растаможат небо нарезное
на каждого по острому куску

дрожать ему в клешнях не утешая
подобно злому зеркалу без дна
но с птичьим зайчиком кому большая
позволена до глаз голубизна

и девушки сплошные комсомолки
сбиваясь в многобедрую гурьбу
подносят неумелые осколки
в полупоклоне к флагу и гербу

а сзади лес подробности потери
пути откуда выводкам своим
таскают механические звери
мышей и мошек с боем часовым

у неба здесь особенное свойство
в нем бога нет хоть вспять слюной слепи
лес цел но в нем животному расстройство
енотовое заячье терпи

когда спадает комсомольский гомон
страна лесопотамия пуста
и только мозг своих чудовищ полон
горящих экскурсанту из куста

жалобы и рыбы

непохоже чтобы другие жили до нас
поручиться можно только за тех
кого закапывал своими руками
кладбищенский сторож помнит больше
он курит листья и нанизывает имена
которые уцелели только в его памяти
и постепенно из нее испаряются
эти люди не принадлежат никому
бога который назвал бы их своими
им уже не придумать а у нас
нет времени

рыбы плывут издалека чтобы их ловили
у них тоже никого не осталось
кроме нас последнего и любимого врага
но мы охотимся на жуков потому что это
гораздо проще хотя потом не знаем
что с ними делать мы вообще не знаем что делать
когда самая глупая девочка в классе
произносит слово завтра никто не понимает
что она имеет в виду разве завтра
не такое же сегодня как все остальные
надо вызвать ее родителей но они
смущают учительницу щебеча на своем птичьем

мы наверное дети и поэтому играем в школу
притворяемся что встаем по будильнику
выходим к доске но помнящий имена
обещает что еще отдохнем что еще никто
не наживал грыжи на ловле жуков
и что каждому найдется где распрямиться
на последнем континенте места все больше

он показывал свой чудесный улов
носорога с лиловым металлическим отливом
ростом с мышь и жалобно летает
но всегда возвращается как часовая стрелка
нам неловко потому что живем без хозяина
сторож все объяснил мы просто устали
мы все вместе но нам одиноко с этими рыбами
возлагающими непомерные надежды

и некуда возвратиться потому что мы
никогда не улетаем

* * *

я родился другим а не этим
но не стал объяснять и меня
приравняв к человеческим детям
воспитала чужая родня

лучшей яви не ведая кроме
сна и в нем благодарно сопя
я не знал что не тот я по крови
за кого принимаю себя

может быть лишь последнюю бездну
рассекая артритной стопой
ухитрюсь перед тем как исчезну
очутиться тем самым собой

в ком сгорают как в кратере птицы
сочиненного смысла слои
и фасеточный мрак роговицы
обнажает секреты свои

офелия

кантовали коряги стрекали реку шестом
где двухтактное сердце в гусиной ежилось коже
а устали когда перестали часу в шестом
и рысцой в гастроном ведь живые и зябко все же
незадачливы ангелы в синих трусах навзрыд
и молчок с парапета уклейка или трава я
без понятия кто у них в тухлой воде зарыт
то ли к берегу вниз то ли прочь подождать трамвая
не осмотришься горестно в городе по сторонам
чтобы с описью сверить кого не достало нам

было время к закрытию тех интересных мест
где за трешник судьба фасовала в стекло нирвану
наш советский сатурн без нирваны детей не ест
только с ордером если и к черному в ночь рыдвану
но и честные вскачь встрепенутся и в те часы
невезучи с лихвой кто с копыт в водоем в россии
может это была невъебенной вообще красы
кто-нибудь неглиже и с ногами бризантной силы
на контроле таких привечает священный дух
инженер человечьих туш и небесный отчим
он такой же как люди трусы и майка на двух
заскорузлых от пота бретельках но добрый впрочем
любы мертвые доброму мокрые не претят
и спасательный взвод из двенадцати негритят

на смоленской площади ночью кончины той
мы стояли стеной и о выбывших не жалели
я тем более за избежавшей воды четой
обонял природу без шипра или шанели
всю минувшую пропасть где радость была редка
просидишь с монитором живописуя нравы
перегородила дорогу твоя река
за которую нам не выдумать переправы
где ступала на хлипкий как вздох соловья настил
дорогая нога и с тех пор не жилец на свете
хорошо что отчим который легко простил
перебои в статистике зябкие смерти эти
хорошо что все-таки добрый который спас
сорок тысяч в очереди сорок тысяч нас

* * *

смотри как мало птиц над головой
им твердь невмоготу и нам не хватит
уже запас от силы годовой
и синева паленый воздух тратит

с тех пор как небо немочью свело
они вообще последние в полете
так мало их две или три всего
две или три при самом щедром счете

обманет ум но зрение не врет
им там в горючем вакууме тонко
пока на город-грохот город-грот
спадает слюдяная перепонка

из нижних скважин из руин страны
о них ли наша боль не о себе ли
рефлексы на судьбу убыстрены
но взгляды до нистагма ослабели

когда о небе сгинет и помин
в сомкнувшемся до тошноты покое
утешится ли мыслью хоть один
что смог застать хотя бы и такое

что свет горел пока не весь угас
а в сумерках предсмертно и не жарко
так с птицами безвыходно у нас
что и себя пожалуйста не жалко

песня шамана

ваша пора приходит ваша расплата
сын ли судья отцу или брат на брата
в стекла шрапнелью вдребезги кабинет
черным огнем гортань опаляет чаша
эта планета и эта страна не ваша
в полдень вердикта не отопретесь нет

в точности вам воздастся по вашей вере
вспомним шакалью псарню на селигере
пули в беслане в зале норд-оста газ
на триумфальной в суде ли на каланчевке
грянет раздача мыла вам и бечевки
большей добычи не унести от нас

если и правда что нет за порталом ада
вам ни смолы ни серы от нас не надо
казни верней не сыскать чем слюна и смех
есть у прозревших на свете свои святыни
за человечий фарш колымы катыни
станете в срок мертвы и мертвее всех

здесь над костром возжигая гнилье и травы
скорую гибель зову на тех кто неправы
дымные клочья в небо и бубен бей
хоть ацетоном в пакете в тюбике клеем
если и сами к утру не все уцелеем
гибель богиня счастья молитесь ей

* * *

прозрачно вьется паутина
и жизнь движения полна
неровен час меня кретина
недосчитается она

как будет жаль мгновений вялых
что ел всегда и длинно спал
что жил в коротких интервалах
а мог бы чаще но не стал

здесь время вспучится как тесто
на черной чешуе земной
и будет в нем пустое место
уже не занятое мной

у круч кидрона на поверке
пузырь в кромешной тишине
другому трупу не по мерке
но и без надобности мне

* * *

когда мы не умрем но встретимся одни
мерцания преобразившись сразу
в стоокий вакуум и умные огни
тая бельмо прижизненному глазу

когда уже прощай все вещество вещей
возлюбленное с переливом лиц их
а только речь печаль чердак судьбы ничей
вполнебосклона в гелиевых птицах

и от случайного товарищества дня
свечного чада до засечки мрака
двойная аура нагара из меня
кто был себе хозяин и собака

когда уже не мы но кто теперь массив
всех сельтерских фотонов в ореоле
хоть нет ее в живых травинку прикусив
душа ступает в тензорное поле

ей бережно что желт анизотропный мир
во лбу кометы каменные вены
мы сердцем состоим из водородных дыр
ни тождества не помня ни подмены

початком жемчуга в тугой комплект колец
сатурна или где лавируй ловко
по горло в домыслах какая наконец
там схема сна и духа планировка

песня расставания

в середине серый на постаменте из воска
лошадь в шорах без кругозора по сторонам
меж плитой и площадью полыхнет полоска
пламени плавится сверху стекает к нам
памятник неизвестному лауреату
лотереи анонимному баловню дней
не взимать же с праздного проездную плату
чей так бронзово зад водружен на ней
мы делили с такими воду в дыму и еду
выносили из пламени вот и вернем ему

истекает в долину луна и печаль хозяйка
ожерельем столетий изубраны города
нас под вымпелами бросало в карьер из замка
сквозь горнило врага и пепельных гор гряда
расступалась в страхе но время снесло вершины
а когда прилетели в своем железном яйце
оглядели что где уцелело и прочь решили
видно поняли что конец и что в конце
здесь все тише все шире памяти решето
этот серый последний но лошадь не помнит кто

жеребились как мы присмирели и перестали
а в манеже затменья где с крыши медведь ковшом
водружали наши подобия на пьедесталы
усадив себе сверху серого с палашом
но багровому воску мозоль седла не по сану
окликая кадавра в шевронах в прощальный раз
мы сбиваемся в табуны и стрелой в саванну
горевать о них что ушли не осталось нас
только скорость спасет от чешуйчатых крыльев тьмы
надо бегать быстрей себя как умели мы

* * *

шесть лет плашмя а на седьмой с утра
как выгравировала в мышцах память
учись ходить сказала медсестра
послушался и стал учиться падать

маршрута метр не по зубам второй
но стисни и по хлипким спинкам коек
как ас в дыму на бреющем порой
вдоль фюзеляжей лидок или колек

не одолел попробовать опять
еще рывок и снова в штопор вроде
ходить впервые это как летать
но не во сне а при честном народе

была палата слишком широка
и с пола подметенного опрятно
снимали деликатно как жука
перевернут и я взлечу обратно

я понимал что надо жить спеша
лицом вперед на то и ног не две ли
как вертикален мир ликуй душа
а где стена то в ней бывают двери

врезался в стулья застревал в углу
где плавилась чужих обломков груда
и вот иду покуда не умру
я помню вас я не забыл откуда

в зеркале

в стекле заматерелый дед
добычу молодую
в таверну тащит на обед
гляжу и негодую

топырит грудь слюнявит лесть
пиджак в разводах пятен
себе какому ни на есть
я сильно неприятен

и я себя который он
здесь липнет к женским детям
ловлю на том что возмущен
существованьем этим

уж лучше мне не быть вообще
до гробовой разлуки
чем ртом измазанным в борще
выть издавая звуки

напрасно старчеству почет
практиковали предки
когда из многих дыр течет
и в тыкве мысли редки

когда бы старец был не мной
добытчик этой дочки
я зренья может быть иной
придерживался б точки

но этот слишком уж знаком
его при всей осанке
держал бы строго под замком
на гречке и овсянке

акциденция

это глобуса глыба в шальном шоколаде земля
для тропических птичек посуда
столько зелени в кадре людей и дурного зверья
никуда не смотаться отсюда
в сердцевине камней чернота
но они не сдаются
в них рождаются песни и сами себе и поются
изнутри без открытого рта

на короткий сеанс поселились последние мы
подогнавшие артикуляцию к титрам
в яркой роще руссо среди манго и палой хурмы
бурундук рука об руку с психоделическим тигром
в желтопузой в полоску пчелиной орде
подбирая опавшие осени пятна
потому что всегда возвращаешься где
умирал кто увидит полюбит обратно

раздери себе рот до мохнатых в горошек ушей
все глаза для острастки вмурованы в лица
он мычанием вечен как полон прибой голышей
чтоб удобней прибрежно в истерике биться
оказались бы бережней свойства планет
если б начисто мир без помарки
вот когда понимаешь что блядь санта-клауса нет
а себе мы плохие подарки

обещали сначала что космос простор
а не просто узор акварелью
обретающий смысл при посредстве вина и просфор
но вблизи мастурбация мозга в пчелиную келью
заточенного в костную стену пролом
продышать за лодыжки кадавра и бац по стеклу им
подними издыхающий камень простись поцелуем
в животе торопливая песня колом

мичиган

футбольная команда росомахи
чья маршевая музыка смешна
и твидовая куртка на собаке
поскольку осень все-таки пришла

go wolverines воскресная разминка
труба с диеза сталкивает до
на сине-желтом фоне фотоснимка
нас не найти или мы спим еще

но завтрака в ноздрях вскипает запах
на перекрестке детский маскарад
суп с малышами в мушкетерских шляпах
и шпаги из картона мастерят

на раннюю побудку не в обиде
толкаешь в рот что в миску нахватал
туда же пес в своем форсистом твиде
профессор всех гидрантов на квартал

мелиоратор астр доцент глициний
маркер всего что в челюсти не взять
слой памяти осевшей словно иней
на стенках сна из будущего вспять

зачем я вашу музыку запомнил
воскресную в доспехах суету
пока графу вторую не заполнил
где годы жизни втесаны в плиту

лайнбэкер вбил рисивера как сваю
в осенний грунт слегка поправил шлем
go wolverines и я еще не знаю
что бога нет и это насовсем

бог по бокам но в сторону ни шага
пес оступился и поди лови
в глициниях игрушечная шпага
все лезвие в игрушечной крови

* * *

мы ждем урагана мы нежные дети жары
мы трем парапеты на башнях локтями и грудью
с термометрами запускаем над крышей шары
в подзорные трубы следя за спасительной ртутью

еще мы отважны еще отказали не все
системы надежды коль скоро нас в пульс уколола
однажды но штиль безусловен на мертвой косе
и нет у природы на жажду и зной угомона

но лопнут шары и картонные крыши долой
несытое око что с башен за нами следило
затмится когда ураган возвратится домой
где он властелин а не подлое это светило

под бешеным ветром пригнется на город гора
всей кровью и ворванью ливень хлестнет по газонам
тогда безъязыкие челюсти скажут пора
и наши скелеты обнимутся с радостным звоном

тихие

мне снится иногда на грани яви
что я живу в зеленом городке
и даже не совсем понятно я ли
ни с кем из местных не накоротке
в перу наверное или в корее
молчат но знают жители одни
нет все-таки в америке скорее
без слов но все английские они
по центру крест дороги и реки
но с двух концов у каждой тупики

америка с той стороны другая
здесь населенье сильно не в себе
сюда сошлись свой жребий не ругая
не жившие быть может на земле
они сперва надеялись родиться
но ни один не приложил труда
течет дорога и в реке водица
но обе не впадают никуда
им на поверхность сна не всплыть обратно
все зелено с изнанки голых глаз
чего им тихим надобно от нас
живущим в домиках своих опрятно
не отхлебнувшим горечи земной
им не о чем поговорить со мной

несбывшимся не объяснить желанья
и горя тем кто памяти лишен
они застряли в зале ожиданья
но рельсов нет и поезд не пришел
у них проблем которых не решили
или мечты неисполнимой нет
но потому что наяву не жили
им наша смерть соблазн или секрет
и я реальный но упрямо спящий
чем мельче помрачения помол
вообразив что сам ненастоящий
заглядываю смерти под подол
проснешься лишь у одного из двух
есть имя но не выговоришь вслух

пепел

и еще у них помнишь говорит она
есть любопытное поверье
почему-то они считают
что будут жить вечно
а что кошки и бабочки наоборот
умирают навсегда

они думают говорит она
что существует кто-то
который перед ними в долгу
есть даже такие которые точно
знают сумму этого долга

но ведь мы другое дело говорит она
да соглашаюсь я совсем другое
с нами почему-то вышло иначе
мы никогда не узнаем и не надо

мы идем дальше в высокой траве
где кошки гоняются за бабочками
и подпрыгивают хватая лапами
пустой и яркий воздух
бабочки неслышно смеются
кошки улыбаются в ответ
еще один замечательный день
непредвиденной вечности

вот только если бы не этот пепел
хрустящий на зубах

11.09.10

шелковица

настало время признаться
что нас нет в живых и никогда не было
ходили бы слухи о тех настоящих
которые может быть жили здесь раньше
но ведь слухи как блохи
в отсутствие собаки они бессмысленны

можем начать прямо с меня
свое имя я придумал себе сам
чтобы не путать о ком идет речь
и чтобы у истории был рассказчик
даже если она ни с кем не случилась
я придумал одноклассников потому
что не быть никем особенно тоскливо
когда тебя нет в одиночку
и еще я придумал учительницу
потому что больше у нас никого нет

ночь очевидно наступает как всегда
но теперь фонари в городе не зажигают
грустная крыса умывается в центре площади
неохотно как ребенок перед школой
маленькие луны в бусинках ее глаз
она знает что никого из нас нет

ничего не было уже так долго
что об этом можно рассказывать вечно

все-таки очень хочется знать
шумит ли еще в штормовые дни
шелковица за окном
которую сочинил сам для того
чтобы там не было так пусто и тихо

почему-то упорно веришь
что девочка все-таки существует
та которую считали самой глупой в классе
это неправда но уже не исправишь
та которая бросает камешки в воду
на дальнем конце причала
и разговаривает с рыбами

называя их нашими именами
последний человек на последнем континенте

* * *

наносила визиты родне
на равнинах и кручах
у плотвы побывала на дне
у неясыти в тучах

ой ты липкая рыба-сестра
незатменные очи
не к тебе ли он в омут с утра
до смеркания ночи

заклинает неясыть помочь
слезно просит совета
не за ней ли он каждую ночь
улетает до света

потому что ни ночью ни днем
был да не уследила
но всегда вспоминает о нем
с переменой светила

и ни слова не слышит в ответ
из реки ли из леса
у плотвы словно голоса нет
у совы интереса

видно кровь платежом не сильна
им родство не основа
уж такая случилась семья
что ни слуха ни слова

только всхлипнет тоскуя о том
а другого не надо
и чешуйчатым плещет хвостом
и крылами пернато

сова и мотылек

он погаснет не сразу он просто померкнет сперва
несгораемый свет поднимавший на подвиги тело
здесь в младенчестве было отверстие из-под сверла
так и брызнул в лицо а теперь пропадет то и дело

вот волнуется тело в сенях расставанья с собой
где финальные титры и глохнет под грейфером лента
словно в сумерки скоро из конуса света совой
ни напутственных слов ни совета сове у клиента

поднеси отшумевшую руку к глазам и рука
невидимка почти мотылек на рентгеновской зорьке
не она ли на ощупь в прибрежных кустах ивняка
опускалась на пестик забытой какой-нибудь зойке

но когда перепархиваешь световую кайму
за порогом оглядки где плюсы и минусы квиты
все победы погашены память о них никому
без носителя память пуста просто в розницу биты

и предвидя каким парадоксом предстанет полет
после сельского летом сеанса в сенях киноклуба
своему человеку последнее тело поет
на прощанье но в смысле совы некрасиво и грубо

ты покуда не пой ты покойному мне угоди
рассуди мотыльку-мимолетке от гибели вред ли
то что делаешь делай скорей уходя уходи
унося что уносишь бери насовсем и не медли

cogito

я мыслю но нет убежденья что сам существую
а просто себе же о жизни своей повествую
которую за ночь на годы назад сочинил
и силюсь заверить объект в достоверности факта
что он это я наяву и зовут его так-то
бумага покорна и в принтере хватит чернил

старательно делаю вид чтобы не уличили
что смерть неизбежна что дерево дуб как учили
а наше отечество эта россия в окне
что скоро обрюзгнем и в нужных местах облысеем
как если бы звали цветковым меня алексеем
и жизнь не питала серьезных сомнений во мне

возможно что кто-то и жил бы однажды на свете
но печенью чую что я за него не в ответе
он сложен из лжи из непригнанных выдумок сбит
в бреду богословы философы сплошь конокрады
с любым из паскалей готов об заклад что награды
не будет за веру что демон декарта не спит

в кроссовке копыто и рожа в предательской саже
откуда я знаю что sum если cogito даже
и с арфами хоры за логику эту в раю
я ваш сочинитель и в певчей личине бояна
давно заподозрил как все обстоит без обмана
но вам не признаюсь и сам от себя утаю

quest

был маршрут по-осеннему долог
где начинка из носа течет
шел по правую руку проктолог
а по левую шел звездочет

знал проктолог штук семьдесят песен
потому и позвали с собой
звездочет же нам был бесполезен
он вообще оказался слепой

но и эти которые были
в сумме трое считая меня
отшагали несметные мили
у вдовиц по ночам временя

если честно встречали и хамов
даже сердце сжималось в комок
звездочет побирался у храмов
а проктолог лечил кого мог

наконец оказались в далеком
далеке где чужая земля
кто все ощупью больше и боком
кто частушками люд веселя

люд был лют как собака и занят
стервенел выгружая мешки
и проктолог сказал что он знает
это место куда мы пришли

но спросить не поймите превратно
я его ни о чем не хочу
потому что порой неприятно
слышать все что известно врачу

интервал

в припадке дури в приступе тоски
он принялся сортировать носки
непарные препоручая предку
по женской линии сиречь в пизду
и два вдобавок в пепельную клетку
совпали но не нравились ему

закончив эти грустные труды
он вскипятил количество воды
примерное на миг застрял в сортире
там презабавный в зеркале урод
и как герой перова на картине
стал пить свой чай покуда не умрет

стояла ночь в одном ее конце
ему сатурн подвесили в кольце
а на другом нарисовали землю
с пронзенной мошкой на карандаше
с ним стало быть но с неизвестной целью
желанья нет отгадывать уже

устав над кружкой горе горевать
он снес носки в комод и лег в кровать
в окне напротив допоздна не гасло
там годовой морочили отчет
он все не умирал но было ясно
что интервал отсрочки истечет

* * *

когда не станет нас наступит лес
все эти звери спустятся с небес
искать забытый воздух слушать запах
всей осени распутывать следы
друг друга и подолгу у воды
стоять урча на бархатистых лапах

потом зима с авророй и пургой
я даже знаю в ком сезон-другой
воспоминанье будет шевелиться
но в вечности часы бегут скорей
без боли из сознания зверей
исчезнут человеческие лица

однажды вся земля была у нас
но человек обуглившись угас
а зверь горит все ярче он собака
лиса и слон он иногда затих
но возвратится быть одним из них
и хорошо бы но нельзя однако

репетитор

у них в квартире душно пахло супом
порой с уклоном к жареной хамсе
бог отдохнул на этом мишке глупом
хотя он с детства был еврей как все

и я по материнскому призыву
хотя досуг иной предпочитал
жевал с ним в детстве алгебры резину
что складывал а что и вычитал

он алгебры не одолел ухаба
и в техникум вечерний угодил
в три топора хамса благоухала
в загривок мне когда я уходил

он стал плохим и подбирал окурки
он с урками сошелся у ларька
но из евреев никакие урки
там не лас-вегас все-таки пока

потом у них была на дамбе драка
его сдала без трепета братва
но через год вернулся и от рака
за шесть недель скончался в двадцать два

он снится мне теперь и между нами
вода неисчислимая течет
печально быть счастливым временами
как будто за чужой заочно счет

и если взгляд попятный поднимаю
на потное с геранями окно
весь запах заново и понимаю
что репетитор из меня говно

* * *

нетрудно умереть я умирал
однажды
там ужас усыхает в минерал
от жажды

и выдоху прореха не видна
в породе
я понимал что не было меня
но вроде

пружинка на головке буровой
блестела
как мысль где узко думать головой
без тела

чем ярче ночь и яростней огню
с мощами
тем дальше от любви тем никому
пощады

и страха ноль навстречу тишина
чья морда
так напрочь слез и слуха лишена
так твердо

устроена в ней не пробить окно
руками
и время антрацит на срез оно
с жуками

огонь

пылающей полостью город накрыт
струится пространство и воздух горит
предметы которые пристальны мне
в стремительном никнут огне

я воздуха выкурю алчно щепоть
плотвой в переулки сквозь копоть и плоть
пока из орбит эти камни звеня
последним возьмете меня

на площади лава в щелях мостовой
там памятник детству стоит постовой
на остове виснет лицо как свинец
в кистях петушок-леденец

так вот мы какие мы вот они кто
пылинки в пылающее решето
сквозь памяти плазму и слезную взвесь
недолго мы ладили здесь

в разъеме звезды полунет полубыть
свой крохотный срок не успеть полюбить
глаза на ладони в последней крови
раз горе кругом то гори

попытка апологии и перемирия

кто в цех спешит с утра в метро спросонья
у всякого профессия своя
поэзия особенно способна
соединять союзами слова

вскачь в колесе неутомимой белкой
придумаешь как малое дитя
что вы прошли сквозь нищенский и мелкий
осенний лес пусть в августе хотя

но некто циник барда над тетрадкой
свергает вмиг с заоблачных стропил
подсунет google calendar украдкой
и возразит октябрь уж наступил

мозг пузырями в несезонном зное
а этому лишь дай подметить блин
как литератор что-нибудь смешное
достанет из широких гражданин

лады октябрь и жилистую жучку
впрягает в дровни резвый сноготок
поэт в чернила окунает ручку
в пролетку прыг и гривенники впрок

во рту а на ветвях желта мимоза
тысячелетие поди пойми
нам тычут в нос лекарство от психоза
а не любви который мы полны

читатели оставьте нас в покое
когда стрела в ребро и в рюмку бес
мы часто видим многое такое
где мир горит и где редеет лес

* * *

ем ли кашу пашу ли в степи я
или в ванной опять натекло
постепенно растет энтропия
превращая работу в тепло

от коровы дорога к котлетам
бесполезный навоз из осла
я просил ее что ли об этом
чтоб она тут все время росла

что ни роды вокруг то и гроб там
не застелена в спальне кровать
гложет мысль что я вскорости оптом
энтропией смогу торговать

тлеет больцман в австрийской могиле
с теоремой напрасной внутри
эти мысли его погубили
и меня доведут до петли

все угрюмей в грядущем все тише
долго звездам гореть не дано
потому что навоза по крыши
а котлеты сгорели давно

птица

он разделся и спрятался в душе
потому что за стенку стекла
доносились события глуше
и вода деликатно текла

растопырив со скрипом суставы
доставая обмылок с лотка
он стоял некрасивый и старый
но живой потихоньку пока

он теперь бы не смог защититься
прикрывать все такое и грудь
если б хищная в воздухе птица
очутилась откуда-нибудь

как в младенчестве мыл без мочала
чай родители не укорят
лишь бы ночь за стеклом помолчала
и журчал водяной звукоряд

языком перечислил коронки
трудно сутки прожить без вреда
и ворочала в сточной воронке
свое жидкое время вода

не вникая в подробности тела
нацепил без разбора тряпье
все же подлая не прилетела
а уж как опасался ее

обостренье фантомного слуха
торжество миражей и химер
надо снова наружу где сухо
но конечно страшней не в пример

imagine

вот красное время в аорте бежит
джон леннон убитый в могиле лежит
на пражском орлое вертящийся жид
все той же мамоне привержен

измерена лет пролетевших длина
где юность медведем на льдине видна
а в юности рубль на покупку вина
и леннон поющий imagine

все это не то чтобы музыка сфер
отдельной беды кругосветный пример
но нынче к тебе обращаются сэр
бутылку пакуя у кассы

по-прежнему жидкости алчут тела
чья жизнь до черты горизонта бела
выходит что это она и была
пусть в лучшие выбилась классы

нам дела все меньше какая она
печальней что в каждые руки одна
на мир поредевший взгляни из окна
там пьют постепенно другие

и хочется к ним со стаканом но ведь
на оба ослепшему не окриветь
ты сам себе сущий на льдине медведь
и леннон поющий в могиле

друзья

на обратном пути изогнемся два над плетнем
то ли песню выплеснет всю то ли харч метнем

это жили мы уж не вспомню кто и когда
только жуть в той местности крепкие холода

и один из них кто-то был я а другой мой друг
ну и хватишь лишку а кто не хватал вокруг

я наверное тот у кого гармонь на ремне
ну а друг который с другой стороны на мне

то висит как сельдь то с разбега жабрами в снег
и наверное звали нас именами как всех

только как теперь отыскать свои имена
за плетнем на этих камнях его и меня

и покуда один сквозь пургу совершает шаг
у другого сбоку изморозь на ушах

там еще в хибаре у клуба жила одна
вроде слабость питала к кому-то из двух она

кто-то был из обоих нас ей мил и хорош
но наутро не вспомнишь а к вечеру хрен поймешь

пожила разок а потом как и мы умерла
лейся песня или там что еще из горла

подмена

смеркаешься но в предпоследний миг
канун тотального исчезновенья
вдруг прозреваешь что произошла
подмена и зароют не тебя
а постороннего который верил
что ты скорее он чем ты и вот
живешь как жил хоть и в недоуменье
что так могло случиться продолжаешь
таскаться в офис кашлять есть борщи
но не в своем телесном естестве
а от лица того который думал
когда был жив что он мол ты и есть
со временем модель войдет в привычку

или постой однажды на пороге
повторной смерти в ужасе поймешь
иллюзия таит двойное дно
не тот который умер до тебя
ошибся и не ты а некто третий
обоим неизвестный кем из вас
он полагал себя навеки тайна
и некого спросить поскольку автор
оплошности неведом ни тебе
ни мертвому вне очереди телу
на фестивале слизней он поди
жив или женщина вообще но вам
двоим от этого не легче

впрочем
скорей не человек как факт но мир
в котором ты распутываешь пыльный
клубок несоответствий и подмен
есть результат мошенничества туз
из рукава ты был рожден в другом
и звезды чьи арабские названья
ты в детстве затвердил или не ты
а эти двое предположим муж
или избранница его постели
или у них совсем не так а есть
допустим третий пол раз третье дно
что эти звезды раз уж речь о них

не те что в колыбель твою глазели
и потому что этот мир не твой
не ты умрешь а он исчезнет сам
ты остаешься тайной без ключа
чтоб вечность получив на размышленья
гадать который час и кто спросил

caput regni

все равно никуда не уехал
жил как будто причина была
поселиться с изнанки успеха
на дальнейшие плюнув дела

выйдешь с тощим на улицы ранцем
всюду зимние окна в огне
то ли падалицы у вьетнамцев
то ли роглики в tesco вполне

эти роглики с виду бананы
но без шкуры и тверже внутри
забываешь какие болваны
все начальники были твои

через житную к влтаве трамваи
до парижской где льдом по губам
дорогие в витринах товары
было время себе покупал

здесь в королле вставал на заправку
и карманники в праздник толпой
но не помнишь зачем спозаранку
целый город придуман тобой

лучше в сторону от вацлавака
от имперской людской нелюбви
там назначена в арке собака
вот и роглика ей отломи

дальше черным в снегу и барачным
город выглядит глазу немил
и становится космос прозрачным
на просвет как неправдой и был

силуэт углубляется в нусли
ледяными пролетами вниз
в нем ни радости больше ни грусти
погоди оставайся вернись

берега

ты видишь их лица на том берегу
глаза в пелену окуни там
пока мы на этом растим белену
в логу пополам с аконитом

на этом вода холодна холодна
сезон ли виной непогода ль
на том как сомнамбула ходит одна
так медленно ходит поодаль

кто с этого сослепу ступит с шестом
в речную студеную жижу
тот станет одним из живущих на том
ты видишь их лица не вижу

проснешься на этой с утра стороне
на той ситуация та же
но к вечеру кажется кажется мне
уже и не кажется даже

вот огненный глаз божества с высоты
к полудню безжалостно выйдет
он синие наши согреет цветы
и желтые желтые видит

здесь каждый в жару персонаж с полотна
живущий в логу не вникая
зачем так река холодна холодна
и кто это ходит такая

серпу неповадно и стебли тверды
сплеча наудачу по корню
гляди подошла и стоит у воды
ты помнишь такую не помню

крылья

когда избу на заре запирала
всех заплакать о себе собирала
придорожных из кювета кикимор
буйных леших из заречного бора
а русалок приглашала на выбор
но пришли толпой для полного сбора
приплелось еще печальное что-то
из-за черного как полночь болота

нагляделась на любимые лица
больше здесь я говорит не жилица
обрекли меня стыду и бесчестью
злое горе мне судьба причинила
словно вынули из воздуха песню
словно солнце окунули в чернила
ни ногой теперь назад ни версты я
невозвратные мои золотые

и заплакали тогда и завыли
в соснах совы загудели забили
а печальное из чащ где трясина
не имеющее формы и вида
провожало до калитки спасибо
ковыляло до плетня деловито
остальные обнялись поревели
и остались жить одни как умели

долго шла через покосы и пашни
в край где грохот и стеклянные башни
в небесах стальные птицы летали
в стороне обосновалась неблизкой
и приматывала крылья бинтами
и работала потом программисткой
прежней жизни от нее ни привета
далеко должно быть за морем где-то

отчего мы с ней не за морем вместе
слишком много там для нечисти чести
ни слезинки у реки ни укора
чахнет чаща в непричесанном виде

мы от века не имели другого
представления о свете и быте
небо черное в трясине качалось
лишь бы время все текло не кончалось

городской романс

гортань перетянуло проводом
теснило легкие стеной
когда прощался с этим городом
и город в юности со мной

плыла река его красавица
и вечер в зареве дрожал
казалось мне что все останется
куда бы я ни уезжал

осталось пылью и осколками
былой любви в помине нет
а только боль о том насколько мы
дурны собой на склоне лет

зачем так бережно прощаемся
на обоюдном рубеже
раз никуда не возвращаемся
вернуться некуда уже

струятся в космосе напрасные
без встречи млечные ручьи
и насовсем погасли ясные
глаза убей не вспомню чьи

недолго беглому к мосту нести
скелет завернутый в белье
увы не будет больше юности
в прекрасном городе ее

путник

одевала снегами зима
мировой минерал
разбегался и прыгал с холма
высоту набирал

за лисой устремлялся в лесу
засыпал барсуком
ледяную равнину внизу
измерял босиком

застывал у людского жилья
удивлялся порой
что за жизнь у двуногих своя
и не будет второй

заставала в распадке заря
но дерзал все равно
как старинный дерсу узала
в том японском кино

только правды не знал никакой
потому что нельзя
для чего облака над рекой
а под ними земля

почему если свет полоса
он не выгорит весь
кто такие барсук и лиса
и зачем они здесь

возвращался когда уставал
для прочистки систем
только изредка существовал
или не был совсем

зеркало

в эти тревожные минуты
наши мысли почти неминуемо
устремляются к императору
как ему одиноко в ледяном дворце
и почему он все время молчит

у яшмовых ворот толпа затоптала шпиона
гарнизон на востоке остался без риса
ходили слухи что велено посылать
юных девушек для полкового котла
не верю но младшей соседской дочери
нет уже второй вечер

новый слуга вернулся лишь около полуночи
без шапочки и от него пахло вином
рассказывал что чжурчжэни уже в столице
и что кровь на площади у жемчужного храма
стояла по щиколотку как черное зеркало
последнее время он невыносимо груб
надо велеть управляющему высечь
эти чжурчжэни для них только повод

навестил достопочтенный советник и
с листками танской каллиграфии
купил за бесценок у букиниста
бесценок и есть но было неудобно
огорчать друга велел подать вино и сливы
из последнего запаса но того стоило
давно так чудно не коротали вечер
на обратном пути достопочтенного и
выбросили из паланкина и забили палками
эти чжурчжэни у них только предлог

снова горит но теперь на западе
стражникам работы по горло
старый халат свалялся и не греет
надо бы отправить за хворостом
но некого и вряд ли кто продаст
как прекрасна луна в черном бархате небес
в черном шелке дыма

похоже горит у самого дворца
с той стороны где конюшни и гарем
кисти давно не чищены и тушь пересохла
император богоравен но и он боится
мы знаем что он боится за нас
но у нас уже не осталось для него
слов утешения

* * *

игла гранитная с трудом
сквозь сон подъем звонила
и на корабль похожий дом
углом на край залива

толпой к полуночи друзья
в стекло с гостинцем птица
тебе нельзя теперь нельзя
в таком краю родиться

не навестить себя в стране
куда на хвойном фоне
стекали улицы к заре
из каменной ладони

что уцелело от тебя
полуприкрыто кожей
теперь скитается терпя
у сумерек в прихожей

задуть свечу найти кровать
и в тесноте колодца
такую жизнь существовать
какая остается

другая вымысел была
она приснилась ночью
ее гранитная игла
стремглав струится в почву

там склад людей и между них
впотьмах вершат скитанья
друзья которых нет в живых
до скорого свиданья

зимний этюд о красоте и правде

у шальной зимы-старушки
влажный прыщ на пятачке
сверху глазки сбоку ушки
дюза в розовом очке

в честь явления старухи
в чистом поле пелена
ось движения снаружи
в грунт гвоздем искривлена

летом там росла природа
нынче мужество стерпи
беззащитней помидора
нету овоща в степи

вещий овощ образ брата
съезд в пенале со двора
хорошо что всюду правда
только раз и солгала

в мерзлом лабиринте глины
дни таланта коротки
так и не уберегли мы
мандельшта и бараты

снедь в платочке приносили
отмечали рождество
а потом как хиросиму
мозг в капусту разнесло

выпьем брат за мирный атом
вин редчайшие сорта
в час когда пригнувшись раком
мир спасает красота

уголь с цинком чудо-краски
убыль бога на ветру
вечереющие глазки
ненавидят наверху

постоянство памяти

трубил вечерами в отдельной
квартире присох к адресам
но шороха крови смертельной
однажды не выдержал сам

не вынес асфальта с плевками
автобусных трасс в пустоту
ячейки в кирпичном пенале
положенной даже скоту

снаружи где ветра каверна
к скупой пригляделся зиме
решая что лучше наверно
пропасть и не жить на земле

зима подступала к порогу
в глаза ледяная игла
и видит на север дорогу
где лезвием голым легла

сперва его жизнь опасалась
по снежной сбежать полосе
но сверху звезда оказалась
простая звезда как и все

пешком через всю индиану
онтарио вбок и в квебек
по тонкому меридиану
на север ушел человек

туда где медвежья телега
в космическом скрипе колес
и в ливне авроры тюленя
безжалостно ест эскимос

был мозг его мерзнущий занят
звездой а рассудок немил
он чувствовал что исчезает
но помнил что все-таки был

лепидоптерическая лирическая

чем отличился
спутывал шелком личинку лечился
от несваренья
мысли в строке произвольным размером
стихотворенья
скудного смысла примером

смысл возникает
помня что нам для него языка нет
воем из окон
всей немотой прободающей стужу
куколкой кокон
яростно брызжет наружу

кровь перестала
течь в ручейках речевого кристалла
кукольный лепет
лужица мысли дарованной ордам
не уцелеет
смысл сохраняется твердым

тщетная щелка
треск по краям хрусталя или шелка
мучил годами
черная речь оплывет словно грим вся
в пору когда мы
вспомним и проговоримся

* * *

он говорит но это не слова
хотя предсмертно всякие приснятся
а словно бы материя сама
с поличным и принуждена признаться
так сбивчиво и грубо говорит
но судороги смысла тверже бревен
и головы угрюмый габарит
на фоне звездного огня огромен
или молчит но тишина кругла
нигде на память не загнешь угла

чьей речи дар навеки отняло
секрет логических словосложений
уже и неба нет ни одного
одна вода с дрожаньем отражений
он говорит но голос как без рук
ни выплеска наружу смысл внутри весь
и напряженьем опровергнут звук
того чей весь язык здесь взят на привязь
чей вулканический подпольный пыл
по склону пемзой пепельной оплыл

тьма роскошь где и раньше не светло
и ясность там где понято навеки
что это чаща только и всего
а не чудовищ адские набеги
не нам судить сумел или смогу
существованье телу не работа
и выстрел аристотеля в мозгу
и мирное жужжанье идиота
лишь сочетанье четырех начал
он говорит но лучше бы молчал

лед

в эту зиму для нас не жалели льда
не дороже лед чем твоя вода
но ложится тяжко на провода
потому что твердый
от него вповалку на площадях
истуканы на бронзовых лошадях
о брусчатку мордой

забивали газеты внутрь мокасин
бились насмерть за мыло и керосин
на бульварах в бурю тела осин
как стекло звенели
жизнь была отложена на потом
притерпелись видно под хомутом
к бороне к зиме ли

нам и в пропасть очередь не тесна
тут сболтнул один что скоро весна
повязали тепленького со сна
не велят об этом
но запал нам в душу пример воды
нынче мы в мороз как она тверды
а растаем летом

нам не он один прочищал умы
мы откроем детям секрет зимы
мы осину спасем от полярной тьмы
воробья и кошку
а когда здесь лед разнесет дождем
все былые памятники найдем
на брусчатке в лежку

заяц

там наверное темно
но мы собираем игрушки и не боимся
а если боимся то совсем немного
нам обещали что скоро не будет страшно

мы собираем кукол и медведей
и все машинки даже поломанные
потому что жалко всех
мы собираем кубики которые разбросали
один под кроватью но там темно
туда лучше не смотреть

если собирать кубики правильно
то получится картинка белочка
или мяч или смешной клоун
но нам сказали что времени больше нет
и поэтому мы собираем как попало
только нигде не видно этого зайца
с оторванным ухом им уже давно не играли

говорят что все равно не нужно
что мы там уже не будем играть
но откуда они знают сказали быстро
и мы стараемся но непонятно
почему у них больше нет для нас времени
куда они девали все наше время

говорят что бояться не надо но мы знаем
что там все время темно
может быть мы все-таки боимся
но никто не хочет разреветься первым
тогда нас уже не остановишь

вот же он этот проклятый заяц
как же я его не заметил
пусть не говорят что он больше не нужен
там куда мы уходим
куда мы уходим

опыт

вот и научились отличать
бурый цвет от синего
и все реже оступаемся в небо
твердое от жидкого
и уже не рискуем ходить по воде

но еще путаем горе с праздником
хотя обычно чужое со своим
а надежду прячем в рукаве
потому что она пуглива и неуклюжа
и чтобы встречные не стыдили

в праге у соседнего дома
я нашел на тротуаре мертвую крысу
она лежала сжимая в объятиях
мертвого крысенка и я подумал
что сколько ни изощряйся
того кто пишет нам жизнь не превзойти

тем теснее прижимаемся заживо
но мера нашей скромной мудрости
однажды преисполнится
тогда можно будет умереть
и больше не любить друг друга

* * *

был без ума от бабочек сперва
той мощи мышц что в воздух поднимала
поласковей искал для них слова
и жаловался вслух что их так мало

со временем и к сусликам ослаб
душой к мышам в потемках их удела
к любой траве которая росла б
и на луне но жалко не умела

одним из тех осознавал себя
кто в перспективе прах своим казалось
все тщетное к чему не прикасалась
рука творца в ком нет ее следа

простил песок пустынь породу скал
простую пустоту без населенья
и в сиротливом космосе искал
куски пространства для усыновленья

любимые куда теперь без них
в ком контуры отсутствия красивы
на ощупь сна и прав не изыск книг
а прецедент осы или осины

поверил в жидкость сжал в объятьях газ
уловкой жизни смерть опровергая
но не успел об этом дорогая
редакция в другой позвольте раз

все что имеет место

или кто-то допустим пришел
а я уже не подберу ему имени
пробую сосчитать до десяти
но не могу перескочить через семерку
и дважды два теряет всякий смысл
как только выхожу на кухню
тот ли я за кого себя принимаю
за кого меня принимают они
да и те ли это вообще они
которые думают что я именно тот
за кого они меня принимают

больше незачем считать до десяти
все и так вдоль и поперек пересчитано
и каждого строго по одному
до кухни что ни день то дальше
и поэтому таблица умножения проще
и делать вид что никто не пришел
зачем делать вид он и так не пришел
надо вести себя деликатно
словно никого нет дома
словно спрятался так глубоко
как будто бы никогда и не был

круговорот любви в природе

вдруг человеческий детеныш
в утробе отстегнул послед
из деликатных жил плетеныш
смешной скелетик на просвет

мы глупые не обладаем
запретным знанием о том
каким отпетым негодяем
он может вырасти потом

пока жужжит его визжалка
в режиме гибельном своем
нам на него любви не жалко
мы щедро грудь ему суем

горды в угаре материнства
что выношенный жив уже
пока птенец не оперился
весь в майбахе и фаберже

плеснет согласными веслами
от песьей пасти и метлы
вповалку где-нибудь в беслане
чужие матери мертвы

движением его отмашки
падеж у зимних медвежат
как он любимые однажды
при них скелетики лежат

так жеребенок тешит зебру
опарыш муху иногда
но вся любовь уходит в землю
как в пойме талая вода

ежик

мы летели в самолете
что случится мы не знали
дяди разные и тети
по бокам летели с нами

я рассказывал соседу
что ни капельки не плачу
скоро к бабушке поеду
в лес на речку и на дачу

я скучал в окошко глядя
и раскрашивал рисунки
а потом в проходе дядя
что-то вытащил из сумки

мама вскрикнула сначала
я боялся что опасно
а потом она молчала
все затихло и погасло

платье бабушке купили
все исчезло в черном дыме
нас неправильно убили
мы ведь не были плохими

надо пробовать иначе
с мамой мы родимся снова
в виде белочки на даче
в виде ежика лесного

* * *

все хорошее проходит
все плохое остается
словно утлый пароходик
средь торосов сердце бьется
бесы белые рогаты
дыры в корпусе корыта
окончание регаты
навигация финита
крыски серенькие в трюме
или в море рыбки сами
знай заламывают руки
плачут мелкими слезами
жалко рыбок или крысок
всем пиздец злодейский близок
мудрый оператор рейса
не оставил нас в покое
как хорошее ни вейся
все равно в конце плохое

* * *

я их любил но всех сильней тебя
источницу системных неполадок
испытывал терпение тепла
поправ термодинамики порядок

проснувшись льдом из цельного куска
температуру чувствуешь иначе
в системе где из прошлых звезд близка
слепая к правилам теплоотдачи

на всех у кельвина от силы пять
в канун разлуки градусов под старость
пространству в заморозки умирать
не жалко зная что звезда осталась

чем дальше след в окраинную тьму
тем ярче в ночь ее режим рабочий
и поворот всем перечнем к нему
вчерашних очагов и средоточий

там впаянная в невозможный газ
вообразима пепельная птица
которой выпало в последний раз
увидеть с чем ей предстоит проститься

СОДЕРЖАНИЕ